

# С О В Е Т С К А Я Т Ю Р К О Л О Г И Я

АКАДЕМИЯ НАУК СССР



АКАДЕМИЯ НАУК  
АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР



◆  
БАКУ—1975

3

АКАДЕМИЯ НАУК СССР  
АКАДЕМИЯ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

---

# С О В Е Т С К А Я Т Ю Р К О Л О Г И Я

*ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1970 ГОДУ*

*Выходит 6 раз в год*

*№ 3*

*МАЙ—ИЮНЬ*

БАКУ — 1975

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Г. А. АБДУРАХМАНОВ, П. А. АЗИМОВ, Н. А. БАСКАКОВ, М. А. ДАДАШЗАДЕ,  
С. К. КЕНЕСБАЕВ, А. Н. КОНОНОВ, Б. О. ОРУЗБАЕВА, Э. В. СЕВОРТЯН,  
И. С. СЕИДОВ (зам. главного редактора), Э. Р. ТЕНИШЕВ, Е. И. УБРЯТОВА,  
М. Ш. ШИРАЛИЕВ (главный редактор), ЯШЕН КАМИЛЬ

---

Технический редактор *Б. А. Абдуллаев*

Рукописи не возвращаются.

Корректоры *А. Е. Сорокина, Э. Я. Алиева*

---

Сдано в набор 18/IV 1975 г. Подписано к печати 29/VIII 1975 г. ФГ 00921. Формат  
бумаги 70×108<sup>1</sup>/<sub>16</sub>. Бум. л. 3,75. Физ. печ. л. 8. Усл. печ. л. 11,2. Уч.-изд. л. 10,4  
Заказ 2306. Тираж 4085. Цена 1 руб.

---

*Адрес редакции:* 370602, ГСП Баку-122, просп. Нариманова, 31. Академгородок.  
Типография издательства «Коммунист», ул. Авакяна, 529 квартал.

М. Ш. ШИРАЛИЕВ

## ОБ АКТУАЛЬНЫХ ЗАДАЧАХ АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

В настоящее время отдельные области азербайджанского языкознания изучены как в синхроническом, так и в диахроническом плане, осуществлены также некоторые исследования обобщающего характера. К числу важнейших работ, подготовленных научным коллективом Института языкознания им. Насими Академии наук Азербайджанской ССР за последние годы, относятся: «Стилистика азербайджанской художественной речи», «Грамматика азербайджанского языка» (на русском языке), «Современный азербайджанский литературный язык» (в 3-х томах), «Самоучитель азербайджанского языка» (для лиц, владеющих русским языком), «Русско-азербайджанский словарь» (в 3-х томах), первые три тома четырехтомного «Толкового словаря азербайджанского языка», «Азербайджанско-русский фразеологический (идиоматический) словарь», «Удинско-азербайджанско-русский словарь» (с кратким очерком грамматики удинского языка), «История азербайджанского литературного языка советского периода», два выпуска сборника «Культура речи», «Западная группа диалектов и говоров азербайджанского языка» и др. В этом году завершаются такие крупные коллективные работы, как «История азербайджанского литературного языка» (в 2-х томах), «Диалектологический словарь азербайджанского языка» (в 3-х томах), «Диалектологический атлас азербайджанского языка», «Очерки по сравнительной грамматике тюркских языков юго-западной группы», «Семасиология азербайджанского языка».

Несмотря на столь заметные успехи и достижения в развитии азербайджанского советского языкознания, многие вопросы, связанные с грамматическим строем и историей азербайджанского языка, все еще ждут своего глубокого и всестороннего научного исследования. В азербайджанском языкознании, так же как и в тюркологии в целом, исследователи зачастую берут за основу традиционные схемы индоевропейской филологии, причем их работы характеризуются слабостью теоретических основ лингвистического описания и некоторой фактографичностью. По сути дела на материале азербайджанского языка по сей день еще не разработаны в научно-теоретическом плане такие важнейшие проблемы, как слово, части речи и члены предложения, не исследованы до конца и их структурные особенности. Ждут своего решения и многие вопросы разграничения автохтонных и служебных слов, служебных слов и аффиксальных элементов и т. д. Многие союзы, послелогии, частицы и модальные слова, употребительные в общенародном разговорном языке, не получили отражения в грамматиках азербайджанского языка. В синтак-

сисе словосочетания не раскрыта логико-семантическая природа различных причастных, деепричастных и масдарных оборотов, а также определительных словосочетаний. В синтаксисе сложного предложения также продолжают оставаться спорными многие принципиальные вопросы паратаксиса и гипотаксиса, союзного и бессоюзного подчинения, семантико-синтаксической типологии фраз и др.

В настоящее время актуальной задачей азербайджанского языкознания является создание теоретических основ научной грамматики и разработка норм современного азербайджанского литературного языка, применительно к различным функциональным стилям. Руководствуясь марксистско-ленинским принципом единства теории и практики, азербайджанскими лингвистами выдвинуто на передний план решение вопросов, непосредственно связанных с дальнейшим повышением речевой культуры народа. В связи с этим намечается выполнение следующих двух задач:

1) установление норм применительно к фонетике, морфологии, синтаксису и лексике литературного языка, а также уточнение и конкретизация путей и способов описания нормативных подсистем современного азербайджанского литературного языка. Основываясь на разработанных литературных нормах функционирования языка, следует подготовить и издать массовыми тиражами орфографический и орфоэпический словарь, справочник по пунктуации, словари синонимов, антонимов и омонимов, брошюры, посвященные рассмотрению таких вопросов грамматики, как порядок слов в предложении, согласование в лице и числе и др.;

2) выявление всех случаев нарушения литературных норм азербайджанского языка в печати, по радио и телевидению, в сценической и ораторской речи и т. д., с последующим представлением необходимых рекомендаций соответствующим организациям и учреждениям.

В современном письменном азербайджанском литературном языке грамматические нормы в основном соблюдаются, об устном же литературном языке этого сказать нельзя. Разнобой в области литературного произношения объясняется в основном тремя причинами: а) произнесением слов в точном соответствии с их написанием; б) сохранением в речи диалектных особенностей; в) вводом в азербайджанскую речь без особой нужды русских слов и оборотов. Однако, несмотря на все это, в устной азербайджанской речи уже выработались определенные нормы литературного произношения, утвердившиеся в различных сферах и стилях разговорного языка.

Думается, что в настоящее время основным объектом исследования отдела культуры речи Института языкознания им. Насими Академии наук Азербайджанской ССР должна явиться устная форма современного азербайджанского литературного языка. Путем тщательного изучения монологической и диалогической речи, звучащей по радио и телевидению, на театральной сцене и т. д., можно будет выявить типические случаи нарушения норм литературного произношения, с тем, чтобы отметить их при разработке правил орфоэпии и составлении орфоэпических словарей.

Многие определения и категории стилистики современного азербайджанского литературного языка также нуждаются в уточнении и углубленном изучении. В первую очередь это относится к вопросам стиля и нормы языка, стиля художественной речи, исторической стилистики и др.

В связи с внедрением в практику результатов научно-теоретических исследований в области азербайджанского языка при анализе и описании различных уровней и ярусов языковой системы следует использовать возможности моделирования, формализации и автоматизации, раз-

рабатываемые в структурной и математической лингвистике. В век научно-технической революции тюркологическая наука, в том числе и азербайджанское языкознание, должны в необходимых случаях использовать в практических целях возможности инженерно-кибернетической прикладной лингвистики.

В области изучения исторических закономерностей развития языка предусматривается подготовка капитальных работ по исторической диалектологии, исторической грамматике и исторической лексикографии и лексикологии. Для этого необходимо на основе различных источников (письменных памятников, диалектных материалов, топонимических и прочих данных) глубоко изучить фонологическую, грамматическую и лексическую подсистемы языка в диахроническом аспекте.

К числу не решенных до сих пор относятся и многие вопросы исторической грамматики и истории литературного языка. Нередко история литературного языка (описание фонетики, грамматики и лексики литературного языка определенного периода) не отграничивается от исторической грамматики. Между тем предметом исторической грамматики является историческое развитие грамматического строя языка, а предметом истории литературного языка — процесс формирования и развития функциональных стилей литературного языка в отдельные периоды. Поэтому столь актуален вопрос периодизации истории литературного языка (в связи с историей общества).

В различные исторические периоды развития азербайджанского литературного языка важнейшую роль играло взаимное воздействие общенародного разговорного и книжного языка, осложняемое многочисленными внутренними и внешними факторами. С этой точки зрения, история азербайджанского литературного языка может быть подразделена на следующие периоды: 1) донациональный период развития литературного языка (с XI века до 1875 года); 2) национальный период развития литературного языка. Последний в свою очередь четко распадается на два этапа: а) досоветский этап национального литературного языка (1875—1920); б) советский этап развития и расцвета азербайджанского национального литературного языка (с 1920 года по сегодняшний день).

Одной из наименее разработанных областей истории азербайджанского языка является историческая фонетика. Главная причина этого заключается в том, что многие сотни лет азербайджанская письменность была представлена в арабской графике. Как известно, арабский алфавит не передает фонематической системы языка, гармонии гласных и других фонетических явлений. Трудности, возникающие при исследовании исторической фонетики и исторической фонологии азербайджанского языка, можно преодолеть (и довольно успешно) путем привлечения данных диалектов и ареальной лингвистики. При этом во главу угла должно быть поставлено изучение специфических фонетических и фонологических закономерностей, характерных для азербайджанского вокализма и консонантизма.

Историческая лексикология азербайджанского языка также является почти полностью не изученной областью исторического языкознания. Привлекая материалы письменных памятников азербайджанского языка и глоссариев, можно проследить лексико-семантическое развитие не только исконных слов, но и заимствованной лексики, то есть всего словарного состава языка. Для исторической лексикологии несомненный интерес представляют и такие вопросы, как время, условия и пути проникновения в словарный состав азербайджанского языка заимствованной лексики, степень и характер семантических сдвигов в заимствованных словах, причины вытеснения ряда исконных слов арабскими и пер-

спдскими заимствованиями, обогащение словарного состава литературного языка общенародной разговорной лексикой и заимствованиями через посредство русского языка и др. Кроме того, многие вопросы исторической семасиологии, исследованные в индоевропеистике, в тюркологии, в частности в азербайджанском языкознании, продолжают оставаться неизученными (сужение и расширение значений, метафорические и метонимические переносы, омонимия и синонимия и др.). Совершенно не исследованной остается такая область, как историческое словообразование и историческая фразеология азербайджанского языка.

Дальнейшее развитие исторической лексикографии предполагает создание многотомного исторического словаря азербайджанского языка, призванного отразить материалы письменных памятников и лексику произведений классиков азербайджанской литературы, в сопоставлении с данными орхоно-енисейских, уйгурских и средневековых кыпчакских памятников.

Перед азербайджанскими диалектологами стоят две большие задачи: 1) создание четырехтомника «Диалектологические материалы азербайджанского языка», чему должны предшествовать соответствующие монографические исследования и точное фонетическое транскрибирование всех собранных языковых фактов (по четырем группам диалектов и говоров азербайджанского языка), а также составление словаря диалектизмов, употребительных в языке художественных произведений азербайджанских писателей; 2) подготовка исторической диалектологии азербайджанского языка. Решение этой задачи связано с выявлением и тщательным изучением соответствующих диалектных материалов по письменным и другим источникам.

Как известно, начиная с V века в северной части Азербайджана были представлены отдельные тюркские языки кыпчакского типа, сыгравшие важную роль в формировании азербайджанского общенародного языка. В северной и отчасти восточной группе диалектов и говоров азербайджанского языка до сих пор отчетливо проявляются кыпчакские особенности. Задача азербайджанских диалектологов — выявить сохранившиеся в фонетике, лексике и грамматике азербайджанского языка кыпчакские элементы.

Историкам азербайджанского языка предстоит воссоздать основные особенности азербайджанского общенародного языка дописьменного периода. Решение этой задачи непосредственно связано с изучением данных кавказских, древнеиранских, древнеармянских и грузинских источников, а также диалектных материалов и памятников древнетюркской письменности начиная с V века.

Реализация связи азербайджанского языкознания с практическими запросами жизни народа будет осуществляться посредством ряда мероприятий, содействующих повышению речевой культуры широких масс, а также путем популяризации в доступных формах достижений азербайджанского языкознания.

Таковы в кратких чертах наиболее актуальные задачи азербайджанского языкознания.

---

## СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

Г. К. КУЛИЕВ

### СЕМАНТИЧЕСКИЕ ГРУППЫ ГЛАГОЛОВ

(НА МАТЕРИАЛЕ ЮГО-ЗАПАДНОЙ ГРУППЫ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ)

В лексике каждого языка имеются глаголы, близкие по семантике. Так, например, глаголы: азерб. *je-*, туркм. *ij-* 'есть'; азерб., туркм. *iç-* 'пить'; азерб. *id-*, туркм. *jıvut-* 'глотать' означают процессы, связанные с питанием; азерб. *jaɣat-*, туркм. *döret-*, *jaɣat-* 'создавать, творить'; туркм. *gıg-* 'строить'; азерб. *ög-*, туркм. *ög-* 'плести, вязать', азерб. *gajug-*, туркм. *jasä-* 'мастерить, изготовлять' и другие обозначают трудовые созидательные процессы. Совершенно очевидно, что глаголы *jasä-* и *iç-* по своей семантике несовместимы: *jasä-* означает трудовой созидательный процесс, а лексическое значение глагола *iç-* связано с процессом питания. Такую же семантическую несовместимость можно видеть при сопоставлении азерб., туркм. *bil-* 'знать, узнавать' и азерб. *g'et-*, туркм. *git-* 'идти, уходить', так как семантика первого глагола выражает мыслительный акт, а второго — акт движения. Поэтому в каждом языке глаголы в соответствии с их лексическим значением распадаются на отдельные лексико-семантические группы или разряды<sup>1</sup>.

Глаголы, составляющие определенный семантический разряд, имеют и ряд общих грамматических особенностей, обусловленных близостью их значений. Так, например, глаголы движения (туркм. *baɣ-*, гаг. *vaɣ-* 'идти, ходить'; азерб. *g'et-*, туркм. *git-* 'идти, уехать'; азерб., туркм. *gop-*, тур. *qop-* 'сесть, опуститься на что-то (о птицах), приземлиться'; азерб., туркм., гаг. *düş-*, 'падать, упасть', 'слезать, слезть'; азерб. *igälilä-*, туркм. *ilerle-* 'идти, двигаться вперед' и т. д.), обозначающие механическое перемещение субъекта в пространстве, имеют следующие общие грамматические особенности: 1) все они непереходные; 2) не образуют страдательного и возвратного залогов; 3) управляют пространственными падежами.

Общие грамматические признаки присущи глаголам и других семантических разрядов. Так, например, глаголы действия с динамическим воздействием на предмет (азерб. *g'ätir-*, туркм. *getir-* 'приносить, привозить'; азерб. *at-*, туркм. *zuŋ-* 'кидать, бросать'; азерб. *sürgü-*, туркм. *süjre-*, азерб. *çäk-*, туркм. *çeç-*, азерб. *dart-* 'тянуть, ташить'; азерб. *apag-*, туркм. *äqit-* 'вести, унести'; азерб. *daşu-*, туркм. *daşa-* 'возить, перевозить' и другие) являются переходными, управляют винительным, дательным-направительным и исходным падежами и т. д.

<sup>1</sup> См. об этом также: Г. К. Кулиев. Семантическая классификация глаголов азербайджанского и туркменского языков. — «Известия Академии наук Азербайджанской ССР. Серия литературы, языка и искусства». Баку, 1968, № 1.

Управление глаголов, относящихся к определенному семантическому разряду, носит общий характер. При изучении переходности и непереходности, падежных значений, а также исследовании залогов и других грамматических категорий глаголов возникает необходимость в учете их семантической дифференциации.

Начало семантической классификации тюркских глаголов было положено Н. К. Дмитриевым<sup>2</sup>, на работу которого опирались все последующие исследователи. В дальнейшем вопрос семантической классификации тюркских глаголов рассматривался лишь в связи с монографическими исследованиями тех или иных грамматических категорий или же в некоторых грамматических очерках<sup>3</sup>. Семантическим разрядам тюркских глаголов также были посвящены специальные статьи<sup>4</sup>.

В данной работе мы ограничимся попыткой сгруппировать наиболее употребительные корневые и синтетические глаголы юго-западной группы тюркских языков по семантическим разрядам. При их переводе будут даны одно, реже два основных значения. Глаголы приводятся нами в основном залоге, во втором лице императивной формы, совпадающей с глагольной основой. Предложенные в статье семантические разряды должны, по нашему мнению, охватить почти все глаголы.

В числе трудов, рассматривающих вопросы семантической классификации глаголов, прежде всего следует назвать «Грамматику азербайджанского языка»<sup>5</sup>. В этой работе глаголы азербайджанского языка подразделяются на следующие семантические разряды: 1) глаголы движения; 2) глаголы действия; 3) глаголы речи; 4) глаголы, связанные с процессом мышления, зрения и слуха; 5) глаголы состояния.

Другая семантическая классификация тюркских глаголов предложена В. Ф. Вещиловой: 1) глаголы движения — глаголы, обозначающие перемещение субъекта в пространстве; 2) глаголы действия — глаголы, обозначающие воздействие субъекта на объект. Эта группа глаголов чрезвычайно многообразна, она отражает многообразие деятельности человека; 3) глаголы жизненных процессов. Эта группа может быть подразделена на более мелкие, как-то: глаголы питания, осязания, зрения, речи, слуха, чувств, мышления и т. п.; 4) глаголы явлений природы<sup>6</sup>.

Из этих выделенных В. Ф. Вещиловой семантических групп глаголов возражение вызывает третья группа. С нашей точки зрения, термин «глаголы жизненных процессов» в данном случае является неудачным, ибо глаголы движения, глаголы действия и многие другие также обозначают фактически жизненные процессы и, следовательно, могут быть отнесены к этой группе. Кроме того, глаголы питания, выражающие конкретное действие, семантически ближе к глаголам действия, нежели к глаголам мышления и восприятия (зрения и слуха), выражающим абстрактное действие.

<sup>2</sup> Н. К. Дмитриев. Глаголы речи в языках тюркской группы. Глаголы мышления. Глаголы действия. Глаголы движения. — В сб.: «Очерки по методике преподавания русского и родного языка в татарской школе». М., 1952.

<sup>3</sup> Л. И. Лебедева. Глагольное управление в киргизском языке. Канд. дисс. (машинопись). М., 1954; В. Ф. Вещилова. Глаголы движения в турецком языке. — В сб.: «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков». Часть IV. Лексика. М., 1962, стр. 93—105; «Азербайжан дилинин грамматикасы», I hissə. Морфолокија. Баку, 1960, стр. 95—105.

<sup>4</sup> Э. Р. Тенишев. Глаголы движения в тюркских языках; А. А. Юлдашев. Глаголы чувственного восприятия; Н. З. Гаджиева, А. А. Коклянова. Глаголы речи в тюркских языках. — В сб.: «Историческое развитие лексики тюркских языков». М., 1961, стр. 232—460; E. V. Sevortjan. Les verbes de mouvement dans la langue azerbaïdjanaise. — «Acta Orientalia», t. XIV, f. 1. Budapest, 1962, стр. 101—122.

<sup>5</sup> «Азербайжан дилинин грамматикасы», I hissə. Морфолокија.

<sup>6</sup> В. Ф. Вещилова. Указ. раб., стр. 101.

Глаголы речи тоже не должны включаться в этот разряд, так как они в тюркских языках в семантическом отношении отличаются от других глаголов той же группы.

Б. Б. Кульмагамбетова, исследовавшая аффиксальное образование глаголов в современном казахском языке, предлагает следующую семантическую классификацию первообразных глаголов: 1) глаголы, выражающие действие, движение человека; 2) глаголы, выражающие мышление и чувствование человека; 3) глаголы, выражающие переживания человека; 4) глаголы, выражающие способы приема пищи; 5) глаголы, выражающие моменты поведения и черты облика человека; 6) глаголы звукоподражательного характера<sup>7</sup>.

Автор данной семантической классификации неоправданно включает глаголы действия и движения человека в один и тот же семантический разряд, тогда как они должны быть отнесены к двум самостоятельным семантическим группам, ибо понятия, отражающие акты действия и движения, по содержанию не совпадают и легко различаются. Определение «глаголы звукоподражательного характера» также следует считать неудачным. Правильнее было бы назвать эту группу хотя бы «глаголы, образованные от звукоподражательных слов», однако тогда она уже не может считаться семантическим разрядом. Глаголы, входящие в данную группу, могут быть распределены по другим семантическим разрядам (например, азерб. *hogulda-*, туркм. *hogla-* 'храпеть' — глагол, выражающий состояние, или азерб. *hajla-* 'кликать, окрикивать, окликать, звать издали, аукать' — глагол речи). Следует заметить, однако, что некоторые семантические группы глаголов не охватываются этой классификацией (глаголы речи и некоторые другие).

С. А. Рзаев глаголы азербайджанского языка делит на восемь разрядов: глаголы речи, глаголы мышления, глаголы зрения, глаголы слухового восприятия, глаголы состояния, глаголы деятельности, глаголы движения, глаголы перемещения<sup>8</sup>.

Такие группы, как «глаголы зрения» и «глаголы слухового восприятия», выражают «действия» органов чувств, в результате которых воспринимаются предметы или явления. Поэтому глаголы зрения и слуха могут быть объединены в одну группу. В эту же группу можно включить также «глаголы вкуса» и «глаголы обоняния» под общим названием «глаголы восприятия», как это и принято в тюркологической литературе<sup>9</sup>.

Глаголы, объединенные С. А. Рзаевым в группу «глаголы перемещения», обозначают динамические воздействия субъекта на объект и составляют подгруппу глаголов действия. Таким образом, С. А. Рзаев в своей классификации рассматривает фактически лишь пять групп глаголов, тем самым придерживаясь положения, уже утвердившегося в тюркологической литературе, и поэтому нет никакой необходимости искусственно вводить мелкие семантические группы.

В своей работе С. А. Рзаев общепринятый в тюркологии термин «глаголы действия» заменяет термином «глаголы деятельности», ссыла-

<sup>7</sup> Б. Б. Кульмагамбетова. Аффиксальное образование глаголов в современном казахском языке. Автореф. канд. дисс. Алма-Ата, 1955, стр. 7.

<sup>8</sup> С. А. Рзаев. Семантические разряды глагола в современном азербайджанском литературном языке. Автореф. канд. дисс. Баку, 1970, стр. 10.

<sup>9</sup> А. А. Юлдашев. Глаголы чувственного восприятия (*verba sentiendi*) в тюркских языках. — В сб.: «Историческое развитие лексики тюркских языков». М., 1961, стр. 294—321.

ясь при этом на Н. К. Дмитриева<sup>10</sup>. Однако, как известно, Н. К. Дмитриев тоже пользовался термином «глаголы действия».

С учетом сказанного мы предлагаем следующую семантическую классификацию глаголов:

I. Глаголы действия. Эту большую группу можно подразделить на подгруппы: 1) глаголы созидательного действия; 2) глаголы разрушительного действия; 3) глаголы действия со значением частичного изменения; 4) глаголы с динамическим воздействием на предмет и 5) глаголы с обозначением процессов принятия пищи. II. Глаголы чувственного восприятия (зрения и слуха). III. Глаголы речи: 1) глаголы речи, обозначающие только сам акт речи; 2) глаголы речи с дифференцированным значением. IV. Глаголы мышления. V. Глаголы движения. VI. Глаголы, выражающие психическое состояние (чувствования и переживания). VII. Глаголы состояния: 1) глаголы, обозначающие общее состояние; 2) глаголы, обозначающие физические изменения качеств, признаков и свойств. VIII. Образные глаголы. IX. Глаголы, обозначающие явления природы.

Следует отметить, что данная классификация не охватывает абсолютно все глаголы тюркских языков; некоторые из них остаются вне перечисленных групп.

Необходимо также подчеркнуть, что семантическая классификация тюркских глаголов является в известной мере условной. Так, например, глагол *düş-* (туркм.) имеет следующие значения: 1) падать, свалиться, сваливаться; 2) опускаться, опуститься; 3) слезать, сходить, сойти; 4) попадать, попасть (в руки, ловушку); 5) понимать, понять, догадываться, догадаться<sup>11</sup> и т. д. Как видно из этого примера, один и тот же глагол может иметь в языке различные значения. Если сопоставить значения «слезать, сходить» и «понимать, понять», то можно убедиться, что глагол «слезать» выражает перемещение предмета в пространстве, а глагол «понимать» связан с актом мышления; поэтому отнести глагол *düş-* к определенному семантическому разряду не представляется возможным, так как по первому приведенному значению он принадлежит к группе глаголов движения, а по второму — к группе глаголов мышления.

Глагол *şax-* (азерб.) имеет следующие значения: 1) спустить курок; 2) высекать (огонь); 3) сверкать, блеснуть; 4) вколачивать, вбивать, вонзать; 5) чеканить, штамповать<sup>12</sup>. В туркменском языке этот глагол имеет форму *şaq-* и употребляется в следующих значениях: 1) высесть (огонь); 2) ударить (о молнии); 3) ужалить (о змее, скорпионе); 4) шепнуть (на ухо)<sup>13</sup>. Исходя из приведенных значений этого глагола, его можно отнести к различным семантическим разрядам. Приведем пример из гагаузского языка. Глагол *düz-* обозначает: 1) чинить, исправлять, ремонтировать; 2) *перен.* исправлять, заглаживать; искупать (ишлери *düzmää* 'исправить положение'); 3) мастерить, делать что-либо; 4) заправлять, приправлять (пищу); 5) разбавлять (вино, молоко); 6) украшать, убирать; наряжать; 7) составлять, сочинять; 8) создавать, изобретать, выдумывать; 9) настраивать (музыкальный инструмент); 10) знать-ся (с женщинами)<sup>14</sup>. Таких полисемантических глаголов в тюркских языках множество. Поэтому при семантической классификации глаголов

<sup>10</sup> С. А. Рзаев. Указ. раб., стр. 7.

<sup>11</sup> Х. Байлыев *ве* Б. Каррыев. Туркменче-русча сөзлүк. Ашгабат, 1940.

<sup>12</sup> «Азәрбајҹанча-русча лүгәт». Бақы, 1965.

<sup>13</sup> Х. Байлыев *ве* Б. Каррыев. Указ. раб.

<sup>14</sup> «Гагаузско-русско-молдавский словарь». М., 1973.

юго-западной группы должно учитываться их основное значение, данное в словарях национальных языков.

Как справедливо замечает Л. Н. Харитонов, «всякая классификация глаголов по семантическим признакам неизбежно является весьма условной и относительной. Это обуславливается главным образом многозначностью и многообразием речевой функции глаголов»<sup>15</sup>.

**I. Глаголы действия.** Одной из основных групп переходных глаголов в тюркских языках считается группа глаголов действия, которые В. Ф. Вещиловой определяются как «глаголы, обозначающие воздействие субъекта на объект»<sup>16</sup>. Воздействие субъекта на объект связано с многообразной человеческой деятельностью, что обуславливает множество лексических значений глаголов действия; поэтому возникает необходимость подразделения их на несколько подгрупп:

1) **глаголы созидательного действия.** В результате действия, выраженного глаголами этой подгруппы, создается или производится нечто конкретное. Сюда относятся такие глаголы, как: азерб., тур., туркм., гаг. *jaz-* 'писать'; азерб., туркм. *sal-*; азерб. *gug-*, тур. *jar-*, *qug-*, гаг. *qug-* 'строить, сооружать', тур., туркм., гаг. *diq-* (четвертое значение, данное в словаре) 'соорудить'; азерб., тур., туркм., гаг. *jağat-* 'создавать, творить'; азерб. *höğ-*, тур., гаг. *ög-*, туркм. *ög-* 'заплетать, вязать'; азерб. *gajug-* 'делать, творить' (последний глагол в этом значении в современном турецком и туркменском литературных языках не употребляется); азерб. *tik-* 'шить'; 'строить', тур., гаг. *diq-* 'шить' и т. д.;

2) **глаголы разрушительного действия.** Значения глаголов этой подгруппы противоположны значениям глаголов созидания. Сюда можно отнести следующие глаголы: азерб. *gug-*, туркм. *döv-*, тур., гаг. *qug-* 'ломать, разбивать'; азерб. *jux-*, тур., гаг. *jüq-* 'разрушать, разваливать'; азерб., туркм. *gug-*, тур., гаг. *qug-* 'уничтожать, истреблять'; азерб. *käs-*, туркм., тур., гаг. *qes-* 'резать, отрезать'; азерб. *sök-*, туркм., тур., гаг. *söq-* 'распороть, разбирать'; азерб. *jağ-*, тур., гаг. *qes-*, *doğra-* 'расщепить, разрубить пополам'; азерб. *çal-*, *biç-*, туркм. *çal-*, *oga-*, тур. *biç-* 'косить' (глагол *çal-* часто употребляется в западной группе диалектов и говоров азербайджанского языка); азерб. *roz-*, туркм. *boz-*, тур., гаг. *sil-* 'стереть'; азерб., тур., гаг., туркм. *soj-* 'сдирать кожу с чего-либо, с кого-либо'; азерб. *gugx-*, тур. *teğış et-*, туркм. *beğeg-*, гаг. *qugq-* 'стричь, побрить' (глагол *beğeg-* в азербайджанском и туркменском языках имеет значение и «обрабатывать землю»); азерб., тур. *boğ-*, туркм. *boğ-* 'душить'; азерб., тур. *doğra-*, туркм. *dogra-*, гаг. *doğa-* 'кромсать, крошить, разрезать'; азерб. *ov-*, туркм. *ıfala-* 'крошить'; азерб. *žug-*, туркм., тур., гаг. *jügt-* 'рвать, разрывать'; азерб., туркм., тур., гаг. *as-* 'вешать, казнить' и т. д.;

3) **глаголы действия со значением частичного изменения.** К этой подгруппе принадлежат глаголы, выражающие действия, приводящие к частичному изменению объекта. Сюда относятся глаголы: азерб. *bäzä-*, туркм., тур. *beze-*, тур. *süsle-* 'украшать, наряжать'; азерб., тур., туркм., гаг. *boja-* 'красить', азерб. *jop-*, тур. *jopt-*, туркм. *jop-* 'обстругать'; азерб. *kärt-*, туркм., тур., гаг. *qert-* 'зарубить (сделать зарубку), надрезать'; азерб., туркм., тур., гаг. *jama-*, тур., гаг. *jamala-* 'латать, чинить' и др.;

4) **глаголы со значением динамического воздействия на предмет,** то есть такие глаголы, в результате выражаемого действия которых происходит перемещение или изменение положения предмета в пространстве: азерб., туркм. *arag-*, туркм. *äqit-*, тур., гаг. *götür-*, туркм. *elt-* 'уносить, увести' (глагол *arag-* в современном туркменском языке не употребляет-

<sup>15</sup> Л. Н. Харитонов. Типы глагольной основы в якутском языке. М.—Л., 1954, стр. 19.

<sup>16</sup> В. Ф. Вещилова. Указ. раб., стр. 101.

ся, а значение «уносить, увести» передается формой *alup bar-*, то есть исходной формой глагола *arap-*); азерб. *g'ätir-*, тур., гаг. *getir-* 'принести, привозить'; азерб. *tök-*, тур., гаг. *döq-*, туркм. *guj-* 'лить, вылить'; азерб., тур., гаг. *at-*, гаг. *baset-*, туркм. *zuñ-*, азерб. *tulla-* 'кидать, бросить'; азерб. *itälä-*, туркм. *itele-*, тур. *it-*, гаг. *itir-* 'толкать'; туркм. *ruz-* 'швырять (кого-либо, что-либо), катить что-либо по земле, по полу'; азерб., гаг. *sügü-*, туркм. *tart-*, *süjre-*, тур. *sügüqle-*, азерб. *çäk-*, тур., гаг. *çeç-* 'тащить'; азерб. *daşu-*, тур., гаг. *taşu-*, тур. *paçlet-*, *götür-*, туркм. *daşa-* 'возить, везти, перевезти' и т. д.;

5) глаголы, обозначающие процесс принятия пищи. Количество их в тюркских языках невелико. Большинство из них корневые. Сюда относятся: азерб., тур. *je-*, туркм. *ij-*, гаг. *i-* 'есть, кушать'; азерб., тур., гаг., туркм. *iç-* 'пить'; азерб. *ud-*, тур., гаг. *jut-*, туркм. *juvut-* 'глотать'; азерб. *çejnä-*, тур. *çigne-*, *çejne-*, гаг. *çi:ne-* 'жевать' и др.

II. Глаголы чувственного восприятия. «Основной отличительной чертой этих глаголов является то, что они обозначают не действие, активно вызываемое субъектом, а чувственное восприятие, констатируемое субъектом»<sup>17</sup>.

Количество глаголов чувственного восприятия в тюркских языках невелико. Сюда относятся следующие подгруппы глаголов:

1) глаголы зрительного восприятия: азерб. *g'ör-*, тур., туркм., гаг. *gög-* 'видеть, увидеть'. Этот глагол является общетюркским. Близок ему по значению и употребляемый в ряде тюркских языков, например в туркменском, глагол *gaга-* 'смотреть, глядеть'. То же самое значение имеет туркменский глагол *seret-*. Глагол *gaга-* в азербайджанском языке не употребляется, а глагол *seret-* (туркм., тур.) бытует в форме *sejг et-*, *sejг elä-* в двух значениях: «гулять, прогуливаться» и «смотреть, наблюдать, созерцать»<sup>18</sup>. В значении «смотреть, глядеть» в большинстве тюркских языков употребляется глагол: азерб. *baх-*, тур., туркм., гаг. *baç-*;

2) глаголы слухового восприятия. В значении «слышать, услышать» употребляется глагол: азерб., туркм. *eşit-*, тур., гаг. *işit-*. В эту подгруппу входит также глагол: азерб. *dinlä-*, туркм. *dinle-* 'слушать, выслушать' и др.;

3) глаголы вкусового восприятия и обоняния. Вкусовое восприятие обозначается глаголами: азерб. *dad-*, тур. *tat-*, гаг. *dat-*, туркм. *da:t-* 'испробовать, отведать на вкус'. Это значение в туркменском языке выражается в большинстве случаев аналитической формой *dadup gög-* 'попробовать': *çogbanup tagamunup dadup gögmek* 'попробовать суп'<sup>19</sup>. Сюда относятся: азерб., тур. *hisset-*, азерб., туркм., тур. *duj-* 'чувствовать, ощутить'. В значении «почувствовать, почувствовать» употребляются глаголы: азерб., тур. *sez-*, туркм. *süz-*, азерб., тур. *anla-*, гаг. *anna-*.

Акт обоняния выражается в туркменском языке глаголом *y:sga-* 'нюхать, понюхать, чувствовать запах'. То же самое значение имеет и азербайджанский глагол *ijla-*, тур. *qoqla-*, гаг. *qoç-*, *qoqla-*.

III. Глаголы речи. Одну из основных семантических групп глаголов в тюркских языках составляют глаголы, связанные с процессом речи.

В статье Н. К. Дмитриева, посвященной этому семантическому ряду глаголов, говорится: «... цикл глаголов речи (*verba dicendi*) представляет собой важнейшее звено в общей системе семантики глагола. Во всех языках мира этот глагольный цикл выделяется своей значимостью»

<sup>17</sup> А. А. Юлдашев. Указ. раб., стр. 295.

<sup>18</sup> «Азербайжанча-русча лүгәт».

<sup>19</sup> «Туркменче-русча сөzlүк». М., 1968.

и своим частым употреблением в потоке связной речи. Языки тюркской группы не представляют здесь исключения»<sup>20</sup>.

Глаголам речи тюркских языков посвящена совместная работа Н. З. Гаджиевой и А. А. Кокляновой. Согласно их классификации глаголы речи делятся на две семантические подгруппы. К первой подгруппе авторы относят основные глаголы, обозначающие сам акт речи. Ко второй подгруппе ими относятся те глаголы, «... которые называют речевое действие дифференцированно: одни из них определяют характер или способ речи, другие называют объект речи с акцентуацией на форму высказывания и т. д.»<sup>21</sup>.

К группе глаголов речи можно отнести следующие: азерб. *de-, bähset-*, туркм. *dij-*, тур. *qonuş-, bahset-, de-*, гаг. *de-, qonuş-* 'говорить, сказать'. В этом значении в туркменском языке встречается еще глагол *ajt-*. Этот глагол имеется почти во всех тюркских языках (кроме современного азербайджанского литературного, турецкого и гагаузского), встречаясь в двух формах: с конечным *-t* и без него<sup>22</sup>.

Н. К. Дмитриев писал по поводу этого глагола: «Исторически он разлагается на две части: корень+аффикс понудительного залога. Таким образом, предполагаемое значение этой основы должно было быть: „заставить||велеть, позволить, говорить“, а не просто „говорить“ (*aj-*). Однако, как и в некоторых других случаях, содержание понудительного залога здесь давно уже „выветрилось“, и когда-то составная основа *ajt-* ныне уже не сознается в качестве таковой»<sup>23</sup>.

Туркменский глагол *ajt-* встречается в языке произведений азербайджанских классиков (Насими, Хатаи, Хейран-ханым и др.). Этот архаический для современного азербайджанского литературного языка глагол сохранился в физиулинском и имишлинском говорах азербайджанского языка в форме *aj-*<sup>24</sup>, характерной и для «Дивана Махмуда Кашгари»<sup>25</sup>.

Глагол *ajt-* в туркменском языке часто сочетается с глаголом *beg-*. Последний при глаголе *ajt-* указывает на «обращенность» речи к слушателю: *ajdur beg-* 'рассказывать кому-то, спеть'.

Близок по значению к туркменскому *ajt-* азербайджанский глагол *söjlä-*, тур. *söjle-*, гаг. *söle-* 'рассказывать, сказать'. В туркменском языке в значении «говорить, сказывать, произносить речь» употребляется глагол речи *gerle-*. Сюда относятся также азербайджанский глагол *dillän-*, тур. *qonuşmağa başla-, söze başla-, söz aç-* 'заговорить'; азерб., тур., гаг. *soğuş-*, туркм. *soga-, sogaş-*, тур., гаг. *sog-* 'спрашивать, спросить'. Последний глагол встречается в форме *sog-*<sup>26</sup> и в языке памятников древнетюркской письменности. Следовательно, форма *sog-* может считаться древнее остальных. Активное участие двух и более лиц в беседе выражается глаголами: азерб. *söhbätläş-, söhbät et-*, туркм. *gürleş-, gürrünleş-*, тур. *qonuş-, söhbet et-* 'беседовать'.

В значении «повторить» употребляется глагол азерб. *täkrarla-, täkrar et-*, туркм. *gajtala-* (редко *teqarla-*, как и в гагаузском), тур. *teqarla-, teqrar et-*.

<sup>20</sup> Н. К. Дмитриев. Строй тюркских языков. М., 1962, стр. 570.

<sup>21</sup> Н. З. Гаджиева, А. А. Коклянова. Глаголы речи в тюркских языках. — В сб.: «Историческое развитие лексики тюркских языков». М., 1961, стр. 322.

<sup>22</sup> С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951, стр. 355.

<sup>23</sup> Н. К. Дмитриев. Строй тюркских языков, стр. 571.

<sup>24</sup> «Азэрбајчан дилинин диалектоложу лүгәти». Баку, 1964; Р. Рустамов. Азэрбајчан дилинин диалект вә шивәләриндә фе'л. Баку, 1965, стр. 38.

<sup>25</sup> «Divanü-lügat-it-türk tercümesi», ceviren Besim Atalay, cilt 1. Ankara, 1939, стр. 32, 207.

<sup>26</sup> С. Е. Малов. Указ. раб., стр. 422.

К этому семантическому разряду глаголов относятся также: азерб., тур. çağug-, туркм. ça:ğug-, гаг. ça:r- 'звать, позвать'; азерб. səslä-, hajla-, тур. seslen-, гаг. seset- 'окликать, позвать'.

IV. **Глаголы мышления.** Эта группа глаголов выражает понятия, связанные с актом мышления. Количество их в тюркских языках невелико. Сюда относятся: азерб., тур. anla-, туркм. aňla-, гаг. аппа- 'понимать, понять'. Со значением «понимать, понять» употребляется в азербайджанском языке аналитический глагол baša düš-, а в туркменском языке düš-||düşün-. Форма düşün- в азербайджанском языке имеет значение «задуматься». Интересно отметить, что этот глагол в том же значении в туркменском языке употребляется в двух формах: с *n*, которую можно считать возвратной, и без него (первичная форма основы). Эта же форма с глухим согласным в анлауте встречается и в языке древнетюркской письменности<sup>27</sup>, а со звонким согласным в анлауте — в составе аналитического глагола азербайджанского языка baša düš- 'понимать, понять (досл.: падать в||на голову)'. По поводу этого глагола Н. К. Дмитриев писал: «Может быть переход значений надо представлять себе так: падать > попадать (во что-либо) > вникать > понимать»<sup>28</sup>.

Значение желания выражается азербайджанским глаголом istä-, тур., туркм. iste- 'хотеть, желать'. Понятие «знать» представлено двумя корнями: азерб., гаг., тур. bil-, азерб., гаг. tanu-, туркм. bil-, tana-.

К глаголам мышления относятся также глаголы: азерб. xatırla- 'помнить, вспомнить, припомнить'; гап- 'понимать, разуметь'; gavga-, тур. qavga- 'воспринимать, усваивать'; mänimsä-, тур. benimse- 'освоить'; азерб. öjgän-, тур. ög'gen- 'узнавать, разузнавать'; азерб., тур. san-, zanpet- 'полагать, считать'; азерб., тур., гаг. düşün-, туркм. pikirlep- 'думать, продумывать'; туркм. ojla-||ojlap- 'мыслить, думать, продумывать' и т. д.

V. **Глаголы движения.** В тюркских языках глаголы движения также занимают особое место. В. Ф. Вещилова называет глаголами движения «... глаголы, обозначающие перемещение субъекта в пространстве»<sup>29</sup>. По мнению Н. К. Дмитриева, все глаголы движения можно разделить на две подгруппы: обозначающие направление движения и обозначающие способ движения. Существует несколько глаголов, занимающих как бы промежуточное между этими подгруппами положение<sup>30</sup>.

Э. В. Севортян считает, что в азербайджанском языке насчитывается 250 глаголов движения. Эти глаголы им подразделяются на две группы: 1) глаголы горизонтального движения, 2) глаголы вертикального движения<sup>31</sup>.

А В. Ф. Вещилова делит глаголы движения турецкого языка на четыре подгруппы: 1) глаголы способа движения (называют способ без указания направления); 2) глаголы направления, указывающие направление движения; 3) глаголы способа и направления движения; 4) глаголы отвлеченного значения, обозначающие сам процесс движения, не указывающие ни на способ, ни на направление<sup>32</sup>.

Следует отметить, что эти семантические разряды приемлемы не только для глаголов движения юго-западной группы языков, но и для дифференцирования глаголов движения всех тюркских языков.

<sup>27</sup> С. Е. Малов. Указ. раб., стр. 436.

<sup>28</sup> Н. К. Дмитриев. Строй тюркских языков, стр. 579.

<sup>29</sup> В. Ф. Вещилова. Указ. раб., стр. 101.

<sup>30</sup> Н. К. Дмитриев. Строй тюркских языков, стр. 596.

<sup>31</sup> E. V. Sevortjan. Les verbes de mouvement dans la langue azerbaidjanaise, стр. 101—122.

<sup>32</sup> В. Ф. Вещилова. Указ. раб., стр. 111.

К глаголам, обозначающим способ движения, можно отнести: азерб. jüjüg-, gaç-, туркм. ulga, тур. jügü-, qoş-, гаг. qaç- 'бегать'; азерб., гаг. üz-, тур., туркм. jüz- 'плавать'; азерб. suçra-, тур. atla-, hopla-, suçra-, гаг. atla-, хорла-, туркм. böq- 'прыгать'; азерб., гаг. sügün-, туркм. süjren-, тур. sügün-, süğüqlen- 'ползти'; азерб. imäklä-, туркм. emedeqle-, гаг. meqle- 'ползать, ползти' и другие.

К глаголам направления движения принадлежат: азерб. g'äl-, тур., туркм., гаг. gel- 'приходить, приезжать'; азерб. g'et-, тур., туркм. git-, гаг. ögü-, vaq- 'идти, уехать'; азерб. gajyt-, туркм. gajt-, тур., гаг. dön- (третье значение, данное в словаре) 'возвращаться'; азерб. keç-, тур., гаг. geç- 'переходить'; азерб., туркм. qon-, тур., гаг. qon- 'сесть (о птицах, самолете), приземлиться'; азерб. irälilä-, туркм., тур., гаг. ilerle- 'идти, двигаться вперед'; азерб., туркм. ep-, тур., гаг. ip- 'спускаться, опускаться'; азерб., туркм. jet-, азерб. çat-, тур., гаг. jetiş- 'доехать, доходить'; азерб. köç-, тур., туркм. göç-, гаг. göç- (устн.) 'переселяться', азерб. jönlä-, тур. jönel-||jollan-, туркм. jönel-, гаг. jollan- 'направляться, взять направление'; азерб. jaxynlaş-, туркм. jaqynlaş-, тур. jaqlaş-, jaqynlaş-, гаг. jaqlaş- 'приближаться'; азерб. uzaglaş-, тур., туркм. uzaqlaş-, гаг. uzaq git- 'удаляться, отдаляться'; азерб. g'ig-, туркм., гаг. gir-, тур. (içeri) gir- 'войти'; азерб. çux-, туркм., тур., гаг. çuq- 'выйти'; азерб., туркм., тур., гаг. düş- 'падать, сваливаться' и т. д.

Глаголы движения могут обозначать одновременно и способ, и направление движения: азерб., туркм., тур., гаг. düş- 'падать' (способ движения, направленного вниз); азерб. dyrman-||dyrmaş-, туркм. dyrmaş-, гаг. тугтаş- 'карабкаться' (способ перемещения с помощью ногтей, направленного вверх) и т. д.

В туркменском и азербайджанском языках, кроме этих семантических подгрупп, выделяются глаголы, обозначающие лишь процесс движения: азерб., туркм. gumylda-, гаг. qumylda-, азерб. tägrän- 'шевелиться'; азерб. g'äz-, туркм., тур., гаг. gez- 'гулять, прогуливаться' и т. д.

VI. Глаголы, выражающие психическое состояние. Сюда относятся глаголы, выражающие чувства и эмоции. Количество этих глаголов в тюркских языках довольно многочисленно. Эти глаголы: азерб., туркм., гаг., тур. utan-, туркм. ujal-, азерб. çäkin-, тур. çeqin-, азерб. suxyl-, тур., гаг. suquyl- 'стесняться, стыдиться, смущаться', азерб. şadlan-, туркм. şatlan-, азерб., тур., гаг. sevın-, туркм. begen-, тур. neşelen-, açyl- 'радоваться'; туркм. хажуq-, geñirge-, азерб. hejrätlän-, тур. hajret et- 'удивляться', азерб. çaş-, тур. şaş- 'растеряться'; азерб. gäzäblän-, туркм. gazarlan-, тур. öfqelen-, тур., гаг. (перен.) qyz-, азерб. hiddätlän- 'прийти в ярость, разгневаться'; азерб. şübhälän-, тур. şüphet-, şüphesi ol-, şüpheli ol-, гаг. şüpelen- 'подозревать, сомневаться'; азерб., гаг. inan-, туркм. upan-, тур. emin ol- 'верить, поверить'; азерб. gogx-, тур., гаг. kogq-, туркм. gogq-, азерб. çäkin-, туркм., тур. çeqin-, азерб. hürk-, тур., гаг. ügq- 'бояться, пугаться'; азерб. azuglan- 'сердиться'. В таком значении в туркменском языке употребляются глаголы gaxarlan- и гуңгал-. Сюда относятся также: азерб. gämlän-, туркм. gamlan-, tuqatlan-, азерб. kädärlän-, тур., гаг. qederlen-, тур. elemen-, efqarlan-, üzül- 'печалиться'; азерб. inçi-, туркм. aguga-, тур. inžin-, güžen- 'обижаться, обидеться'; азерб., туркм. bez- 'чувствовать неприязнь'; азерб. guhlan-, туркм., гаг. guhlan-, азерб., тур. zoş-, ilham al-, тур. ateşlen- 'воодушевиться' и многие другие.

VII. Глаголы состояния. Эта группа глаголов тюркских языков определяет состояние объекта, то есть обозначает изменение его качества, признаков и свойств. По значению эти глаголы можно разделить на две подгруппы: 1) глаголы, выражающие физические изменения или явле-

ния в органическом мире: 2) глаголы, выражающие физические изменения или явления в неорганическом мире.

К первой подгруппе глаголов состояния можно отнести следующие: азерб., туркм., тур., гаг. *öl*- 'умереть, скончаться'; азерб. *xästälän*-, *azarla*-, туркм. *qeselle*-, *sygqavla*-, *xassala*-, тур. *hastalan*-, *hasta düš*-, *hasta ol*-, гаг., *xastalan*- 'болеть, заболеть'; азерб., тур. *aугу*-, *raһatsyz ol*-, гаг. а:г- (*устн.*) 'испытывать боль'. Глагол *azagla*- в турецком и гагаузском языках имеет значение 'упрекать, укорять, порицать, делать выговор'.

В эту же подгруппу глаголов входят также: азерб. *arygla*-, туркм. *aryqla*-||*argyqla*-, *i:gle*-, тур. *zajyfla*-, *zylyzlaš*-, гаг. *zaiflan*-, азерб., гаг. (*перен.*) *düš*- 'исхудать, похудеть, слабеть'; азерб., тур. *saуal*-, *saуlamlaš*-, тур. *topla*-, туркм. *sagal*-, *sagdynlan*-, тур. *ijileš*-, гаг. *i:leš*- 'выздоровливать, поправляться'; азерб. *gožal*-, туркм. *gagla*-||*garraš*-, тур. *qoča*-, *qartlaš*-, *ihtjarla*-, гаг. *qartla*-||*qartlaš*-, азерб. *jašlaš*-, *jaša dol*-, тур. *jašlan*- 'постареть'; азерб., тур., гаг. *jogul*-, тур., гаг. *usan*-, туркм. *ada*- 'уставать, утомляться'; азерб. *čallaš*-, азерб., тур. *aуar*-, туркм. *čalar*-, гаг. а:г- (*устн.*) 'седеть, поседеть'; азерб. *g'üzlän*-, *güvvätlän*-, тур. *quvetlen*-, гаг. *quvetlen*-, туркм. *güjže*-||*güjzlen*- 'усиливаться, становиться сильным' и т. д.

Ко второй подгруппе принадлежат следующие глаголы: азерб., тур., гаг. *čirü*-, туркм. *čirge*-, тур. *bozul*- 'гнить, портиться'; азерб., туркм., тур., гаг., *jan*- 'гореть'; азерб. *köhnäl*-, туркм. *qö:nel*-, тур., гаг. *esqi*- 'устареть'; азерб. *g'öjäg*-, туркм. *go:ger*-, азерб., тур. *bit*-, тур. *ješer*-, *ješillen*-, *büjü*- 'зеленеть' (о растениях); азерб. *äri*-, тур., гаг. *eri*-, туркм. *ege*- 'таять'; азерб. *soju*-, тур. *soуu*-, туркм. *sova*- 'остывать'; азерб. *gигu*-, туркм. *gига*-, тур., гаг. *qигu*- 'сохнуть'; азерб., туркм. *biš*-, тур., гаг. *piš*- 'вариться, печься' (глагол *biš*- в туркменском языке имеет еще значение 'созревать').

**VIII. Образные глаголы.** К этой группе принадлежат глаголы типа: азерб. *dalıalan*-, тур., гаг. *dalgalan*- 'колыхаться'; азерб. *dijirlän*-, туркм. *tigirlen*- 'катиться'; азерб. *fyrlan*-, туркм. *ajlan*-, *ruglan*- 'крутиться' и т. д.

**IX. Глаголы, обозначающие явления природы.** Количество глаголов этого семантического разряда невелико. К нему можно отнести: азерб., тур. *jaу*-, гаг. *ja:-*, туркм. *јаg*-, тур. *düš*- 'идти, падать' (об атмосферных осадках); азерб., тур. *doу*-, туркм. *dog*-, тур. *čуq*-, азерб. *čух*- 'выходить, восходить' (о солнце и луне); азерб. *šax*-, тур., туркм. *šaq*-, гаг. *jalaby*- 'сверкать, блеснуть' (о молнии) и т. д.

Таким образом, глаголы тюркских языков юго-западной группы нами подразделяются на девять семантических разрядов. Следует отметить, что эти семантические разряды глаголов свойственны и остальным тюркским языкам.

Б. А. СЕРЕБРЕННИКОВ

## ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗАГАДКИ ГЛАГОЛЬНОГО АФФИКСА -štyr- В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ

Глагольный аффикс многократного действия -štyr- придает глаголу значение нерегулярной повторяемости или неполноты, ослабленности действия, ср. тат.: qaraštyr 'посматривай', uquštyr 'читай понемногу, почитывай изредка', ujlāštyr 'думай иногда, подумывай'<sup>1</sup>.

Этот аффикс существует во многих тюркских языках: в татарском, башкирском, каракалпакском, казахском, азербайджанском, турецком, узбекском, туркменском и других.

В татарском языке глагольный аффикс -štyr- практически встречается крайне редко. *Ул инде моннан дә тизрәк ычкыну турында, кая да булса бүтән жиргә — йортлар, кешеләр булган жиргә китеп урнашу турында уйлаштыра башлады* (Нурихан Фэттах. Бала кунеле далада, 92) 'Он уже начал подумывать о том, как бы поскорее отсюда выбраться в какое-нибудь другое место, уехать туда, где есть дома, люди, и там обосноваться'.

Иногда этот аффикс соединяется с другим многократным аффиксом -qala- или -gala-. *Мин стенадагы рәсемнәрне караштыргалап йөргән арада, бүлмәдә кияу белән кыз гына калды* (Афзал Шамов. Сайланма эсәрләр, 196) 'Пока я ходил и рассматривал рисунки на стене, в комнате осталась только девушка с мужем'.

Редкость употребления аффикса -štyr- объясняется, очевидно, стремлением избежать омонимии, ибо этот аффикс может также выражать формы понудительного залога от форм взаимного залога. *Бөтенесен дә эшләп беттем. Хәтта тавык чебешләрне дә берләштердем* (Давыт Юлтый. Сайланма эсәрләр, 339) 'Все я сделал. Даже цыплят вместе соединил'.

Аффикс -štyr- весьма интересен и в историческом отношении. Первая его составная часть представляет собой древний аффикс многократного действия. Реликты первоначального значения многократности этого аффикса до сих пор сохраняются в отдельных тюркских языках, ср. казах. *талуш-* 'погружать неоднократно в жидкость', тат. *aldaš-* 'заниматься обманом, надувательством'<sup>2</sup>, азерб. *garnuštmaq* 'расхватывать'<sup>3</sup>, тур. *çuруştmaq* 'бить крыльями'.

<sup>1</sup> «Современный татарский литературный язык. Лексикология, фонетика, морфология». М., 1969, стр. 279.

<sup>2</sup> Э. В. Севортян. Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке. М., 1962, стр. 356.

<sup>3</sup> Там же, стр. 355.

В связи с этим можно было бы предположить, что второй составной элемент *-tug* представляет собой аффикс понудительного залога, однако в самих значениях аффикса *-štug-* нет никакого оттенка понудительности: ср. тат. *qaraštug* 'посматривай', *uquštug* 'читай понемногу, почитывай изредка', *ujlaštug* 'думай иногда, подумывай', тур. *çugruštugmaq* 'постукивать палочкой', *verištirmek* 'бранить, укорять' и т. д.<sup>4</sup>

На этом основании можно сделать вывод, что в глубокой древности аффикс *-tug-* функционировал и как аффикс многократного действия. По своему происхождению он восходит к аффиксу понудительного залога. Значение понудительного залога могло развиваться на базе первоначального значения многократного действия. Часто повторяющееся интенсивное действие могло быть переосмыслено в плане понуждения к действию. На возможность именно такого развития указывают примеры из других языков. В родственных древних индоевропейских языках каузативные и итеративные, или многократные, глаголы имели общий способ образования при помощи суффикса *-ejo-*, *-eje-*, присоединяемого к корневому слогу, содержащему ступень *o* аблаута, например, *fobeo* 'я пугаю' из *phobejo*, лат. *toggeo* 'я сушу' из *torrejo*. Наряду с каузативным эти глаголы имели и итеративное, или учащательное, значение. В венгерском языке суффикс *-l-* может обозначать многократное действие, например, *döföl* 'толкать' (многократно). Этот же суффикс может иметь каузативное (понудительное) значение, например, *aszal-* 'сушить'. Индоевропейский суффикс *-sk-*, первоначально имевший учащательное значение, мог выступать также в каузативном значении, ср. греч. *didasko* 'я учу'. В западнотохарском языке в глаголах настоящего времени суффикс *-sk* использовался для выражения каузативного значения. Суффикс каузативных глаголов *-öd* в языке коми, например, *giž-öd-пу* 'заставлять писать' скрывает в себе, по-видимому, древний финно-угорский суффикс многократного действия *-pt-*. Любопытно отметить, что в татарском языке наблюдаются случаи, когда аффикс *-tug-* выражает не только понудительное, но и многократное значение.

— Кем саллары бу?

— Шәмгун байныкы.

— Ә бу тегермән кемнеке?

— Ул да Шәмгун байныкы.

Ах, нинди матур яңыраган, нинди матур ишетелгән булыр иде ул сүзләр! Шул сүзләргә ишетер өчен Шәмгун нерсә генә эшләмәде. Тырышты, тырмашты, төн йокламады, ашауны, эчүне белмәде, никадәр жир чәчтерде, никадәр жир урдырды, никадәр урман кистерде (Афзал Шамов. Сайланма эсәрләр, 34).

— Чьи это плоты?

— Богача Шамгуна.

— А эта мельница чья?

— И она богача Шамгуна.

Ах, как бы красиво звучали эти слова, как приятно было бы их слышать. Чего только не делал Шамгун, чтобы их слышать. Старался, карабкался, ночей не спал, еды и питья не знал, сколько земли засевал, сколько полей (*букв. земли*) жал, сколько лесов рубил'.

Понудительный залог в формах *čäčterde* 'засевал', *urdyrdu* 'жал' и *kisterde* 'рубил' легко объясним, хотя русский язык не оттеняет этих тонкостей. Поскольку Шамгун был кулаком, то предполагается, что все эти дела он выполнял, используя труд своих батраков.

Тем не менее можно предположить следующий путь развития понудительного залога: *jazu* 'писать' > *jazdygu* 'неоднократно писать' >

<sup>4</sup> А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.—Л., 1956, стр. 209.

jazdygu 'заставлять писать'; qyzu 'накаляться' > qyzdygu 'интенсивно накаляться' > qyzdygu 'жарить'.

Следует также иметь в виду, что аффикс понудительного залога -tyr- в татарском языке, как и в других тюркских языках, сложный. Он состоит из двух аффиксов: аффикса -t- и аффикса -yr-. Оба эти аффикса выражают понудительное значение, ср. тат. ešlä-t 'заставить работать', žyly-t 'нагревать', peš-er 'сварить', bat-yr 'погрузить' и т. д.

В то же время в тюркских языках есть реликты, в которых сохраняется прежнее, незалоговое значение этих аффиксов, которое, по всей видимости, первоначально было многократным. Так, например, характерным для современного чувашского языка является аффикс -t-:

#### Настоящее время

единственное число		множественное число	
ile-t-ěp	'я беру',	ile-t-pěr	'мы берем',
ile-t-ėn	'ты берешь',	ile-t-ėp	'вы берете',
ile-t	'он берет',	ile-s-se	'они берут'.

Обычно история этих форм объясняется следующим образом: в чувашском языке в положительной форме основной настоящего времени является деепричастие на -a (-e), — имевшее первоначально значение причастия, — к которому присоединяются аффикс -t-, восходящий к глаголу tär 'стоять, находиться' (а может быть, и к причестию настоящего времени tärän или к древнетюркскому причестию будущего времени turgur), и личные окончания, представляющие собою личные местоимения. Отсюда Vygatär-Vyга+tär(an)+erё букв. 'пища стоящий (находящийся) я', то есть 'пишущий я'; iletěr=ile+tär(an)+erё 'берущий я'; Vygatän=Vyга+tär(an)+än 'пишущий ты' и т. д.<sup>5</sup>

Такое объяснение происхождения данной формы настоящего времени нам представляется недостаточно убедительным. Показатель основы настоящего времени -a, -e в чувашском языке, так же как и показатель основы настоящего времени -a, -e в кыпчакских языках, не может восходить к деепричастию, так как модель, представляющая сочетание деепричастия на -a, -e+вспомогательный глагол tur 'стоять', для тюркских языков вообще нетипична. Иными словами, в татарском, да и в других тюркских языках, нет модели сочетания типа jaza toĝa 'он пишет в данный момент', ešli toĝa 'он работает в данный момент'. В подобных случаях первым членом сочетания обычно выступает деепричастие на -ур, ср. тат. šyğur toĝa 'выходит'. В чувашском языке в этом случае обычно употребляется деепричастие на -sa, ср. räxsa tärät' 'смотрит'.

Кроме того, гласные основы настоящего времени в чувашском и кыпчакских языках представляют древние основы глаголов, обозначающих длительное действие; они и были использованы для образования нового типа настоящего времени в упоминавшихся выше языках. Необычна также сильная фонетическая деформация вспомогательного глагола tur 'стоять'. В некоторых диалектах татарского языка также встречаются формы с элементом -t-, например, baĝa-t 'он идет', ala-t 'он берет', где предполагаемый вспомогательный глагол tur тоже сильно деформирован. Однако этого не могло быть. Вернее всего, элемент -t- восходит не к вспомогательному глаголу tur 'стоять', а представляет собой древний аффикс многократного действия -t-.

Известны также незалоговые значения аффиксов -ar, -yr.

<sup>5</sup> «Материалы по грамматике современного чувашского языка», I. Чебоксары, 1957, стр. 188.

Эти аффиксы в тюркских языках иногда используются для выражения постепенного накопления качества, ср. казах. *boz-ag-u* 'бледнеть', *žaš-ag-u* 'обновляться', *qysq-ag-u* 'укорачиваться, сокращаться', азерб. *aγ-ag-maq* 'белеть', тур. *baj-jγ-maq* 'богатеть', *saγ-ag-maq* 'желтеть', кирг. *žaš-ag* 'молодеть'.

Имеются косвенные свидетельства того, что аффикс *-γ-* использовался в глаголах для выражения многократности действия, подтверждением чего является встречающийся в некоторых тюркских языках аффикс многократного действия *-štyγ-*, одним из компонентов которого является аффикс *-γ-*.

Можно предположить, что в прямой генетической связи с этими аффиксами находятся также показатели так называемого настоящего-будущего времени *-ag*, *-eg*, *-ig*, *-ig* в турецком и азербайджанском языках, ср. тур. *oku-g-ım* 'я читаю', *jaz-ag-ım* 'я пишу', *çalış-ıg-ım* 'я работаю'. В азербайджанском языке аффикс с узким гласным служит для выражения настоящего, а аффикс с широким гласным для выражения будущего времени: ср. азерб. *jaz-γ-am* 'я пишу', но *jaz-ag-am* 'я буду писать'.

Очевидно, эти суффиксы первоначально обозначали многократное действие и использовались для выражения настоящего времени. Позднее на основе первоначального многократного значения развилось модальное значение возможности свершения действия, которое в дальнейшем получило значение модального будущего времени, особенно четко проявляющееся в языках кыпчакской группы.

Если теперь рассмотреть состав показателей понудительного залога в различных тюркских языках, то обнаружится удивительный факт: все они генетически связаны с древними аффиксами многократного действия. Только понудительный аффикс *-t* содержит древний аффикс многократного действия *-t* в чистом виде. Другие же представляют суммы многократных аффиксов. В качестве примера обратимся к фактам татарского языка. Понудительный залог в татарском языке выражается при помощи аффиксов: *-dyγ/-der*, *-tyγ/-ter*, *-t*; *-r/-yγ/-er*; *-ar/-är/-gar/-gär/-qar/-kär/-qyγ/-ker/-gaz/-gäz/-qaz/-küz/-gyz/-gez/-qyz/-kez/-yz/-ez*<sup>6</sup>.

Аффиксы понудительного залога *-t*, *-ag*, *-γ* — древние аффиксы многократного действия. Аффикс *-tyγ* представляет сложение двух многократных аффиксов *-t* и *-γ*.

Несколько загадочны составные элементы *k* и *z*. Первый из них, по видимому, находится в генетическом родстве с составным элементом *-qa*, *-qu* в аффиксе многократного действия *-qala/-qula*. Э. В. Севортян отмечает, что аффикс многократного действия *-qala/-qula* представляет собой сочетание глаголообразующих аффиксов *-ka/-ku-* и *-la-* в их учащательном значении<sup>7</sup>. Следы этого значения аффикса *-k-* можно обнаружить в таких узбекских глаголах, как *termok* 'собирать', *ter-ga-mok* 'расследовать, допрашивать', *sur-mok* 'тереть', *sur-ka-mok* 'натирать', *jul-mok* 'выщипывать', *jul-ki-mok* 'выдергивать'<sup>8</sup>.

Конечный элемент *-z* некоторые исследователи отождествляют с *-г-*, ссылаясь на то, что *z* и *г* в тюркских языках постоянно чередуются, например, *semir* 'полней' и *semiz* 'жирный'; *kür* 'смотри' и *küz* 'глаз' и т. п.; *jot-mok* 'достигать', *jot-kaz-mok/jot-kaγ-mok* 'заставить достигать'<sup>9</sup>.

<sup>6</sup> «Современный татарский литературный язык», стр. 215.

<sup>7</sup> Э. В. Севортян. Указ. раб., стр. 103.

<sup>8</sup> А. Н. Кононов. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.—Л., 1960, стр. 269.

<sup>9</sup> Там же, стр. 195.

Однако эта версия нуждается в подтверждении. Если в тюркских языках *z* в определенных позициях переходило в *g* (обратное мало вероятно), то как объяснить тот факт, что в подобных чередованиях этот фонетический закон постоянно нарушался. Во всяком случае, чисто логически можно предполагать, что значимость элемента *-z-* была тождественна значимости элемента *-g-*.

Аффиксы понудительного залога *-gar-||-qog-*, *-qyg-||-ker-||*, *-gaz-||-qaz-*, *-guz-||-qyz-*, *-yz-||-ez-* в некоторых тюркских языках не представлены. Так, например, в чувашском языке для образования понудительных глаголов существуют три иных вида аффиксов: *-tar (-ter)*, *-ar (-er)*, *-t<sup>10</sup>*. Этих аффиксов нет в языках огузской группы, по крайней мере, в литературном турецком и азербайджанском языках, отсутствуют они и в якутском языке. Возможно, что эти аффиксы возникли позднее и только в некоторых тюркских языках. В тюркском праязыке их не было.

Все изложенные нами соображения позволяют сделать общий вывод — аффиксы понудительного залога *-t*, *-tyg*, *-yg* и *-ig* исторически возникли из аффиксов многократного действия в результате переосмысления их значения. Общий предполагаемый ход этого процесса требует некоторых пояснений и уточнений. Прежде всего возникает вопрос: могло ли значение многократности непосредственно переосмыслиться в значение побуждения к совершению действия? Можно предположить, что развитие значений аффиксов понудительного значения в тюркских языках прошло четыре фазы.

**1-я фаза.** Первоначально аффиксы понудительного залога имели значение аффиксов многократного действия. Это состояние, по-видимому, было характерно для ранних этапов существования тюркского праязыка.

**2-я фаза.** Аффиксы многократного действия, составившие позднее основу аффиксов понудительного залога, приобретают со временем значение интенсивной многократности.

Интенсивная многократность действия примечательна тем, что она возникает обычно под влиянием какого-то конкретного фактора. Попробуем пояснить это на наглядном примере. Идущий человек фактически совершает многократное действие, состоящее из следующих фаз: поднятие ноги, выдвижение ее вперед и опускание на землю. Предположим, какая-то причина заставляет человека ускорить шаг, тогда число отдельных фаз увеличивается, а само действие становится более интенсивным. Именно в данном конкретном случае и проявляется источник возникновения оттенка понудительности. Многократный аффикс со значением учащенной или интенсивной многократности приобретает, таким образом, значение действия, совершаемого под влиянием внешнего импульса.

**3-я фаза.** Бывший многократный аффикс выступает в функции аффикса понудительного залога. Это могло произойти в эпоху тюркского праязыка, поскольку все тюркские языки без исключения имеют одинаковые аффиксы понудительного залога.

**4-я фаза.** Поскольку глагол, содержащий аффикс понудительного залога, является переходным, то возникает возможность использования этого аффикса для образования переходного глагола от непереходного: ср. тат. *šomaḡu* 'делаться гладким', *šomartu* 'шлифовать', *tuu* 'рождаться', *tudugu* 'рождать' и т. п.

<sup>10</sup> «Материалы по грамматике современного чувашского языка», стр. 172.

Таким образом, исторический анализ крайне редко встречающегося глагольного аффикса -štyg- проливает некоторый свет на во многом неясную историю происхождения аффиксов повелительного залога в тюркских языках.

#### ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

*Афзал Шапов.* Сайланма эсэрлэр. Казан, 1947.

*Давыт Юлтый.* Сайланма эсэрлэр. Казан, 1959.

*Нурихан Фэттах.* Бала куцеле далада. Казан, 1966.



## ЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ

И. Г. ДОБРОДОМОВ

### ОТРАЖЕНИЕ ТЮРКСКОГО НАЧАЛЬНОГО j- В БУЛГАРИЗМАХ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

Проблема различных ступеней в отражении на болгарской почве прототюркского начального \*j-, соответствующего звукам j-, d-, ž-, n-, ñ-, l- других алтайских языков, по материалам различных заимствований достаточно сложна в связи с трудностями хронологизации и определения диалектной принадлежности заимствованного слова. Во всяком случае, в качестве болгарских рефлексов тюркского начального \*j- в источниках выступают d- (дунайский диалект, более ранний), ž- (волжский диалект, более поздний), а в венгерском языке, в который, по-видимому, старые тюркские заимствованные слова вошли из кубанско-болгарского диалекта, рефлексы этого звука представлены более многообразно: d'- (орфографически gy-), s- (орфографически sz-), причем последний рефлекс иногда оспаривается<sup>1</sup>.

В данной статье, не вдаваясь в довольно запутанный и сложный, с нашей точки зрения, вопрос о характере прототюркского звука<sup>2</sup>, обозначаемого здесь чисто условно традиционным символом \*j-, мы остановимся на этимологии славянских лексем, восходящих к тюркским словам с начальным j- и обнаруживающих при этом некоторые болгарские фонетические черты.

Можно предположить существование двух путей перехода тюркского \*j- в чувашское s-:

1) j- > ž- > č- (tš-) > š'- > s'-;

2) j- > ž- > ž'- > ž'- > s'-.

Иными словами, различные пути развития чувашского s'- из j- отличаются один от другого только ранним или поздним оглушением звонкого согласного уже на стадии шумного. Данные венгерского языка говорят в пользу второго пути развития, ибо промежуточная ступень в виде č-, š'- в болгаризмах венгерского языка не отмечается. Данные славянских языков сложнее интерпретировать, так как носители этих языков имели с тюрками более длительные контакты.

Прежде всего следует сказать об отражении болгарского начального согласного на месте тюркского \*j- в виде d-. Имеющиеся для иллюстра-

<sup>1</sup> М. Ряснен. Материалы по исторической фонетике тюркских языков. М., 1955, стр. 160.

<sup>2</sup> См. об этом: Н. З. Гаджиева, Б. А. Серебренников. Был ли начальный j- в тюркских языках первичным? — «Советская тюркология», 1974, № 3, стр. 73—82; А. М. Щербак. Еще раз к вопросу о реконструкции тюркского архетипа анлаутных j ~ ž ~ z ~ č ~ š ~ s. — «Советская тюркология», 1974, № 4, стр. 80—84.

ции этого рефлекса примеры (название года змен *диломъ* в «Именнике болгарских князей» и слово *дохъторъ* 'подушка' в старославянском и русском церковнославянском языках) следует признать не вполне надежными. «Именник болгарских князей», по мнению всех его исследователей, был переведен с византийского (среднегреческого) оригинала, и отражение в нем следов тюркского \*j- в виде *d-* следует объяснить традициями византийского греческого, а не южнославянского болгарского языка<sup>3</sup>.

Предложенная в свое время И. Микколой и Г. И. Рамstedтом этимология старославянского *дохъторъ* из болгарского источника (в соответствии с чувашским *śyDaḡ, śəDaḡ* 'подушка' и монгольским *ᠵоуᠳаᠭ* 'комоч верблюжьей шерсти для набивания подушек') была поддержана потом З. Гомбоцем, К. Менгесом, М. Рясняном и другими, но в последнее время подверглась критике со стороны Г. Дёрфера, вскрывшего фонетическую неудовлетворительность этимологии: сочетание *-ʎd-* на болгарской почве должно было дать *-r-*<sup>4</sup>. Следовательно, для слова *дохъторъ* нужно искать иное этимологическое объяснение.

Характер вокализма начального слога заставляет думать о болгарско-чувашском происхождении диалектных слов *дюрма́, дюрьма́* (урал.) 'мучная похлебка, приправленная луком, маслом и яйцами'; *джурма́, джурьма́* (урал.) 'мучная похлебка-болтушка, приправленная луком, маслом и яйцами'; *дзюрма́, дзюрьма́* 'кушанье уральских казаков... и у киргиз', в противоположность *джарба* (краснояр.) 'крупа', 'мука крупного помола' = *джерба* (енис.); *джарма* (кирг.) 'похлебка из толченого ячменя или пшеницы'. (Примеры и их толкование взяты из «Словаря русских народных говоров», вып. 8. Л., 1972, стр. 43, 45, 46, 304). Эти слова могут быть соотнесены с тюркскими названиями крупы типа: ног. *јагта* 'крупа, сечка', кирг. *жагта* 'крупное толокно, дробленое жареное зерно (пшеницы, ячменя)', 'похлебка из дробленого жареного зерна (пшеницы или ячменя, приправленная молоком, жиром, а также без приправы)' и т. п. Огласовка *и* в первом слоге в противоположность тюркскому *а* заставляет думать о чувашском посредстве, хотя звонкость начального согласного (*ʃ-, ʒ-, d-*) и противоречит такому предположению; не исключено в данном случае также и удмуртское посредство, хотя на удмуртской почве сейчас подобные формы не встречаются.

Можно также предположить, что в основу русских форм *дюр(ь)ма́, джур(ь)ма́* легли слова уже исчезнувшего восточного болгарского диалекта, следы которого сохранились в болгарских эпиграфических памятниках. Этот диалект болгар-мусульман, вытесненный кыпчакским татарским языком, нельзя, однако, отождествлять ни с чувашским<sup>5</sup>, ни с татарским языком<sup>6</sup>.

В древнерусских и сербских церковнославянских текстах зафиксирован титул *чиготъ*, соответствующий византийскому *σπαθάριος* (= лат. *argumentarius*) и обозначающий одну из должностей при византийском дворе. М. Р. Фасмер, апеллируя к азбуковникам, лишь отмечает вслед за А. И. Соболевским чужеродный характер слова, отвергая по словообразовательным причинам связь с чешским глаголом *čihati* 'подстере-

<sup>3</sup> O. Pritsak. Die bulgarische Fürstenliste und die Sprache der Protobulgaren. Wiesbaden, 1955, стр. 13—14.

<sup>4</sup> G. Doerfer. Gedanken zur Gestaltung eines idealen Türkischen Etymologischen Wörterbuchs. — «Orientalistische Literaturzeitung», LXVI (1971), № 9/10, стлб. 453—454.

<sup>5</sup> См. об этом: М. Р. Федотов. К вопросу о древнечувашской письменности. — «Советская тюркология», 1972, № 5, стр. 108—114.

<sup>6</sup> См.: Г. В. Юсупов. Введение в болгаро-татарскую эпиграфику. М.—Л., 1960.

гать, караулить, ждать'. Однако и для этого слова можно найти источник на тюркской основе в виде болгарского \*čigit (>? \*šəvət), соответствующего тюркскому jigit 'парень', джекающий вариант которого лег в основу русского *джигит*, то есть 'искусный, ловкий наездник'.

Известно, что возрастные наименования довольно часто становятся социальными терминами: достаточно вспомнить историю терминов в русском языке: *дѣтскыи, дѣти боярские, отрокъ, уланъ* (у татар — «знатный потомок царствующего дома», тюрк. oylan 'юноша, сын') и т. п. При проникновении болгарского \*čigit на славянскую почву имела место субституция заударного болгарского краткого -i- редуцированным -ъ-, изменившимся впоследствии в -о-: *чиготъ*. Субституция была вызвана необычностью ожидаемого сочетания \*-гъ-. Ср. *тикъръ, бисъръ* (наряду с *бисъръ*), где также наличествовали субституции, однако сравните также половецкое имя *Белкатгин* < \*Bilkä-tigin. На болгарское происхождение термина *чиготъ* указал Ив. Дуйчев<sup>7</sup>.

Уже в древнерусском языке XI века представлено слово *чъпагъ* 'карман', по традиции долго сохранявшееся в русских словарях как церковное слово. Оно имеет параллель в болгарском *чипаг* (диал.) 'род короткой одежды без рукавов' (семантически ср.: *одежда мешком*), сербском церковнославянском *чъпагъ*, а также в сербскохорватском *чпаг* (родит. *чпага*), *шпаг* 'карман'. Вместе со словом *зепъ*, распространенным в русских говорах северной и средней полосы и отражающим более позднее развитие аффрикаты (с озвончением) на чувашско-мишарской почве, эти слова в конечном счете восходят к арабскому  $\text{جيب}$  *žajb* 'карман', отраженному в балканских языках (уже через турецкое посредство) с начальным *ž-*, *ž-* и огласовкой -е- типа сербск. *джем*, болг. *джеб* и т. п. Древнерусское и сербское *чъпагъ* восходят к форме \*čiräg (из \*čäräg), отражающей развитие вокализма, аналогичное современному казанскотатарскому, где в первом слоге *e > i*, а во втором *e > ä*. На славянской почве имела место субституция гласных: *i* краткий > *ь*; *ä > а*<sup>8</sup>.

Украинское и русское название травянистого тростникового растения рогоза (Турпа) *чакан* (в русском языке бытует также диалектное ударение *чáкан*) непосредственно восходит к близкому по звучанию чувашскому слову *šagan* с тем же значением, которое, скорее всего, следует считать обратным заимствованием из русского языка, ибо в соответствии с законами тюркской сравнительной фонетики оно должно было бы звучать как \*šagan, причем эта старая форма отражена в удмуртском чувашизме *сякан* 'рогожа' и в венгерском болгаризме *gyékény* 'рогожа, циновка', соответствующих древнетюркскому *jekän* 'камыш' (см. ДТС, 253). Некоторые неясные формы встречаются в алтайском языке, где наряду с закономерным соответствием *džeken* 'камыш' также обнаруживается *teken* в том же значении, однако последнее слово сюда фонетически не может быть отнесено, несмотря на идентичность значе-

<sup>7</sup> См.: Ив. Дуйчев. Върху някои български имена и думи у византийските автори. — «Езиковедски изследвания в чест на акад. Ст. Младенов». София, 1957, стр. 161—162.

<sup>8</sup> И. Г. Добродомов. Об одном финно-угорском названии кармана (на фоне других языков Европы и Азии). — «Вопросы финно-угроведения. Языкознание» (Тезисы докладов и сообщений на XIV Всесоюзной конференции по финно-угроведению). Саранск, 1972, стр. 14—15; здесь следует также упомянуть архангельское *ецпáх* 'карман' («Словарь русских народных говоров», вып. 9. Л., 1972, стр. 48) со своеобразным преобразованием *анлаута* [если это, конечно, не ошибочное прочтение вместо *щпáх(?)*]; ср. также: О. К. Сердюкова. Архаическая лексика в говоре казаков-некрасовцев. — «Материалы по русско-славянскому языкознанию», II. Воронеж, 1966, стр. 124.

ний. Несколько иная картина наблюдается в киргизском языке, где закономерное *žeken* 'рогос, ситник, куга (болотное растение)' сосуществует с не вполне ясным *šeken* 'рогоз широколистый (трава)'.

Отмеченный В. И. Далем южнорусский и донской диалектизм *чѣрга* 'череда, чреда, очередь' имеет параллели в украинском (*чѣргá*) и белорусском (*чаргá*) языках и в памятниках письменности фиксируется с 1505 года. Таким образом, данное слово может считаться общевосточнославянским. Его тюрко-монгольские соответствия и их заимствованные модификации в разных языках указывают на исконность начального *j*- или *ž*-, хотя в некоторых источниках, где графически звуки *č*- и *ž*-слабо дифференцированы, представлено также, вероятно, орфографическое глухое начало *č*- (древнетюркские памятники уйгурского письма и чагатайские памятники, несмотря на то, что показания последних также интерпретируются в пользу начального *ž*-: Будагов I, 434). Тюркск. *jārgā* (караимск. лущк.) 'ряд, луч' (Радлов III, 341), *žārgā* (чагат.) 'круг, ряд, цепь погонщиков, облава, осада; отряд, войско; степень, почесть' и т. п. имеет соответствие в монгольском *žerge*, которое, по мнению М. Ряснана, соответствует финскому *järki* 'здравый рассудок', *järje-stää* «ordnen, reihen»<sup>9</sup>.

В современном чувашском языке слово это не сохранилось, но глухая аффриката *č*- в восточнославянском свидетельствует о промежуточном звене \**čerge*, причем вокализм славянского слова указывает на древность чувашско-булгарского источника в отличие от *šagan*, где уже обнаруживается переход *ä* > *a*; с другой стороны, ясно, что это слово заимствовано уже после развития полногласия. Если же предположить, что булгарская форма прошла такую же эволюцию вокализма, как по источникам древнерусский *чънагъ*: \**čārgā* > \**čirga*, то эта хронологическая граница окажется иррелевантной, что дает основание предположить, что заимствование данного слова произошло еще до выпадения редуцированных.

Сходный случай обнаруживается в самоназвании чувашей *čəvaš*, заимствованном, вероятно, из старотатарского языка. Более древняя и исконно чувашская форма этого этнонима *šəvaš* (< \**čivaľč*) отражена в марийском названии татар *суас*, а также в первой части горномарийского названия чувашей *суасламары*. Такое же отношение существует между крымскотатарским топонимом *Чуваш* и русским *Сиваш*, что, по мнению Н. И. Ашмарина, свидетельствует о пребывании чувашей на берегах Азовского моря. Даже если связывать название залива *Чуваш* — *Сиваш* не с этнонимом *чуваш*, а лишь с тюркским апеллятивным прилагательным *žuvaš*, *živāš*, *žuaš*, *joboš*, *jūvaš* и т. п. 'тихий, скромный, смиренный, кроткий и т. п.', хорошо характеризующим объект, то и тогда необходимо обнаружить в этом названии булгарскую черту — возникновение глухого согласного *č*- или *š*- в соответствии с тюркским анлаутным *j*-<sup>10</sup>.

<sup>9</sup> М. Räsänen. Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türksprachen. Helsinki, 1969, стр. 105, 198 (далее: Räsänen); G. Doerfer. Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen, Bd I. Wiesbaden, 1963, стр. 291—293. Форма *черка* в западнорусской письменности отмечается с 1431 г. См.: А. М. Булыка. Даўня запазычанні беларускай мовы. Мінск, 1972, стр. 356.

<sup>10</sup> Н. И. Ашмарин. Опыт исследования чувашского синтаксиса, ч. I. Казань, 1903, стр. 556—560; Hadzy Mehmed Senai z Krymu. Historia chana Islam Gereja III. Turecki tekst wydał, prze-ził i opracował Zygmunt Abrahamowicz. Warszawa, 1971, стр. 195; ср. также: М. Р. Федотов. О марийском этнониме *суас* — *суас*. — «Советское финноугроведение», X, 2, 1974, стр. 79—82.

Глухая аффриката *č*- или ее дальнейшая модификация в виде *ž*- представлены в целой серии славянских названий одежды типа русск. *чуга* (курск.) 'долгий кафтан', западн. *чугай* (Даль IV, 611), *чуха* 'чапан-кафтан синего сукна', (кавказ.) 'кафтан с закидными рукавами' (Даль IV, 614), *шугай*, *шугайка*, *шугаец*, *шугайчик*, *шугаёк*, *шугайшика* (арх., влгд., нвг., кстр., твр., пск., тмб., ряз., нврс.) 'род суконной или ситцевой, шелковой, даже парчовой короткополой кофты с рукавами...', 'телогрея, душегрейка, на борах сзади', 'род гладкого китайчатого сарафана городских старух без всякого убранства'; (вор., ряз., твр.) 'род короткого мужского армяка' (Даль IV, 647—648)<sup>11</sup>; белорусск. (могилевск.) *чугай* 'верхняя адзення з саматканага сукна, адзяваецца на кажух ці пінжак'<sup>12</sup>; *шугай* 'світка з даматканага сукна'<sup>13</sup>; укр. *чуга* 'верхняя одежда у лемков: род суконной шинели, украшенной шнурками, с пелериной, рукава защиты и употребляются вместо сумок, так как чуга носится только внакидку', 'верхняя одежда у галицких верховинцев — род свитки без рукавов и воротника из косматого сверху сукна', *чуганя*, *чугай*, *чугайна* 'верхняя одежда, род свитки'<sup>14</sup>; *шугай* 'род женской одежды'<sup>15</sup>. В русском языке это слово известно с XVI века в форме *чюга*, по Срезневскому и Савваитову — 'узкий кафтан'<sup>16</sup>. Ср. также в русских жаргонах: *чуха* 'шуба'<sup>17</sup>. Встречается это слово в разных формах и значениях также и в других славянских языках: болг. *чоха*; с.-хорв. *чоја*, *чоха* 'сукно', словенск. *čoha* «Rock aus grobem Tuch», словацк. *čuha*, польск. *czuha*, *czucha*, *czuja*, *czuhaј*, *czuhań*, *czuszka* и т. п. Сходное слово со значением «сукно» или «вид верхней одежды» распространено в языках Восточной Европы, особенно на Балканах, а также в областях, примыкающих к Кавказу, причем маршруты его движения, как и этимология, остаются пока не выясненными<sup>18</sup>. Между тем указанные лексемы легко идентифицируются как болгарские разновидности общеалтайского названия верхней одежды типа эвенкийск. *daqu*, нанайск. *daхо*, монг. письм. *daqu*, др.-тюрк. *jaqu* (ДТС, 295: *jaqu*(п), *jaqu*) 'плащ', алтайск. *djaqa* 'доха', *djaqu* и т. п., к которым восходят русские названия разновидностей меховой одежды *доха*, *даха* (монголизмы), *ега*, *яга* (тюркизмы)<sup>19</sup>. В названии *чоха*, *чуха* обнаруживаются сразу три признака болгарского происхождения: 1) оглушенная аффриката *č*-, соответствующая звуку *j*- в некоторых тюркских языках (ср. также тувинское *šayu* 'доха' с аналогичным развитием анлаутного согласного); 2) лабиализация гласного *a* в начальном слоге слова (*o* или дальнейшая ступень *u*); 3) спирализация смычного согласного *q* в *x* и спорадиче-

<sup>11</sup> Сюда ли *чухла́вка* (?) курск. 'женская сорочка, рубашка' (Даль IV, 616; вопрос в источнике). Не связано ли это слово с *чехол* и т. п. Ср. укр. *чохла* 'обшлаг на рукаве рубахи, манжета'. Словарь украинского языка, собранный редакцией журнала «Киевская старина». Редактировал с добавлением собственных материалов Б. Д. Гринченко, т. IV. Киев, 1909, стр. 473 (далее: Гринченко).

<sup>12</sup> К. Бялькевич. Краёвы слоўнік усходняй Магілёўшчыны. Мінск, 1970, стр. 490.

<sup>13</sup> Там же, стр. 501.

<sup>14</sup> Гринченко IV, стр. 475.

<sup>15</sup> Гринченко IV, стр. 517.

<sup>16</sup> И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка, т. III. СПб., 1903, стлб. 1546: *чуга*.

<sup>17</sup> Н. К. Дмитриев. Строй тюркских языков. М., 1962, стр. 501.

<sup>18</sup> См. обстоятельную попытку упорядочения материала в книге: G. Doerfer. Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen, Bd III. Wiesbaden, 1958, стр. 110—114.

<sup>19</sup> Отмеченное у И. И. Срезневского *ягатъ* 'название одежды' может быть объяснено как архаическая форма множественного числа на *-i* или же как результат морфологического сближения с другим названием одежды — *кабатъ*, однако в связи с существующим параллелизмом с французским *jaquette* и немецким *jackett* (из франц.) более вероятно первое объяснение. Любопытно также наличие созвучия латышского *kabata* 'карман' с названием одежды *кабат* 'рабочая рубаха, куртка, кофта' в русских говорах.

ское озвончение этого согласного в интервокальной позиции. Что касается конечного гласного, то, как свидетельствуют формы *јақы*, *јақа* (старая орфография *дыақы*, *дыақа*) современного алтайского языка, этот звук уже на тюркской почве проявлял известную неустойчивость и колебания между *y* ~ *a*.

Перечень отражений тюркского названия верхней одежды типа *јақу* был бы неполным без упоминания русского *жакёт*, вошедшего в язык опосредствованно через арабский, испанский, французский (и, возможно, немецкий) языки, приобретя при этом романский диминутивный суффикс *-et* и довольно сильно изменив согласный в анлауте<sup>20</sup>.

Исключительно русским диалектизмом является симбирское слово *чебага́* (ордынская шерсть, привозимая киргизами), отмеченное во втором издании словаря В. И. Даля по материалам И. Ф. Наумова. Это слово своим начальным *č*-противопоставлено формам *ябага́*, *джабага́* (оренбург.) 'руно грубой, степной овцы' (Даль IV, 670—671). Сюда же относятся *джибага́* (урал.) 'то же, что *джабага*; свалывшаяся на животном и потом снятая в руне шерсть, вообще весенняя овечья шерсть', а также *дзибага́* (урал.), указанная в восьмом выпуске «Словаря русских народных говоров» (Л., 1972, стр. 43, 46; с ошибочной ссылкой на казахск. *жабаја* 'овечья шерсть, стриженная весной (очень грубая)', должно быть *žabaуу*). Оглушение начального согласного, вероятно, произошло благодаря чувашскому посредству.

Нам неоднократно приходилось писать об отражении чувашского *šələk*, *əšlək* 'шапка' на восточнославянской почве в виде *шлык* (а также *жилет* уже через посредство арабского, испанского и французского языков)<sup>21</sup>. К сказанному ранее следует добавить, что волжско-камские болгары поставляли в числе прочих товаров в Хорезм также (высокие) шапки. В. В. Бартольд<sup>22</sup> говорит о высоких шапках, а Б. Д. Греков<sup>23</sup> упоминает просто шапки, хотя в обоих случаях речь идет о цитате из труда арабского географа X века Макдиси (или Мукаддаси). При переходе слова *šələk* на почву среднеазиатских языков, вероятно, происходило не только усвоение этого слова, но и преобразование его фонетического состава в духе сложившегося тогда соответствия между болгарским *ž-* (> чувашск. *š-*) и звуком *j-* тюркских языков Средней Азии: булг. \**žələk* > тюркские языки Средней Азии (чагат.) *jelek*.

При анализе сходства чувашского *šələk* и русского *шлык* некоторое недоумение вызывает расхождение в огласовке (чувашск. *ə* переднего ряда и русск. *ы* заднего ряда). Возможно, на огласовку русского слова

<sup>20</sup> А. Dauzat. Dictionnaire etymologique de la langue française. 11<sup>e</sup> tirage. Paris, s. a. стр. 418 возводит ошибочно к арабскому *schakk* «*maills de la cotte*», на самом же деле арабск. *شق* *šaqq* означает просто 'дырка'. Арабскому языку также известно и обратное заимствование *جاكته* *žākita* 'жакет, пиджак'. Важно обратить внимание на уже отмеченный параллелизм оформления исхода у древнерусского *ягатъ* и французского *жакёт*.

<sup>21</sup> И. Г. Добродомов. Шлык, жилет. — «Русский язык в школе», 1968, № 3, стр. 90; И. Г. Добродомов. К истории культурных терминов тюркского происхождения. — «Советская тюркология», 1970, № 3, стр. 67—70; И. Г. Добродомов. Н. И. Ашмарин как этимолог. — В кн.: «Н. И. Ашмарин — основоположник чувашского языкознания». Чебоксары, 1971, стр. 144—145; ср.: *Räsänen*. Указ. раб., стр. 194; ср. также: Т. И. Тепляшина. Об удмуртском *jaleke*. — «Советское финно-угроведение». IX, 2, 1973, стр. 109—110.

<sup>22</sup> В. В. Бартольд. Сочинения, т. I. М., 1963, стр. 295.

<sup>23</sup> Б. Д. Греков. Волжские болгары в IX—X веках. — «Исторические записки», 14 (1945), стр. 27.

определенное влияние оказало чувашское *suĭĕk* 'платок', о чем речь пойдет ниже в связи с русским *сулок*, *сулог*. При этом важно отметить, что в русских памятниках слово *шлык* известно с XVI века: «„Беседа преп. Сергия и Германа Валаамских“ полов. XVI в. говорит о *шлыке*: „Горе роду христианскому, прельстившимся в неверных (среди неверных, у неверных), порты и шлыки и имущим их на себе”<sup>24</sup>. В этом памятнике *шлык* связывается с „безбожным Махметом” или татарской модой... Таким названием не называют теперь никакого русского головного наряда для мужчины; но зато шлык был еще недавно в употреблении у замужних женщин»<sup>25</sup>. В польских памятниках XVI—XVII вв. *szlyk* выступал как специфически московская реалья<sup>26</sup>. Даже одна эта хронологическая деталь не позволяет считать *шлык* сокращенным названием кавказского головного убора *башлык*, ставшего известным лишь с начала XIX века.

Отмеченный в словаре начала XVIII века болгаризм *шомурлук* 'платье женское верхнее' восходит к чувашскому диалектному названию плаща *šutĕġĕx*, бытующему в говорах Урмарского, Яльчикского и Батыревского районов Чувашской АССР, но отсутствующему в словарях Привлекавшийся для сопоставления с *шомурлуком* архаизм *емурлук* отражает начальный *j*-. Более раннюю ступень развития чувашского *š*-<*j*- можно наблюдать в уже упоминавшемся прилагательном *чомровый*, зафиксированном П. И. Савваитовым<sup>27</sup>. Ср. также исходное для обоих терминов слово *сѹмор* 'дождь' (<чуваш. *šutĕġ*) в условном языке портных и шерстобитов Теренгульского района Ульяновской области<sup>28</sup>. В картотеке Древнерусского словаря XI—XVII вв. несколько раз упоминаются (по памятникам XVII в.) шапки *чамровые лисьи* или просто *чамры лисьи* (в списках товаров). В этих примерах нашел отражение, вероятно, более старый (или же безударный?) вокализм начального слога. В западнорусской письменности упоминается с 1489 г. *шуба чамъровая*.

Судя по географии распространения (не только восточно- и южнославянские языки), значительно более ранним является болгарское заимствование *шапка* (впервые оно фиксируется в русских письменных памятниках начала XIV века), представляющее собой болгарское образование от общетюркского глагола, известного в древнетюркском языке как *jar-* 'покрывать, закрывать'<sup>29</sup>. Венгерский язык обнаруживает коле-

<sup>24</sup> Летопись занятий Археографической комиссии (за 1885—1887), кн. X. СПб., 1895, стр. 22 (прим. А. И. Соболевского).

<sup>25</sup> А. И. Соболевский. Из истории русской моды. — «Известия Таврического общества истории, археологии, этнографии», том I (58). Симферополь, 1927.

<sup>26</sup> А. Brückner. Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków, 1927, s. v. szlyk. Р. Г. Ахметьянов на основе параллелизма тат. *jauġ* 'платок' и кирг. *tajlyq* 'салфетка, полотенце для вытирания рук после еды' возводит татарское слово к *jaŋ* 'жир' (см.: Р. Г. Ахметьянов. Принципы этимологических исследований в области татарской лексики. — «Ученые записки Казанского государственного педагогического института», вып. 74. — «Вопросы тюркологии». Казань, 1970, стр. 98—99).

<sup>27</sup> См.: И. Г. Добродомов. Два гапакса из «Лексикона вокабулам новым». — «Ученые записки Научно-исследовательского института при Совете Министров Чувашской АССР», вып. XXXIX (филология). Чебоксары, 1969, стр. 234—235; И. Г. Добродомов. Из истории восточноевропейских культурных терминов. — «Вопросы чувашской и русской филологии», вып. I. Чебоксары, 1971, стр. 171.

<sup>28</sup> См.: «Русская речь», 1969, № 3, стр. 108.

<sup>29</sup> В статье «Из болгарского вклада в славянских языках, III» («Этимология 1970». М., 1972, стр. 103—115) нами была предложена болгарская же, но несколько иная этимология слов *шапка* и *чабак*. Сейчас это предположение представляется нам менее вероятным, чем обоснованная М. Рясняном о связи с глаголом *jar-* 'покрывать' (Räsälep, 187, без обращения к слову *шапка*).

бания между *š-* и *č-*, хотя в современном языке закрепились формы на *š-*. В западнославянских языках встречаются только формы с начальным *č-*. Эти формы могут быть объяснены либо как более ранние болгаризмы (еще до перехода *č->š-*), либо как раннее отражение французского слова в западнославянских языках. Правда, следует учитывать, что в венгерском языке не встречаются факты отражения континуантов тюркского анлаутного *j-* в виде *č-* или *š-*, кроме этого случая (*sarka, csarka* и т. п.). Это обстоятельство объясняется тем, что сближение и совпадение

рефлексов тюркских *j-* и *č-*, в чувашском *š-* происходило в течение длительного периода<sup>30</sup>. Напротив, исконно русское диалектное название шапки *чабак*, генетически родственное слову *шапка*, обнаруживает более древний вид анлаута. К этому же тюркскому корню, вероятно, восходит и вологодское *сулок, сулог* (см.: Räsänen, 176, 187).

Оспариваемая многими тюркологами возможность отражения начального тюркского *j-* в болгаризмах венгерского языка в виде *s-* (орфографически *sz-*)<sup>31</sup> подтверждается болгаризмами русского языка. Таковым является русское название конской масти *саврасый*, то есть «светло-гнедой с желтизной, с черными гривой и хвостом», встречающееся только в русском языке с конца XIV—начала XV в. и не получившее удовлетворительного этимологического объяснения. М. Ряснен связал

это слово с реконструированной болгарской формой \**šavæg* — прилагательного типа хакасского диал. *šigig* (литературн. *šigpen*) 'рыжий (о конской масти)', якутского *šig* 'саврасый, светло-гнедой (о масти конского скота), косульего цвета' (Пекарский, 2192); эти слова соотносятся с древнетюркским *jeggän* 'гнедой, рыжий', в котором представлен суффиксальный расширитель *-än*, а также с аналогичным по морфологическому составу чувашским *šügen* 'рыжий, игрений (масть лошади)'<sup>32</sup>; из последнего Н. И. Ашмарин выводил также русское церковнославянское обозначение белой или бело-серой конской масти *срѣнный*<sup>33</sup>. Он, однако, не учел полногласную форму *сереньи*, хорошо этимологизируемую на русской почве; форма же *срѣнный* должна рассматриваться как гиперцерковнославянизм. Эта этимология не объясняет резкого сдвига первоначальной семантики, сохранившейся у более позднего кыпчакского заимствования (известного по памятникам с XVI века) *игрений, игреневый*, 'рыжий, с гривой и хвостом белесоватыми, светлее стана', в раннем болгаризме *саврасый*. Элемент *-ас-* русского мастеобозначения *саврасый*, не объясненный М. Рясненым, вероятно, следует рассматри-

<sup>30</sup> Z. Gombocz. Die bulgarisch-türkische lehnwörter in der ungarischen sprache. Helsinki, 1912 (MSFOu, XXX), стр. 179—183, приводит лишь два не вполне ясных примера:

sarló 'серп' (чув. *surla*); süveg 'шапка' (чув. *šäläk*).

<sup>31</sup> G. Doerfer. Bemerkungen zur Methodik der türkischen Lautlehre. — «Orientalistische Literaturzeitung», LXVI (1971), № 7/8 стлб. 332: «Das čuvaš, š ist spät: im Ungarischen entspricht *gy-* (z. B. *gyütölcs* 'Frucht', die Entsprechung *sz-* halte ich für irrig)...».

<sup>32</sup> M. Räsänen. Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türksprachen. Helsinki, 1969, стр. 194; М. Ряснен. Материалы по исторической фонетике тюркских языков. М., 1955, стр. 104.

<sup>33</sup> Н. И. Ашмарин. Болгары и чуваша. Казань, 1902. — «Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете», т. XVIII, вып. I, стр. 113 [здесь же, на стр. 112, дается этимология другого русского церковнославянского названия конской масти *гренни* 'белый' (возможно, описка: вместо *срѣнный*) в сопоставлении с чувашским *kəgen* 'игрений']. Булгарская этимология прилагательного *срѣнный* вначале была поддержана М. Рясненым (см. его: «Die tschuwassischen lehnwörter im tschere-missischen. Helsinki, 1920, стр. 197), но в дальнейшем в его трудах при анализе этих же тюркских слов она уже не повторяется (см. примеч. 32); ср.: Г. Б. Джаукян. Очерки по истории дописьменного периода армянского языка. Ереван, 1967, стр. 111.

вать как болгарский суффиксальный элемент, соответствующий малоизученному суффиксу *-(a)š* других тюркских языков<sup>34</sup>. Звуку *-š* на болгарской почве обычно соответствует звук *-l-*, иногда *-lč-*, причем сочетание *-lč-* упростилось в современном чувашском языке до *-s-*. Следовательно, в основу русского цветообозначения *саврасый* легла суффиксальная древнеболгарская форма типа *\*šavāgās* (болгарско-чувашское *a* закономерно соответствует звуку *e* (*ä*) прочих тюркских языков). В данном примере несколько удивляет отсутствие палатализованности у обоих согласных *š*, присущей современному чувашскому *ś*. Вероятно, здесь следует говорить о заимствовании из особого болгарского диалекта, в котором палатализованность (палатальность) *š* утрачивалась<sup>35</sup>. Из русского *саврасый* выводится вепское название масти *sau-gas* (*-rha-*)<sup>36</sup>. Таково же и происхождение маисийского *saβgāsi* и т. д.<sup>37</sup>

Рефлекс тюркского *j*- в виде непалатализованного *s*- отражен в общеславянском болгаризме — славянском названии сыворотки: русск. *сыворотка*, белорусск. *сырватка*, укр. *сирватка*, болг. *сироватка*, с.-хорв. *сирутка*, словенск. *sirotka*, чешск. *syrovátka*, словацк. *srvátka*, польск. *serwatka*, верхнелужицк. *syr(o)watka*, нижнелужицк. *s(e)rowatka*, *s(e)rowizń* — причем для всех этих форм невозможно установить общую праформу. Однако эти слова могут быть легко объяснены как

народноэтимологические переосмысления болгарской формы *\*šugarat*, соотносимой с тюркскими названиями кислого молока типа якутск. *suorat*, кирг. *žūrat* и т. п.<sup>38</sup> Русский сибирский диалектизм *сорá* 'якутское кислое коровье масло' отражает якутскую фонетику, а в русском кавказском диалектизме *чурт* (у ногаев) 'род варенца, кипяченое молоко с закваской', возможно, скрывается форма другого болгарского диалекта, из которого во многие языки попало также название верхней одежды *чуха*, если, конечно, здесь нет субституции *ž* > *č*- в силу отсутствия звонкой аффрикаты *ž*- в русском языке. Ср. также *югурт*, *яурт* и т. п. с тюркским *j*- в анлауте.

Вологодское собирательное название толпы, ребят, ватаги детей *самрá*, до сих пор не этимологизированное, вполне может считаться болгаризмом с начальным *š*- в соответствии с чувашским *šamġäk*, *šamġäk*

<sup>34</sup> Э. В. Севортян. Суффиксы именного словообразования в азербайджанском языке. Опыт сравнительного исследования. М., 1966, стр. 171—172; А. von Gabain. Alt-türkische Grammatik, 2. Auflage. Leipzig, 1950, стр. 63. Впрочем, аналогичный суффикс в обозначении цветовых оттенков известен и славянам. См.: Fr. Stawski. Polskie białyasy, «Symbolae polonicae in honorem Stanisłai Jodłowski». Wrocław—Warszawa—Kraków—

Gdańsk, 1972, стр. 173—176. Ср. объяснение из болгарского *šavāg* (~ др.-тюрк. *jaγuz* 'бурый') + слав. *-ac-*: И. Г. Добродомов. Проблемы изучения болгарских лексических элементов в славянских языках. Автореф. докт. дисс. М., 1974, стр. 18.

<sup>35</sup> Возможно, чисто цветовая ассоциация легла в основу сибирского (не симбирского ли?), пермского и казанского диалектизма *савраска* 'пьяная медовая брага: из восчины с хмелем'; у чуваш, тептярей и пр. (Даль IV, 127).

<sup>36</sup> Его нет в словаре М. И. Зайцевой и М. И. Муллонен, но оно отмечено в книге: J. I. Mikkola. Beführungen zwischen den westfinnischen und slavischen sprachen. Helsingfors, 1894, стр. 159.

<sup>37</sup> B. Kálmán. Die russischen Lehnwörter im Wogulischen. Budapest, 1961, стр. 245.

<sup>38</sup> Иные тюркские формы и их этимология разобраны в статье: И. Г. Добродомов. Новая одежда старых слов. — «Русская речь», 1972, № 2, стр. 67—70; см. здесь же и об их отражении на русской почве; ср. также: И. Г. Добродомов. К вопросу о венгерском *sz-*, соответствующем тюркскому *j-*, в старых болгаризмах (в печати); ср. также: Г. П. Клепикова. Славянская пастушеская терминология (ее генезис и распространение в языках карпатского ареала). М., 1974, стр. 144—150.

‘молодой, юный’. Это чувашское прилагательное не имеет тюркских параллелей, хотя и является весьма древним, о чем говорит то, что оно еще с передним вокализмом было заимствовано венгерским языком: *gyer-tek* (также *gyerek*) ‘дитя, ребенок’. Позднее уже с заднерядным вокализмом оно вошло в марийский язык: *sam(ə)gək* ‘молодой’. М. Ряснен приводит для этого слова также монгольскую и корейскую параллели, соответственно: *žerme-gei* «a young person, a child», *čjelmin-i* «a young person»<sup>39</sup>. Впрочем, следует заметить, что отпадение конечного *-k* в русском слове и наличие второго *-e-* в венгерском требуют дополнительных объяснений.

Несомненным чувашизмом считается слово *сулók* (*сулóg*) ‘кусок шитой ткани, которую убран архиерейский посох’, влгд. ‘небольшая ширинка, маленькое полотенце, тряпичка’. М. Ряснен сопоставил его с чувашским архаическим *śulək*, *śuləx* ‘платок, прикрепляемый к спине жениха во время свадьбы’<sup>40</sup>. Последнее слово вытеснено татаризмом *javlək* ‘платок’ (диалектизм, так же как и *aš javlək*, *ašjavlək*, *aššavlək* ‘скатерть’), родственным исконному *śulək*, а также монголизмом *tuDəg* ‘платок’. Чувашское слово заимствовано также марийским и удмуртским языками. Начальный согласный *j-* татарского слова *jauluq* ‘платок’ свидетельствует о существовании первичного звука *j-* в тюркском слове. Этимология дана в «Опыте этимологического словаря» М. Ряснена (*Räsänen*, 176; см. также сноску «26» на стр. 29).

В новых русских заимствованиях из чувашского языка *s-* (независимо от происхождения его из *\*j-* или *\*č-*) передается русским смягченным *с’-*. Таково казанское *сювá* и множ. *сювы́* ‘кладбище инородцев, мазарки’, уже у В. И. Даля выводимое из чувашского (*səva* ‘кладбище, погост’)<sup>41</sup>.

Казанское *сюкур* ‘хлеб’ уже В. И. Даль справедливо связывал с чувашским *śəgəg*, диал. *śəkək* ‘хлеб (печеный)’. Через мордовский язык прошли симбирские экзотизмы *сjúкур*, *сjúкуры* ‘мордовские лепешки, сверху с кашей и творогом; шаньги, ватрушки’, но начальный согласный и в них свистящий. Более архаичное начало имеют симбирские и уфим-

<sup>39</sup> М. *Räsänen*. Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türksprachen. Helsinki, 1969, стр. 198. Форму с начальным *č-*, восстанавливаемую автором на стр. 105, в связи с этим следует считать ошибочной. Польское *giermek* ‘оруженосец’ заимствовано из венгерского языка, а западнорусское *гермокъ*, *кгермекъ* ‘оруженосец’ — явный полонизм.

<sup>40</sup> М. *Räsänen*. Der Wolga-bolgarische Einfluss im Westen im Lichte der Wortgeschichte. — «Finnisch-ugrische Forschungen», XXIX (1946), стр. 199; М. Р. Федотов добавляет также лишь внешне созвучный диалектизм *səlgə* ‘полотенце с вышитыми концами’, на самом деле восходящий к тат. *sölgə* ‘полотенце’ (см.: М. Р. Федотов. Исторические связи чувашского языка с языками угро-финнов Поволжья и Перми, ч. 1. Чебоксары, 1965, стр. 120).

<sup>41</sup> М. Ряснен (См.: М. *Räsänen*. Der Wolga-bolgarische Einfluss im Westen im Lichte der Wortgeschichte, стр. 199) сначала связывал это слово с древнетюркским *joу* ‘поминальный обряд’, но в своем «Versuch’e eines etymologischen Wörterbuchs der Türksprachen» (Helsinki, 1969, стр. 200) на основании семантики крымско-татарского глагола *ji-* (из *\*juу-* ‘хоронить’, в других языках «собирать») считает *\*juу-аq* производным от этого глагольного корня, что фонетически оправдано. Кроме того, М. Ряснен также считает возможным сравнить это слово с названиями могилы и кладбища: шорск. *пáбági* ‘могила’, *śevəg* ‘кладбище’, тувинск. *śevəg* ‘кладбище, могила’ (стр. 197); правда, это сближение рассматривается автором как проблематичное и сопровождается им вопросительным знаком. При всех трех этимологиях в аналауте восстанавливается исходный *j-*. Ср.: М. Р. Федотов. Марийские заимствования в чувашском языке. — «Советское финно-угроведение», I, 4, 1965, стр. 263.

ские диалектизмы *шóкуры*, *чóкуры* 'жеребейки из пресного теста, вóщи; коlobки, клецки', а также у владимирского *чóкуры* 'гороховая похлебка', наряду с более новым *шóхуры* или *шишки* 'гороховая похлебка (с клецками?)' — вопрос в Словаре В. И. Даля. Ср. также слово *сокрéй* 'хлеб' в условном языке портных Ульяновской области, восходящее сюда же<sup>42</sup>, но с твердым *с'*-, хотя это слово не может быть названо старым заимствованием. Однако в упомянутом условном языке сосуществует также и слово с мягким *с'*- *сúмор* 'дождь' (чувашск. *šimĕg*). Впрочем, следует учитывать разную акцентуацию этих внешне сходных русских жаргонизмов чувашского происхождения. Тюркские соответствия чувашскому *sĕgĕg* 'хлеб' приводятся В. Г. Егоровым<sup>43</sup>.

Второй из намеченных путей преобразования тюркского *j*->*ž*->*ž*->*ž*->*š*- с поздним оглушением рефлексов также может быть подтвержден рядом тюркизмов славянских языков, но такого рода примеров гораздо меньше, и не исключено, что и они восходят к небулгарскому источнику. Вероятно, в таком положении находится восточнославянский тюркизм XI века *жемчугъ*<sup>44</sup>, возводимый иногда к болгарскому источнику. Столь же проблематично болгарское посредство в заимствовании славянами этнонима *жид-овинъ* (мн. *жид-ове*)<sup>45</sup>. Впрочем, ступень *ž*-, ввиду ранней утраты такого звука славянами (*ž*>*ž*), могла иметь субституционные замены как звуком *ž*-, так и глухим *š*- в случае акцентирования внимания на аффрикативном характере согласного.

Начальное *ž*- представлено в древнерусском и русском диалектном названии кармана *зель*, для которого уже Ю. Вихман и вслед за ним К. Менгес предполагали наличие старого чувашского или мишарского источника, хотя в указанных языках искомое слово и не было обнаружено<sup>46</sup>. Если хронологически слово *зель* по русским памятникам восходит к сравнительно недавнему прошлому (XVII век), то несколько иначе обстоит дело с хронологией слова *зелень* 'татарский женский кафтан без рукавов', приведенного у М. Р. Фасмера без указания на источник и с лаконичной пометкой о его этимологии: «Неясно». В словаре В. И. Даля приводится несколько иная форма *зилян* 'женское татарское верхнее платье', причем последняя форма полностью совпадает с мишарским соответствием литературной татарской форме *žilĕn* 'азям; халат; летнее платье; пыльник', однако вокализм русской формы *зелень* отличается большей архаичностью и соответствует вокализму одной глоссы в древнерусском переводе Хроники Георгия Амартола, причем эта глосса в настоящее время интерпретируется как указание на зеленый цвет в силу созвучия этого названия со словом *зеленый*: *и видевъ люди издалеча Александръ в бѣлахъ ризахъ, иерѣемъ же предстоящем въ вусинѣхъ*,

<sup>42</sup> «Русская речь», 1969, № 3, стр. 108.

<sup>43</sup> См.: В. Г. Егоров. Современный чувашский литературный язык в сравнительно-историческом освещении. Чебоксары, 1954, стр. 23 (во втором издании 1971 г. соответствующий абзац на стр. 14—15 опущен).

<sup>44</sup> И. Г. Добродомов. О методах исследования древнейших тюркизмов в составе русского словаря (К истории слова *жемчуг*). — «Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка», т. XXV (1966), вып. 1, стр. 57—64.

<sup>45</sup> На тюркский характер этого слова указал еще В. Н. Татищев. См.: В. Н. Татищев. Лексикон российской исторической, географической, политической и гражданской, ч. 2. СПб., 1793, стр. 214.

<sup>46</sup> У. Wichmann. Die Tschuwassischen lehnwörter in den permischen sprachen. Helsingfors, 1903, стр. 53—54; К. Н. Menges. Qaraqalpaq Grammar, I. New-York, 1947, стр. 95.

рекше въ зеленахъ (ε'ν βυσσιναις)<sup>47</sup>. Г. Н. Лукина, использовавшая этот контекст<sup>48</sup>, склонна видеть в выражении *въ зеленахъ* указание на цвет, хотя такое понимание лишает смысла весь контекст, тем более что тон-

кая льняная ткань *виссон* (греч. βυσσινος-βυσσος 'тончайшее полотно') обычно была белого или пурпурного цвета, но не зеленого. Наличие в переводе XI в. (список XIII—XIV вв.) слова *зелена* (именно такова должна быть исходная форма) исключает мишарский источник заимствования и заставляет видеть в этом гапаксе старый болгаризм, свидетельствующий о большой роли Волжско-Камской Булгарии в средневековой восточноевропейской торговле. Чувашский язык утратил соответствующее слово, а устаревшее и диалектное *jəlen, jilen, ilen* 'старинный женский свадебный кафтан, старинная суконная женская поддевка' представляет собой сравнительно новое заимствование из башкирского языка. Ср. также казах. *želeŋ* 'мужская верхняя одежда'.

Любопытные монгольские соответствия, не вполне точные по оформлению исхода слова, типа *degelej* приводятся Г. Дёрфером, хотя и без упоминания русского монголизма *тегилай*<sup>49</sup>.

Следует заметить, что здесь рассматривалась лишь судьба на болгарской почве старого тюркского \**j-*, унаследованного от прототюркского языкового состояния, хотя на алтайской стадии ему и соответствовали разные звуки. Что касается судьбы начального *j-*, возникшего уже на болгарской почве либо в качестве протетического согласного перед гласным, либо же в качестве своеобразного заместителя более древнего согласного *q*<sup>50</sup>, то этот начальный согласный сохраняется без изменения в славянских и финно-угорских языках. Такое сохранение протетического *j-* обнаруживает южнорусско-белорусский диалектизм *юрáга* 'избоины, сыворотка, сыроватка, пахтанье, сколотины, остатки от сбитого масла; такие же остатки мешаного и топленого, русского масла' (Даль IV, 669; ср. марийск. *йыра* 'сыворотка', венг. *ígó*) при чувашском \*уга в изафетной конструкции эпегі 'молозиво', также эпе уггі (эпе 'корова'+уга+і с последующей фузией) и восточнославянское название посуды *яндова*, восходящее к болгарскому соответствию монгольского *хунДага* 'чарка, бокал, рюмка'<sup>51</sup>.

Этот сравнительно недавно возникший согласный *j-* просто не успел включиться в процессы, захватившие не только старый исконный *j-*, но и древний протетический *j*<sup>52</sup>.

<sup>47</sup> Известно также написание *зблена* (в сходной цитате) в «Материалах для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского под несуществующим словом *кусина* (вместо *вусинт!*), но в словнике «Материалов» отсутствуют обе формы: и *зелена*, и *зблена*.

<sup>48</sup> Г. Н. Лукина. Название тканей в языке памятников древнерусской письменности XI—XIV вв. — «Этимология, 1970». М., 1972, стр. 246—247.

<sup>49</sup> G. Doerfer. Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen, Bd I. Wiesbaden, 1963, стр. 327—328.

<sup>50</sup> Впрочем, Л. С. Левитская считает возможным объединить эти два различных процесса, предполагая для последнего случая развитие *q->x->h->∅* и дальнейшее возникновение протетического *j-*. Л. С. Левитская. Об одном возможном объяснении соответствия чувашского *j-* общетюркскому *q-*. — В сб.: «Исследования по тюркологии». Алма-Ата, 1969, стр. 63—67.

<sup>51</sup> О. Н. Трубачев. Об этимологическом словаре русского языка. — «Вопросы языкознания», 1960, № 3, стр. 66; О. Н. Трубачев. Из истории названий каш в славянских языках. — «Slavia», гошник, XXIX (1960), seš. 1, стр. 29—30; И. Г. Добродомов. Н. И. Ашмарин как этимолог. — В сб.: «Н. И. Ашмарин — основоположник чувашского языкознания». Чебоксары, 1971, стр. 142—143; И. Г. Добродомов. Из истории восточноевропейских культурных терминов (*яндова, чомровое платье*). — «Вопросы русской и чувашской филологии», вып. I. Чебоксары, 1971, стр. 156—170.

<sup>52</sup> См.: М. Ряснен. Материалы по исторической фонетике тюркских языков. М., 1955, стр. 163.

Предварительный анализ болгаризмов славянских языков показывает, что в болгарском языке в период эволюции его в направлении современного чувашского языка начальный прототюркский *j*- развивался по следующей схеме: *j*- > *ǰ*- > *č*- > *š*- > *s*-. Возможно, это развитие в разных болгарских диалектах протекало неодинаково, что проследить с полной достоверностью не удастся из-за недостатка выявленного к настоящему времени материала. Дальнейшие разыскания в этой области помогут установить более законченную картину, причем особое внимание должно быть уделено вопросам относительной хронологии заимствования славянами отдельных лексем<sup>53</sup>.

---

<sup>53</sup> Интересный южнославянский материал собран в работе: *M. Mollova. Quelques lexemes turks septentrionaux en ġ ~ č ~ j... dans les langues slaves meridionales.* — «Zeitschrift für Balkanologie», Jahrgang IX, Heft 1 und 2. München, 1973, стр. 89—127. Однако, к сожалению, в этой работе проблемы болгарской фонетической истории учтены недостаточно. В недавно вышедшей книге Л. С. Ковтун «Лексикография в Московской Руси XVI — начала XVII в.» (Л., 1975, стр. 268—312) опубликован интересный азбуковник конца XVI века, содержащий толкование ряда разобранных в данной статье слов: «*цигот* — силныи іпат' или болшой ц(а)р(е)въ советник» (стр. 311—312), его греческое соответствие *протоспаваріе* толкуется как *меченосец* (стр. 298); слово *ипагъ*, имеющее помету о сербском происхождении, толкуется как *зель* (стр. 311). См. соответственно стр. 24—25, 26, 33 настоящей статьи. Тюркский материал этого азбуковника заслуживает специального рассмотрения.

## ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

Е. Д. ТУРСУНОВ

### ТЮРКО-МОНГОЛЬСКИЕ ВЕРСИИ СКАЗАНИЯ ОБ ОСЛЕПЛЕНИИ ЦИКЛОПА

В обширной литературе, посвященной анализу версий сказания об ослеплении человеком одноглазого великана (сюжет, получивший отражение и в «Одиссее» Гомера), почти не уделено внимания тюркским версиям, а монгольский материал вообще не учитывается. Исключение составляют построенные на казахском материале работы Н. П. Остроумова<sup>1</sup>, В. М. Жирмунского<sup>2</sup> и публикация Л. С. Берга<sup>3</sup>, в которых, однако, не рассматривается проблема генезиса тюркских версий сказания.

Между тем привлечение тюрко-монгольского фольклорного материала может помочь в установлении источников, питавших воображение создателей «Одиссеи», и в определении времени создания древнегреческого эпоса. Обе эти проблемы все еще ждут своего окончательного решения. Мы остановимся на первой из них.

Тюркские варианты сюжета об ослеплении одноглазого великана человеком (АА 1137; ВР III 191 а) интересны не только необычайной близостью к легенде, изложенной в «Одиссее», но и своей многочисленностью. Так, у различных народов Азии и Европы зарегистрировано около двадцати вариантов этого сюжета, причем половину из них составляют варианты, бытующие в фольклоре народов Кавказа<sup>4</sup>. Во всех случаях, за исключением двух преданий (ингушского и чеченского), из известных нам, этот сюжет бытует в форме героического эпоса или сказки. В тюркском же фольклоре нами было зарегистрировано тридцать семь вариантов сюжета, сходных с сюжетом «Одиссеи», двадцать три варианта других сюжетов, также повествующих о встречах человека с великаном-циклопом, в жанрах былички, сказки и героического эпоса. Мифы и записи поверий здесь нами не учитываются: первые — в связи с тем,

<sup>1</sup> Н. Остроумов. Одиссеи Полифем в киргизских сказках. — В сб.: «Средняя Азия», вып. III, 1910.

<sup>2</sup> В. М. Жирмунский. Сказание об Алпамыше и богатырская сказка. М., 1960, стр. 66—67; его же. Огузский героический эпос и «Книга Коркута». — В кн.: «Книга моего деда Коркута. Огузский героический эпос». Пер. В. В. Бартольда. М.—Л., 1962, стр. 214—221.

<sup>3</sup> Л. С. Берг. Киргизское сказание о циклопе. — «Этнографическое обозрение», 1915, № 3—4.

<sup>4</sup> См.: У. Б. Далгат. Кавказские богатырские сказания древних циклов и эпос о нартах. — В кн.: «Сказания о нартах — эпос народов Кавказа». М., 1969, стр. 120. Сведения о кавказских вариантах почерпнуты нами из различных работ кавказских фольклористов.

что дошли до нас в вольных пересказах собирателей или в отрывках, вторые — из-за трудностей их сюжетно-текстовой квалификации. Подавляющее большинство вариантов сюжета об ослеплении великана человеком — казахские (восемнадцать вариантов), что, вполне возможно, объясняется большой степенью изученности казахского сказочного материала. Варианты этого сюжета из фольклора монгольских народов пока представлены четырьмя записями (две сказки и две легенды). Кроме того, зарегистрировано еще четыре текста о встречах человека с циклопом, отличающихся по сюжету от упомянутых.

Сюжету об ослеплении одноглазого великана человеком в фольклоре нетюрко-монгольских народов посвящено немало исследований, библиография их подробно представлена в работах В. Жирмунского и У. Далгат. Во всех исследованиях отмечается, что в фольклоре нетюрко-монгольских народов сюжет об ослеплении циклопа человеком бытует в основном в форме героического эпоса и сказки.

Тюркские же варианты этого сюжета нашли отражение также в мифологии, культовых обрядах, поверьях, быличках и легендах.

Сюжет об ослеплении циклопа находим, в частности, в огузском эпосе о Коркуте<sup>5</sup>, в киргизском эпосе — «Манас» и «Эр-Тоштюк»<sup>6</sup>, в караево-балкарском героическом эпосе<sup>7</sup>.

В сказках этот сюжет разрабатывается у казахов<sup>8</sup>, киргизов<sup>9</sup>, алтайцев<sup>10</sup>, азербайджанцев<sup>11</sup>, гагаузов<sup>12</sup>, турок<sup>13</sup>, кумыков<sup>14</sup>. В. М. Жирмунский упоминает также туркменский вариант этого сюжета<sup>15</sup>. Из других вариантов зарегистрированы монгольский<sup>16</sup> и калмыцкий<sup>17</sup>.

<sup>5</sup> «Книга моего деда Коркута. Огузский героический эпос», стр. 76—83.

<sup>6</sup> «Киргизский героический эпос». Сказитель С. Каралаев. Перевод С. Сомова. Фрунзе, 1958, стр. 131—134.

<sup>7</sup> А. З. Холаев. К вопросу о балкаро-карачаевском нартском эпосе. — В кн.: «Сказания о нартах — эпос народов Кавказа», стр. 192.

<sup>8</sup> Н. П. Остроумов. Новые варианты сюжета о Полифеме (Одноглазе). — «Этнографическое обозрение», 1891, № 2, стр. 202—207; *его же*. Одиссеев Полифем в киргизских сказках. — «Средняя Азия», вып. III, 1910, стр. 61—64; Л. С. Берг. Указ. раб., стр. 62—67; см. сказки: «Караман», «Одноглазый великан» (Г. Н. Потанин. Казак-киргизские и алтайские предания, легенды и сказки. — «Живая старина», вып. II—III, 1916, стр. 110—112, 162—164); см.: «Дуйсень и дау». — В «Трудах Общества изучения Киргизского края», вып. IV. Оренбург, 1925, стр. 10; см.: «Сапожник». — В кн.: «Казахские сказки», т. III. Составитель В. М. Сидельников. Алма-Ата, 1964, стр. 104—105.

<sup>9</sup> Ф. В. Поярков. Каракиргизские легенды, сказки и верования. — В кн.: «Памятная книжка и адрес-календарь Семиреченской области на 1900 г.». Верный, 1920, стр. 29; см.: «Смелый охотник». — В кн.: «Киргизские народные сказки». Фрунзе, 1954, стр. 82—84; см.: «Охотник Джанл». — В кн.: «Киргизские народные сказки». Фрунзе, 1966, стр. 66—68.

<sup>10</sup> Н. Я. Никифоров. Аносский сборник. Собрание сказок алтайцев. — «Записки Западно-Сибирского отдела РГО», т. XXXVII. Омск, 1915, стр. 245—246.

<sup>11</sup> См.: «За ремеслом». — В кн.: «Азербайджанские тюркские сказки». М., 1935, стр. 231—232.

<sup>12</sup> См.: «О циклопах». — В кн.: В. В. Радлов. Образцы народной литературы тюркских племен, ч. IX. СПб., 1907, стр. 37—39.

<sup>13</sup> См.: «Мальчик и дэв». — В кн.: «Турецкие народные сказки». Под ред. Н. К. Дмитриева. М., 1967, стр. 169—175.

<sup>14</sup> См.: «Об одноглазом великане, вырвавшем плодовые деревья из ханского сада» — У. Б. Далгат. Указ. раб., стр. 129—131.

<sup>15</sup> В. М. Жирмунский. Огузский героический эпос и «Книга Коркута», стр. 218.

<sup>16</sup> См.: «Боро болджохан туджи». — В кн.: Г. Н. Потанин. Очерки северо-западной Монголии, вып. IV. СПб., 1883, стр. 537—538.

<sup>17</sup> См.: «Старик-силач». — В кн.: «Медноволосая девушка. Калмыцкие народные сказки». Перевод, составление и примечания М. Ватагина. М., 1964, стр. 197.

Аналогичный сюжет распространен в форме былички у казахов<sup>18</sup> и турок<sup>19</sup>, а в форме легенды — у монголов<sup>20</sup>.

В тюрко-монгольском героическом эпосе, сказках и быличках встречаются сюжеты об одноглазых великанах, не связанные с сюжетом об ослеплении циклона: Малгун и Мадыкан из киргизского эпоса «Манас»<sup>21</sup>, одноглазые богатыри-абаасы в якутских олонгхо<sup>22</sup>, одноглазый богатырь — повелитель мира мертвых Эрлик Кара-Сокор в алтайском эпосе «Алтын-Қоо»<sup>23</sup>, одноглазые великаны-эмегены в балкаро-карачаевском эпосе<sup>24</sup>, одноглазая баба-мангадхайка в бурятском эпосе о Гэсэре<sup>25</sup>. Циклоны фигурируют и в сказках тюрко-монгольских народов, например: «одноглазая черная баба, хозяйка Земли» в алтайской богатырской сказке<sup>26</sup>, однурукий, одноногий и одноглазый железный богатырь из якутской богатырской сказки<sup>27</sup>, циклопы-дау и одноглазая ведьма жалмауыз-кемпир в казахских сказках<sup>28</sup>, одноглазые великаны-дөө в киргизской сказке<sup>29</sup>, одноногая, однурукая и одноглазая дочь людоеда-мангыса в якутской сказке<sup>30</sup>, людоедка-ялмауз в уйгурской сказке<sup>31</sup>, безобразная, живущая в пещере старуха из азербайджанской сказки<sup>32</sup>, одноглазая дочь Мангата и чудовище в монгольских сказках<sup>33</sup> и стерегущий чудесный сад одноглазый старик из калмыцкой сказки<sup>34</sup>.

<sup>18</sup> Ч. Ч. Валиханов. Очерки Джунгарии. — «Собрание сочинений» в 5-ти томах, т. I. Алма-Ата, 1961, стр. 420; см.: «Охотник Истан» (А. А. Диваев. Семь сказок киргизов Сыр-Дарьинской области). — «Этнографическое обозрение», 1906, № 1—2, стр. 127; Л. С. Берг. Указ. раб., стр. 67; см.: «Идыль и Джаик». — Архив Г. Н. Потанина в научной библиотеке Томского государственного университета, тетрадь 52, л. 3203; «Батыр Акжан». — В кн.: «Казахские сказки», т. III, стр. 155—156; «Охотник». — Там же, стр. 176—178; «Әбу мергеннің жалғыз көзді дәуді өлтіргені». — Запись автора со слов проф. Д. Т. Турсунова; «Ортаншыға оқ тимес, оқ тисе де бөк тимес». — Запись автора со слов Х. З. Вагаповой (г. Алма-Ата).

<sup>19</sup> См.: «Дэв-карысы». — В. А. Гордлевский. Избранные сочинения, т. III. М., 1962, стр. 320—321.

<sup>20</sup> «Бандын Цзан». — В кн.: Г. Н. Потанин. Очерки северо-западной Монголии, стр. 490.

<sup>21</sup> «Манас. Киргизский эпос. Великий поход». М., 1946, стр. 251; В. М. Жирмунский. Введение в изучение эпоса «Манас». — В кн.: «Киргизский героический эпос „Манас“». М., 1961, стр. 155—156; «Манас», 1-бөлүк, 2-китеп. Фрунзе, 1958, стр. 209—211.

<sup>22</sup> И. В. Пухов. Якутский героический эпос олонгхо. Основные образы. М., 1962, стр. 137—139.

<sup>23</sup> «Алтын-Қоо». — В кн.: «Малчи-мерген. Алтайский героический эпос». Под ред. А. Коптелова, Ойротиздат, 1947, стр. 76—83.

<sup>24</sup> Ш. Д. Инал-Ипа. Исторические корни древней культурной общности кавказских народов (Опыт сравнительного изучения нартического эпоса). — В кн.: «Сказания о нартах — эпос народов Кавказа», стр. 50—51; А. З. Холаев. Указ. раб., стр. 292.

<sup>25</sup> См.: «Абай Гэсэр хубун». — В кн.: Н. О. Шаракшинова. Героический эпос о Гэсэре. Иркутск, 1969, стр. 291.

<sup>26</sup> См.: «Алтын-Чобе». — В кн.: Г. Н. Потанин. Очерки северо-западной Монголии, вып. IV, стр. 567—568.

<sup>27</sup> См.: «Боско». — Там же, стр. 632—633.

<sup>28</sup> См.: «Махмуд и его попутчик». — В кн.: «Казахские сказки», т. III, стр. 371—373; «Аламан мен Жоламан». — В кн.: «Қазақ ертегілері». Алматы, 1959, стр. 47—48.

<sup>29</sup> См.: «Дыйканбай менен дөө». — В кн.: «Кыргыз эл жомоктору». Фрунзе, 1957, стр. 40.

<sup>30</sup> См.: «Баһамнылыан баатыр». — В кн.: И. А. Худяков. Краткое описание Верхоянского округа. Л., 1969, стр. 371.

<sup>31</sup> См.: «Людоедка-ялмауз». — В кн.: «Уйгурские сказки». Алма-Ата, 1951, стр. 89—93.

<sup>32</sup> См.: «Сказка о прекрасной царевне». — В кн.: «Азербайджанские сказки». Баку, 1950, стр. 122—123.

<sup>33</sup> См.: «Сказание о Шилин-Галдзу-Баторе, Аджик-Тэнэк-Баторе и Эдзене-Богдо». — В кн.: Л. А. Амстердамская. Восточно-халхасские народные сказки. Текст и перевод. М.—Л., 1940, стр. 45; «Охотник Банди». — В кн.: «Монгольские сказки». М., 1967, стр. 140—141.

<sup>34</sup> См.: «Бюрюн-Тегес». — В кн.: «Медноволосяя девушка», стр. 145—146.

В быличках это — жез-тырнак с медными когтями у казахов<sup>35</sup>, одноглазые демоны у якутов<sup>36</sup>. В этих образах отразились древние поверья тюркоязычных народов: казахов, каракалпаков, бухарских и хорезмских узбеков, киргизов, уйгуров и туркмен — об одноглазых демонических существах-албасты, похищающих легкие у рожениц, турок — об одноглазых великанах дэв-карысы, якутов — об одноглазых великанах и демонах абаасы, а также алтайские, хакасские, шорские поверья о мангысах, шулмусах и чулмысах и, наконец, поверья об одноглазых (часто и одноногих) лесных духах — шурале — у горных и зауральских башкир и о ярымтыках — у западных башкир<sup>37</sup>.

В героическом эпосе и сказках монгольских народов циклопы изображаются с единственным глазом во лбу<sup>38</sup> или на макушке головы<sup>39</sup>. Последнее обстоятельство примечательно тем, что имеет аналогию в фольклоре угорских народов<sup>40</sup> и свидетельствует о несколько другом, по сравнению с тюрками, представлении об одноглазых существах у монгольских народов. В монгольском фольклоре образ циклопа с глазом во лбу заимствован, вероятно, из тюркского источника. На это, в частности, указывает почти полное отсутствие в монгольском материале сюжета об ослеплении одноглазого великана. Примечательно, что зарегистрированные два варианта этого сюжета записаны в районах, непосредственно граничащих с территорией обитания тюркоязычных народов: монгольский вариант — в северо-западной Монголии, примыкающей к Алтаю, калмыцкий — в Калмыкии, исторически теснейшим образом связанной с Казахстаном; вариант бурятского «Гэсэра», где фигурирует одноглазая баба-мангадхайка, также записан от западных бурят, генетически связанных с тюрками<sup>41</sup>. В халха-монгольской же сказке, записанной вдали от мест обитания тюрков, в восточной Монголии, у одноглазой дочери Мангата глаз не во лбу, а на макушке. Косвенным доказательством правомерности нашего предположения является и то, что в монгольской легенде сделана попытка объяснить одноглазие мангыса: Очирвани выбил ему глаз своим очиром<sup>42</sup>.

Таким образом, на основании исследований монгольского фольклора можно сделать вывод лишь о том, что повествования о существах с одним глазом во лбу заимствованы монголами у тюрков, хотя опыт историко-генетического анализа тюркского и монгольского фольклоров показывает, что отношения между ними строятся в первую очередь на общности мотивов и сюжетов этих генетически родственных ответвлений древнего тюрко-монгольского этнического субстрата. Поэтому окончательный ответ на рассматриваемый вопрос можно будет получить лишь после всестороннего и глубокого исследования фольклора монгольских народов.

В тюркском фольклоре качественная характеристика циклопов единообразна. В казахских сказках циклопы-дау — это великаны, живущие в пещерах, в безлюдной гористой местности, типичной для ландшафта

<sup>35</sup> См.: «Жайык и Едиль». — В кн.: «Казахские сказки», т. III, стр. 102—103.

<sup>36</sup> И. А. Худяков. Указ. раб., стр. 293—294.

<sup>37</sup> А. Х. Халиков. Маклашевская всадница. — «Советская археология», 1971, № 1, стр. 117.

<sup>38</sup> См. сказки: «Охотник Банди», «Бюрюн Тегес».

<sup>39</sup> См. сказку: «Сказание о Шилин-Галдуз-Баторе, Аджик-Тэнэк-Баторе и Эдзене-Богдо».

<sup>40</sup> См.: Г. Н. Потанин. Очерки северо-западной Монголии, вып. IV, стр. 706—707.

<sup>41</sup> И. М. Золотарева. Этническая антропология бурят. Этнографический сборник, вып. I. Улан-Удэ, 1960, стр. 26—27.

<sup>42</sup> См.: «Вода вечной жизни». — В кн.: Г. Н. Потанин. Казак-киргизские и алтайские предания, легенды, сказки, стр. 209.

Казахстана, и пасущие овец. Они враждебно относятся к человеку, однако, несмотря на гигантский рост и необычайную силу, простодушны и доверчивы, поэтому человек, не боящийся исполинов, может одержать над ними верх. Такими же предстают дау у каракалпаков, дөө у киргизов, дэвы у туркмен и турок; у якутов богатыри-абаасы служат силам зла, так же как и чулмусы, шулмусы, мангасы у народов Алтая и Сибири<sup>43</sup>.

Вместе с тем в тюркских поверьях и ранних мифологических верованиях одноглазые существа предстают в двух ипостасях — мужской и женской, что свидетельствует о глубокой древности таких верований, восходящих, вероятно, к эпохе матриархата. Например, казахские албасты — женщины, но повелитель их — мужчина-албасты, с ног до головы закованный в сталь, с одним огромным, как чаша для кумыса, глазом во лбу<sup>44</sup>. Повелитель царства мертвых — божество Эрлик-бий у тубакижи напоминает казахскую албасты длинными и большими грудями, которые он перекидывает через плечи<sup>45</sup>. В мужской и женской ипостасях предстают и демоны-шулмусы у алтайцев<sup>46</sup>.

На то, что образ циклопа является исконным в фольклоре и верованиях тюрков, указывает не только ясно прослеживаемая в них связь с мифологическими представлениями эпохи матриархата, но и обожествление циклопов в мифологии ряда тюркоязычных народов. Таковы, например, якутское божество с глазом во лбу, упоминаемое у Г. Н. Потанина под именем Сордых-Чонох<sup>47</sup>, и имеющий такой же внешний облик сын повелителя царства мертвых Арсаана-Дуолана — великан с телом из железа и камня и каменным желудком<sup>48</sup>.

Достаточно отчетливо прослеживается эволюция мифологических представлений древних тюрков, у которых божества-циклопы постепенно приобретали демонологический характер, что находило отражение в художественном творчестве. Так, Эрлик — повелитель царства мертвых в верованиях народов Саяно-Алтая — не одноглазый великан, а существо с необычайно длинными ресницами, опускающимися на глаза. Когда ему надо на что-либо взглянуть, он откидывает ресницы в сторону. Таким же изображен у якутов повелитель царства мертвых Арсаан-Дуолан<sup>49</sup>.

В тюркской демонологии злые сверхъестественные существа характеризуются двояко. У сарыг-югуров, например, единственный глаз демона-тейрана закрыт длинными ресницами: когда ему надо что-либо рассмотреть, он отбрасывает ресницы в сторону ногой<sup>50</sup>. Тейран — это, по-видимому, профанированное божество древнейших тюрков, о чем свидетельствует его название (ср. др.-тюрк. teŋri, казах. täŋri, täjri 'бог'). В демонологии же казахов, киргизов, каракалпаков, узбеков, туркмен, турок, уйгуров албасты это существо с единственным глазом во лбу, хотя порою больше акцентируется другой признак: наличие огромных грудей. Албасты прочно сохраняет мужскую ипостась великана-циклопа то-

<sup>43</sup> И. В. Пухов. Указ. раб., стр. 136—140; Н. К. Дмитриев. Турецкие сказки. — В сб.: «Турецкие народные сказки». М., 1967, стр. 11; М. Афзалов. Послесловие к сб. «Гулпари. Наманган эртаклари». Ташкент, 1969, стр. 269.

<sup>44</sup> Ч. Ч. Валиханов. Тенгри (Бог). — «Собрание сочинений» в 5-ти томах, т. I, стр. 119—120.

<sup>45</sup> См.: «Хан-Кюлер, имеющий коня Кара-Кюрена». — В кн.: Н. А. Баскаков. Диалект черневых татар (туба-кижи), I. М., 1965, стр. 108—109.

<sup>46</sup> См.: «Малчи-Мерген», стр. 222.

<sup>47</sup> Г. Н. Потанин. Очерки северо-западной Монголии, вып. IV, стр. 705.

<sup>48</sup> См.: «Эр-Соготох». — В кн.: «Якутский фольклор». М., 1936, стр. 51—57.

<sup>49</sup> Там же, стр. 51.

<sup>50</sup> С. Е. Малов. Язык желтых уйгуров. Тексты и переводы. М., 1967, стр. 35—36.

лько в заклинаниях казахских шаманов-баксы<sup>51</sup>, но это уже область не демонологии, а шаманских верований. Впрочем, в облике циклопа предстает в демонологии алтайцев и кривой чулмыс, которого, как свидетельствует Г. Н. Потанин, именуют «яныс костью» ('одноглазый') или «яныс тысту» ('однозубый')<sup>52</sup>.

В тюркском фольклоре циклопы выступают только как великаны, враждебные по отношению ко всему живому, обитающие в неприступных горах или в царстве мрака. Сцена появления в повествовании казахских дау, киргизских дөө, каракалпакских, узбекских, туркменских, турецких дэвов, азербайджанских дивов в сказках, якутских абаасы в олонгхо, одноглазого богатыря Эрлика в алтайском героическом эпосе сопровождается наступлением мрака, ураганным ветром, бурей на море, землетрясением<sup>53</sup>, что соответствует их первоначальному амплуа — повелителей царства мертвых. Потому-то и содрогается земля, что из недр ее появляется владыка подземного царства. В тюркском героическом эпосе циклопы обычно являются слугами Эрлика, но приведенные выше примеры показывают, что произошло своеобразное раздвоение образа божества-циклопа на образы одноглазого повелителя царства мертвых и одноглазых же его слуг или сыновей.

С другой стороны, образ божества подземного царства вобрал в себя некоторые черты мифологической женщины-прародительницы. Особенно яркое проявление нашло это в образе владыки мира мертвых Эрлика в фольклоре туба-кижи, который, будучи мужчиной, наделен огромными грудями. Смешение черт внешнего облика прародительницы-божества эпохи матриархата и образа повелителя царства мертвых перешло и в демонологию, особенно — в казахскую и алтайскую. В героическом эпосе великаны-циклопы предстают только в мужском облике, но связь их с повелителем царства мертвых не только не утрачивается, но большей частью подчеркивается: это богатыри или слуги Эрлика, сын властителя подземного мира Арсаан-Дуолан. Таким образом, многочисленные образы одноглазых существ в мифологии, шаманских заклинаниях, демонологии, поверьях и художественном творчестве тюркоязычных народов восходят к единому общетюркскому образу мифологического божества подземного царства мертвых.

В свете изложенного примечательным является тот факт, что в сказках и быличках казахов и в киргизской сказке, повествующих об ослеплении циклопа и напоемающих по сюжету «Одиссею», герой, ослепляющий циклопа и убегающий из пещеры в шкуре барана, носит имя Жайык. Согласно мифологии туба-кижи Жайык (Йайык) является сыном верховного светлого божества Ульгения<sup>54</sup>, алтайцы называют Джайка сыном верховного божества<sup>55</sup>, в частности, у телесов Кан-Джайк фигурирует как сын божества (Kudajdyŋ oly)<sup>56</sup>, а у телеутов Яяче, Джаячи, то есть Творец земли и мира<sup>57</sup>. Творцом называют Янка и южные алтайцы<sup>58</sup>. Таким образом, сюжет тюркских сказок, быличек и

<sup>51</sup> Ч. Ч. Валиханов. Тенкри (Бог), стр. 119—120.

<sup>52</sup> Г. Н. Потанин. Очерки северо-западной Монголии, вып. IV, стр. 130.

<sup>53</sup> См.: «Малчи-Мерген», стр. 80; Ш. А. Сакали. Туркменский сказочный эпос. Ашхабад, 1956, стр. 63; И. В. Лухов. Указ. раб., стр. 140—141.

<sup>54</sup> Н. А. Баскаков. Указ. раб., стр. 22.

<sup>55</sup> Г. Н. Потанин. Казак-киргизские и алтайские предания, легенды, сказки, стр. 233.

<sup>56</sup> Там же, стр. 233—234.

<sup>57</sup> Там же, стр. 69.

<sup>58</sup> Л. П. Потапов. Материалы по этнографии тувинцев районов Монгун-Тайги и Кара-Холя. — В кн.: «Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции», I. Материалы по археологии и этнографии Западной Тувы. М.—Л., 1960, стр. 221.

героических сказаний об ослеплении человеком циклопа генетически восходит к дуалистической мифологии древних тюрков, основным мотивом которой является борьба между добрым божеством неба и злым божеством подземного царства мертвых.

Тюркские варианты сказания об ослеплении циклопа очень близки к легенде, изложенной в «Одиссее». Еще раз вспомнить об этом заставляет замечание древнегреческого автора VII в. до н. э. Аристия Проконесского о племени «грифов, стерегущих золото», которых современные историки локализируют в Горном Алтае: «Эти люди живут вверху, в соседстве с Бореєм, многочисленные и очень доблестные воины, богатые конями и стадами овец и быков. Каждый из них имеет один глаз на... челе; они носят косматые волосы и являются самыми могучими из всех мужей»<sup>59</sup>. Сочинение Аристия дошло до нас не в полном виде. Геродот, пользовавшийся другим списком этого сочинения, излагает сообщение Аристия более определенно: «Таким образом, этот народ (аргиппей. — *Е. Т.*) известен еще, а выше него, по рассказам исседонов, живут одноглазые люди и стерегущие золото грифы. Со слов исседонов повторяют это скифы, а от скифов знаем и мы»<sup>60</sup> (разрядка наша. — *Е. Т.*).

Исседонов, упоминаемых в цитате, историки локализируют в Центральном Казахстане<sup>61</sup>. При этом указывается, что племена, жившие в северной части расселения сакских племен (в данном случае исседоны, объединенные с другими племенами под собирательным названием «саки»), были, по крайней мере в VI—IV вв. до н. э., тюркоязычными<sup>62</sup>.

В этой связи интересен следующий факт. У тувинцев, живущих на территории, где в свое время, по преданию, обитали «грифы, стерегущие золото», до недавнего времени сохранялся обычай, несомненно отражавший тотемическое почитание грифов. Когда человек умер, его тело относили далеко в степь и оставляли там. На сорок девятый день приглашали шамана и ехали к месту, где был оставлен покойник. Если при осмотре обнаруживали на теле умершего следы, оставленные грифом, то это считалось хорошим признаком, а место захоронения — чистым; если же таких следов обнаружить не удавалось, то это считалось плохим признаком<sup>63</sup>. Открытое захоронение свидетельствует о глубокой древности этого обычая, позволяющего считать тувинцев потомками «грифов, стерегущих золото».

Примечательна еще одна немаловажная деталь: по-тувински «гриф» звучит как «тас»<sup>64</sup>. Это название объясняет этимологию алтайского божества Таз-каан, считающейся матерью верховного светлого божества Ульгения, и, с другой стороны, свидетельствует о большей древности культа грифа-тас, нежели божества Ульгения: недаром по алтайским поверьям Таз-каан живет на одно небо выше Ульгения<sup>65</sup>. Это позволяет предположить, что «грифы, стерегущие золото» участвовали и в этногенезе алтайцев. Потомки этого древнего народа вошли в состав ряда современных тюркоязычных народов: таковы, в частности, тастар у туба-кижи<sup>66</sup>,

<sup>59</sup> *Аристий Проконесский*. Аримаспея. Фр. 2—4. Пер. В. В. Латышева. — «Вестник древней истории», 1947, № 1.

<sup>60</sup> *Геродот*. История. Пер. Ф. Г. Мищенко. Т. IV. М., 1888, стр. 27.

<sup>61</sup> *К. А. Акишев, Г. А. Кушаев*. Древняя культура саков и усуней долины реки Или. Алма-Ата, 1963, стр. 16; *С. И. Руденко*. Древнейшие в мире художественные ковры и ткани. М., 1968, стр. 13.

<sup>62</sup> «Казак ССР тарихы», I т. Алматы, 1957, стр. 45.

<sup>63</sup> *Л. П. Потапов*. Очерки народного быта тувинцев. М., 1969, стр. 381.

<sup>64</sup> *Там же*.

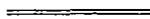
<sup>65</sup> *Г. Н. Потанин*. Казак-киргизские и алтайские предания, легенды, сказки, стр. 69.

<sup>66</sup> *Там же*, стр. 938.

сеок тастар у современных алтайцев<sup>67</sup>, племя тас у кочевых узбеков<sup>68</sup>, поколение таз у племени аргын, ак-таз у племени найман и род таз Младшего жуза у казахов<sup>69</sup>, таздар и таздар-кыргыз у киргизского<sup>70</sup> племени сарыбагыш и племя тазлар у башкир<sup>71</sup>. Существование потомков древнего народа, относившегося к тотемической группе грифа, в составе только лишь тюркоязычных народов, также свидетельствует о том, что племя «грифов, стерегущих золото» было тюркским.

В таком случае сообщение Аристея, повторенное Геродотом, о народе одноглазых пастухов, о которых греки узнали от скифов, а те — из рассказов исседонов, приобретает для нас особый смысл: ведь для фольклора (мифологии) тюрков-исседонов и тюрков — «грифов, стерегущих золото» был характерен сюжет об ослеплении добрым светлым божеством великана-циклопа, повелителя царства мертвых, необычайно близкий к сюжету, вошедшему в «Одиссею» Гомера.

Окончательное решение вопроса об отношении тюркских сказаний о циклопах к «Одиссее» может быть найдено лишь в результате комплексных изысканий в этой области и при условии неперемного обследования фольклора монгольских народов. Не исключено, что дальнейшие исследования вскроют тюрко-монгольскую основу сказаний европейских скифов о циклопах, получивших отражение в нартском эпосе народов Кавказа, позволив тем самым проследить путь, по которому тюрко-монгольские сказания о циклопах могли проникнуть в Малую Азию — родину «Одиссеи».



<sup>67</sup> Л. П. Потанов. Этнический состав и происхождение алтайцев. Историко-этнографический очерк. Л., 1969, стр. 24.

<sup>68</sup> Ф. Гельвальд. Естественная история племен и народов, т. 2. СПб., 1885, стр. 754.

<sup>69</sup> Г. Н. Потанин. Указ. раб., стр. 16; В. В. Востров, М. С. Муканов. Родоплеменной состав и расселение казахов (конец XIX — начало XX века). Алма-Ата, 1968, стр. 189—232.

<sup>70</sup> Ч. Ч. Валиханов. Родоподразделение киргизских племен. — «Собрание сочинений» в 5-ти томах, т. I, стр. 545, 548, 549.

<sup>71</sup> Р. Г. Кузеев. Родоплеменной состав башкир в XVIII веке. — В сб.: «Вопросы башкирской филологии». М., 1959, стр. 83.

## ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

К. М. ЛЮБИМОВ

### ПЕРВОЕ ЛИЦО ТУРЕЦКОГО ГРАММАТИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ НА -ТУŞ

Широко употребительная в современном турецком языке форма на -туş многозначна, и лингвисты-тюркологи, характеризуя ее, высказывают различные, зачастую противоположные суждения<sup>1</sup>.

Эта форма может употребляться в качестве причастия прошедшего времени и участвовать в образовании нескольких синтетических и аналитических времен, передающих действия и состояния лица или предмета. без оттенка сомнения, может также употребляться вместе со многими грамматическими временами, указывая на то, что сказанное сообщается со слов другого лица и говорящий не уверен в точности сообщения. Этот аффикс содержит многие прилагательные, указывающие на приобретенное предметом качество, и некоторые существительные.

В данной статье будет рассмотрено лишь первое лицо грамматического времени на -туş (*yazmışım*).

Эта конкретная форма употребляется, как было сказано выше, в тех случаях, когда субъект говорит о действиях, ставших известными ему со слов других лиц, и он лично не уверен в точности сообщаемого или даже сомневается в этом.

Говорящий может употребить эту же форму и для передачи действий, в совершении которых он несколько не сомневается. При этом он ни на кого не ссылается, поскольку сообщает о действиях, совершенных им самим, и в которых он отдает себе полный отчет, или же о действиях, происшедших в прошлом и оставивших на теле, в душе или в воспоминаниях говорящего отчетливый след.

Приведем примеры, показывающие, что говорящий в совершении сообщаемых им действий не сомневается:

1) *Mektup değil, âdetâ kitap yazmışım!* (V, 188) 'Я написал (букв. я есть написавший) не письмо, а почти книгу';

2) *Eyvah, geç kalmışım, diye mırıldandı* (XII, 85) 'Ой, опоздал (букв. я есть опоздавший), — пробормотал он';

3) *Mansur yere çökerken: «Oh, yorulmuşum!» dedi* (XI, 61) 'Мансур, садясь на землю, сказал: «Ох, как я устал (букв. я есть уставший)!»'.

Заметим, что в переводы двух первых примеров можно добавить слово «оказывается», которое, не будучи обязательным, не изменяет основного значения турецкого предложения, а лишь привносит оттенок удивления, радости или досады по поводу совершившегося действия. В третье предложение слово «оказывается» ввести нельзя.

<sup>1</sup> См.: К. М. Любимов. Семь значений турецкой словоформы *yazmış*. — «Советская тюркология», 1971, № 6, стр. 50—55.

Теперь остановимся на примерах, в которых говорящий употребляет рассматриваемую форму для передачи действий, известных ему со слов других лиц и в точности совершения которых он не уверен:

1) *1915'de Çanakkale Savaşı'nın en zorlu günlerinde İstanbul'da doğmuşum* (Aziz Nesin, XIII) 'Я родился в 1915-м в Стамбуле в самые тяжелые дни битвы под Чанаккале';

2) *Yatağa yatar yatmaz uyumuşum* (XVI, 8) 'Как только я лег в постель, я сразу уснул';

3) *Tam bir ay kendimi bilmeden yatmışım* (XV, 233) 'Говорят, я пролежала целый месяц, не приходя в себя'.

Заметим здесь, что в переводах этих примеров можно употребить слово «оказывается», не изменяющее значения турецкого предложения и не являющееся обязательным, но привносящее оттенок удивления, радости или досады. Следовательно, слово «оказывается» в русских переводах с турецкого может употребляться в предложениях, грамматически различных.

Положение о том, что грамматическое время на -muş способно передавать действия как с оттенком сомнения и неуверенности, так и без каких-либо сомнений, признается всеми советскими туркологами. Следует заметить, что П. И. Кузнецов в своей статье «Личные аффиксы в турецком языке»<sup>2</sup> уделил большое внимание вопросу разграничения двух разных значений рассматриваемой формы. Однако убедительного объяснения того, почему одна и та же форма имеет в различных ситуациях различное смысловое значение, пока еще не дано.

Наличие двух разных значений данной формы можно объяснить тем, что она заключает в себе фактически две самостоятельные омонимичные формы.

1. В первом случае интересующая нас форма представляет собой первое лицо грамматического времени, образующееся при спряжении причастия прошедшего времени на -muş в настоящем времени. Известно, что причастие прошедшего времени на -muş не содержит в себе элементов сомнения и неуверенности в совершившемся действии. Оно может принимать аффиксы сказуемости и, таким образом, спрягаться по лицам, образуя грамматическое прошедшее время, также не содержащее в себе оттенков сомнения и неуверенности в передаче фактов, имевших место в прошлом. Например, *yazmışım* 'я есть написавший', 'я уже написал'; *gelmişim* 'я есть пришедший', 'я — здесь'.

Такое время следует назвать «настоящим результативным», поскольку оно передает не само действие (акт), а результат его, иначе говоря, состояние лица в настоящем после совершившегося ранее действия. При этом состояние говорящего может фиксироваться как без каких-либо эмоций, так и с оттенками удивления (при внезапном обнаружении), радости или досады. Это время входит в состав изъявительного наклонения, третье лицо которого употребляется, как правило, с аффиксом сказуемости -tur, например: *yazmıştır* 'он написал', *gelmiştir* 'он пришел'. При этом упомянутый аффикс может опускаться, особенно в разговорной речи, но ситуация или контекст всегда раскрывают действительное значение формы на -muş.

2. Во втором случае данная форма представляет собой первое лицо сомнительно-предположительной или субъективной модальности, образованной от прошедшего времени на -du путем замены аффикса -du аффиксом -muş. В результате образовалась совершенно другая форма, лишь внешне напоминающая первую. Формы этой модальности выража-

<sup>2</sup> П. И. Кузнецов. Личные аффиксы в турецком языке. — «Труды Военного института иностранных языков», № 5. М., 1954, стр. 57—72.

ют сомнительное предположение или неуверенность говорящего в точности сообщаемого и переводятся словами «говорят», «рассказывают», «кажется», «вероятно», например: *yazmışım* 'говорят, я писал/написал'; *gelmişim* 'говорят, я приходил/пришел'.

Эта форма, как и форма на *-du*, выражает действие лица, сам акт: «я написал», «я приходил», но говорящий, употребляя ее, не берет на себя ответственности за правильность и точность сообщения, либо подвергает его сомнению.

Как известно, при помощи аффикса *-muş* образуется сомнительно-предположительная модальность (другое название — субъективная модальность) от грамматических времен изъявительного и других наклонений турецкого языка. Эта модальность образуется либо путем прибавления аффикса *-muş* к глагольным формам, либо путем замены аффиксов *-dug* и *-du*, например: *yazıyor* 'он пишет', *yazıyormuş* 'говорят, он пишет', *yazıyordu* 'он писал', *yazıyormuş* 'говорят, он писал', *yazacaktır* 'он намеревается писать', *yazacaktı* 'говорят, он намеревается писать', *yazacaktı* 'он намеревался писать', *yazacaktı* 'говорят, он намеревался писать' и т. д.

Если следовать этому правилу, то надо будет признать, что сомнительно-предположительная модальность от прошедшего времени на *-du*: *yazdı* 'он написал' примет вид *yazmış* 'он, говорят (кажется), написал'. Таким образом, форма первого лица этой модальности (*yazmışım* 'говорят, я написал') графически совпадает с формой первого лица настоящего результативного времени (*yazmışım* 'я есть написавший' или 'я уже написал'), и значения их могут быть выявлены только в контексте или в описываемой ситуации.

Третье лицо этой модальности употребляется без аффикса *-tug*: *yazmış* 'он, говорят, написал', *gelmiş* 'он, говорят, пришел'.

Таковы, по нашему мнению, значения первого лица глагольного времени на *-muş*<sup>3</sup>.

Исходя из вышесказанного, трудно согласиться с точкой зрения исследователей, утверждающих, что форма первого лица имеет только субъективное или только объективное значение. А. Н. Кононов пишет, например, что временная форма на *-muş* (прошедшее-субъективное или прошедшее-неочевидное время) употребляется тогда, когда «...говорящий не был свидетелем совершения действия или оно проходило без сознательного участия говорящего и он знает и судит о нем: а) со слов другого лица, других лиц („говорят, он приехал”); б) на основании умозаключения, выведенного из сопоставления фактов, которые были известны раньше или стали известны позже совершения действия, или же сопоставления тех и других („оказывается, он приехал”); в) предположительно, выражая сомнение или неуверенность в совершении действия („кажется, он приехал”); г) пренебрежительно, выражая ироническое отношение к совершившемуся действию („вот, подумаешь, приехал”))»<sup>4</sup>. Первое лицо этого времени А. Н. Кононов переводит так: «*yaz-mış-ım* 'я (говорят, кажется, видимо, оказывается и т. п.) (на) писал'»<sup>5</sup>.

С. К. Церуниан пишет об этом иначе: «...форма *almışım*... может иметь значение „кажется, как будто, говорят, что...” и т. д. только в том

<sup>3</sup> П. И. Кузнецов объясняет значение «результативности» («он пришел — он здесь») как логическое следствие «субъективности» («он, говорят, пришел»). См.: П. И. Кузнецов. Указ. раб., стр. 65. Нам представляется, что процесс был обратным.

<sup>4</sup> А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.—Л., 1956, стр. 232.

<sup>5</sup> Там же.

случае, когда эти оттенки выражены особыми словами: *meğer, gibi, güya, sanki* (например, *gelmişim gibi* 'кажется, я пришел'); сама же форма такого оттенка в значении не заключает»<sup>6</sup>.

Рассмотрим эти два разнящихся значения на сопоставительных примерах.

1) Предложение *ben ihtiyarlamışım* 'я есть состарившийся' по своему значению равно предложению *ben ihtiyarım* 'я есть старый'. В этом предложении речь идет о состоянии говорящего в данный момент, сомнения и неуверенность здесь не выражаются.

2) Предложение *ben ihtiyarlamışım* 'я, говорят, состарился' по значению равно предложению *ben ihtiyarladım* 'я состарился'. Здесь речь идет о действии говорящего с оттенком сомнения, поскольку субъект действия ссылается на других лиц<sup>7</sup>.

Таким образом, в турецком языке существуют две омонимичные формы. Одна — имеет объективное значение и передает реальное состояние субъекта; она входит в состав изъявительного наклонения. Другая — имеет субъективное значение и передает нереальное действие субъекта; она относится к сомнительно-предположительной или субъективной модальности. Именно эта двоякая функция формы на -туш и является причиной противоречивых толкований ее. Уместно вспомнить слова Н. К. Дмитриева, который писал, что объяснения этой формы, данные в работах русских и иностранных тюркологов, «до того запутали предмет», что разобраться в этом вопросе стало очень трудно<sup>8</sup>.

Существует мнение, что первое лицо единственного числа турецкого грамматического времени на -туш (*yazmışım*) выражает действие, совершаемое субъектом без участия сознания. Действующее лицо не помнит самого действия, но видит или воспринимает его результат. Например, *elimî yakmışım* 'я не знаю, как это случилось, но я обжег себе руку' или 'оказывается, я обжег себе руку, но не помню, как это произошло'.

Вот что пишет по этому поводу автор учебника турецкого языка Ш. С. Айляров: «Говорящее лицо употребляет это время и тогда, когда действие совершено им без участия сознания... Я не нахожу в портфеле нужную мне бумажку и говорю: *Kâğıdı evde unutmüşüm* 'Оказывается, я забыл бумагу дома'. Результат поиска — отсутствие бумаги — привел меня к этой догадке»<sup>9</sup>.

Н. К. Дмитриев отмечает, что подобное мнение об аналогичной форме существует и в башкирском языке<sup>10</sup>.

Такая трактовка значения этой формы, естественно, вызывает определенные сомнения: правомерно ли говорить о существовании специальной формы на случай отключения или потери сознания?

Интересны высказывания по этому вопросу Н. К. Дмитриева. Он считал, что рассматриваемая форма не содержит указанного выше значения<sup>11</sup>. Но правильные рассуждения он не довел до логического конца.

Форма первого лица разбираемого Н. К. Дмитриевым грамматического времени выражает не действие субъекта в прошлом, а состояние

<sup>6</sup> С. К. Церуниан. Курс османских разговоров. М., 1924, стр. 175.

<sup>7</sup> Подробнее о передаче турецкими глагольными формами действий и состояний см.: К. М. Любимов. Система грамматических времен в современном турецком языке. — «Советская тюркология», 1970, № 2, стр. 44—63.

<sup>8</sup> Н. К. Дмитриев. К вопросу о значении османской глагольной формы на -мыш. — В кн.: «Строй тюркских языков». М., 1962, стр. 181.

<sup>9</sup> Ш. С. Айляров. Учебник турецкого языка. М., 1954, стр. 140.

<sup>10</sup> Н. К. Дмитриев. Грамматика башкирского языка. М.—Л., 1948, стр. 157.

<sup>11</sup> Там же, стр. 157—158.

субъекта в настоящем как результат совершившегося ранее действия: **я пришел — я есть пришедший — я здесь; я поел — я есть поевший — я сыт.** Эта форма указывает не на то, что я сделал, а на то, каков я **есть теперь.** Главным определяющим элементом, как справедливо заметил Н. К. Дмитриев, здесь является аффикс сказуемости настоящего времени. Поэтому и называть это время следует настоящим-результативным в отличие от прошедшего-результативного на *-muşum*: *gelmişim* 'я приходил — я был пришедшим — я был здесь тогда'.

Мы вполне солидарны с мнением Н. К. Дмитриева и считаем, что первое лицо рассматриваемого грамматического времени не имеет следующего значения: говорящий не помнит само совершившееся действие и говорит о нем, исходя из последствий или результатов этого действия. В подобном случае, как правило, выступает форма настоящего-результативного времени, передающая состояние говорящего. Когда субъект говорит *ben elimi yakmışım* 'я есть обжегший руку', он фиксирует внимание только на обожженной руке, на своем состоянии, и ничего не сообщает о том, как произошло это действие, и был ли он при этом в сознании.

Приведем еще ряд примеров употребления первого лица настоящего-результативного времени, выражающего состояние субъекта в настоящем, без каких-либо оттенков сомнения и без ссылки на других лиц:

1) *Yusufun zindanda olduğunu unutmuşım* (VIII, 348) 'Я забыл (букв. я есть забывший), что Юсуф находится в тюрьме';

2) «*Yahu, bu ne hal? Burnun kıpkırmızı*»... «*Soğuk almışım*» (XIV, 293) 'Что с тобой? Нос у тебя красный... Простудился (букв. я есть простудившийся)';

3) *Beni affet Ahmet, yanılmışım* (V, 79) 'Извини меня, Ахмед. Я ошибся (букв. я есть ошибившийся)';

4) *Bugün birşey yememişim, karnım zil gibi ötüyör* (XVII, 45) 'Я сегодня еще ничего не ел (букв. я есть не поевший), в животе у меня словно звонок звенит';

5) *Arkadaşımı görmek istiyorum, çoktan onu görmemişim* (XII, 45) 'Я хочу повидать моего товарища, я давно его не видел (букв. я есть не видевший его давно)'.

Приведем еще два примера на второе лицо:

1) *Biraz zayıflamışsın yavrım* (I, 146) 'Ты немного похудела (ты есть немного похудевшая), дочь моя';

2) «*Ne münasebet? Sakal bırakmışsın*» (I, 5) 'Что это за штучки? Ты отпустил бороду (=ты есть отпустивший бороду)'.

В приведенных примерах ясно выражено состояние лица в настоящем после ранее совершившегося действия. Эти примеры можно представить в таком виде: *ben bir kitap yazmışım* = *ben bir kitap yazmış adamım* 'я написал книгу = я есть человек, написавший книгу'. Это подтверждается литературными примерами:

1) *Ben ise cemiyetin içinde kaybolmuş bir adamım* (XII, 105) 'Что касается меня, то я затерялся в обществе (букв. я есть человек, затерявшийся в обществе)';

2) *Sen çok bilmiş adamsın* (XI, 141) 'Ты много знаешь (букв. ты есть человек, много узнавший)'.

Остановимся также на примерах употребления первого лица множественного числа настоящего-результативного времени:

1) *Biz de iyice uyuktuza almışız* (III, 74) 'А мы прекрасно выспались (букв. мы прекрасно выспавшиеся есть)';

2) *Biz, senin gibileri çok görmüşüz* (VI, 177) 'Видали мы (букв. мы есть выдавшие) таких, как ты';

3) *Biz, nice nice problemler çözmüşüz* (VI, 338) 'Мы столько разрешили проблем (букв. мы есть разрешившие многие проблемы)'.  
 Аффикс -*duğ*, добавленный к форме первого лица, уточняет принадлежность этой формы к настоящему-результативному времени и полностью исключает возможность отнесения ее к сомнительно-предположительной модальности, например:

1) *Ben bu nasihati, hatırladığıma göre 1950'de Demokrat Partiye, 1960'da Milli Birlik Hükûmetine, 1965'da AP iktidarına vermişimdir* (XIII) 'Я этот совет, как мне помнится, в 1950 году дал (букв. есть давший) Демократической партии, в 1960 году — правительству национального единства, в 1965 — руководству партии справедливости';

2) *Ben, her halde onu görmüşümdür* (VII, 92) 'Я, по всей вероятности, его видел (букв. есть видевший)';

3) *Eğer ben tayyareler görülünceye kadar meydana çıkmazsam biliniz ki aksi bir vaziyette karşılaşmışımdır* (V, 94) 'Если я не появлюсь до прилета самолетов, знайте, что я попал (букв. я есть попавший) в трудное положение';

4) *Biz bunların birçoklarına şahit olmuşuzdur* (XIII) 'Мы являемся (букв. есть явившиеся) свидетелями подобных разговоров'.

Форма *yazmış bulunuyorum* по значению адекватна форме *yazmışım* в значении настоящего-результативного времени, а форма *yazmış bulunuyoruz* аналогична форме *yazmışız* в значении того же времени, например:

1) *...toplumun konuyu bir din meselesi olarak kabul ettiğini anlamış bulunuyorum* (XIII) 'Я понял (букв. я нахожусь/являюсь понявшим), что общество восприняло этот вопрос как проблему религии';

2) *İşte arkadaşlar şimdi vaziyeti öğrenmiş bulunuyoruz* (V, 48) 'Итак, товарищи, теперь мы изучили (букв. находимся/являемся изучившими) обстановку'.

Следует заметить, что форма *-mişim* 'я есть...' в определенном контексте или в определенной ситуации может иметь значение *-miştim* 'я был...', если повествование идет о прошлом и говорящий употребляет в конечных глаголах формы прошедших времен, например:

1) *...birkaç liram vardı, iyice çektim kafayı. İçkiye de alışık değilim o zaman, sarhoş olmuşum* (IV, 228) 'У меня было несколько лир, я крепко заложил. А поскольку я в то время совсем не пил, я сильно опьянел (тогда)';

2) *Bir tarihte beni bir kamyon çığnemişti. Ben kendimi kaybetmişim* (II, 20) 'Однажды меня задавил грузовик. Я потерял сознание'.

Ниже приводится еще ряд примеров на модальное значение этой формы, указывающей на отсутствие у говорящего уверенности в точности сообщаемого: он говорит со слов других лиц. Во всех примерах действие выражено в прошлом.

1) *Demek biz, otomobilin içinin ne kadar âleti varsa çıkarmış, yerine elimize geçen her âleti tıktırmışız* (II, 23) 'Выходит, что мы вытащили из мотора этого автомобиля все части и насовали туда все, что нам попало под руку';

2) «*Hakaret ettin mi, etmedin mi?*» «*Bilmem, etmişim demek*» (II, 65) 'Ты оскорбил или не оскорбил?' Не знаю, выходит, что оскорбил';

3) *...rakıyı fazla kaçırmışım. Bende kalkacak hâl yok(tu). Beni zorla kaldırdılar* (II, 40) 'Я, должно быть, многовато хлебнул водки. Не мог встать на ноги. Меня силой подняли';

4) ...*kendimi (denize) fırlatıyorum... Ya birinin karnına, ya birinin sırtına balıklama düşmüşüm* (II, 44) 'Я бросаюсь (в море)... и падаю, как рыба, не то кому-то на живот, не то кому-то на спину'.

Среди грамматических времен изъявительного наклонения турецкого языка имеется так называемое прошедшее-субъективное время на -muş, выражающее действия, о которых говорящий либо знает со слов других, либо не уверен в их достоверности. Отнесение этого грамматического времени к изъявительному наклонению представляется нам неоправданным, так как оно выражает не реально происходившее объективное действие, а действие, внушающее сомнение, за точность которого говорящий не желает ручаться. Следовательно, прошедшее время на -muş, сообщаемое говорящим с чужих слов, следует исключить из состава изъявительного наклонения и перенести в раздел субъективной, а точнее сомнительно-предположительной модальности.

Несколько слов о личных окончаниях в модальных формах. Как было показано выше, формы сомнительно-предположительной модальности образуются в турецком языке от грамматических времен изъявительного и других наклонений, либо прибавлением аффикса -muş к глагольным формам, либо путем замены аффиксов -dur и -du. Модальные формы в третьем лице очевидны и не вызывают разногласий: *yazıyormuş* 'говорят, он пишет/писал', *yazarmış* 'говорят, он может/мог писать', *yazacaktırmış* 'говорят, он намеревается/намеревался писать', *yazmalıymış* 'говорят, он должен/должен был писать', *yazmış* 'говорят, он написал'.

Однако как можно объяснить присутствие аффиксов сказуемости первого и второго лица, указывающих в формах изъявительного наклонения не только на то, что последняя является сказуемым, но также на лицо и на настоящее время «я есмь», «ты еси» и т. д.? Приведем несколько модальных форм в первом лице: *yazıyormuşum* 'говорят, я пишу/писал', *yazarmışım* 'говорят, я могу/мог писать', *yazacaktırmışım* 'говорят, я намереваюсь/намеревался писать', *yazmalıymışım* 'говорят, я должен/должен был писать', *yazmışım* 'говорят, я написал'.

Как видно из примеров, функция аффиксов сказуемости в модальных формах отличается от форм изъявительного наклонения. Эти аффиксы не выражают настоящего времени, а указывают лишь на лицо, и поэтому могут быть названы личными окончаниями. Таким образом, противоречие в трактовках личных аффиксов, о котором пишет П. И. Кузнецов<sup>12</sup>, снимается. Подобные явления, когда те или иные аффиксы используются в различных функциях с разными значениями, наблюдаются во всех языках.

По вопросу происхождения и функций аффиксов сказуемости можно сказать следующее. Первоначально это были личные аффиксы, не содержащие в себе временного значения, но в дальнейшем, претерпев определенные изменения, они стали в современном турецком языке не только показателем лица, но и показателем сказуемости и настоящего времени. Противостоя аффиксам сказуемости прошедшего времени, они образуют вместе с последними категорию сказуемости и стройную систему грамматических времен в турецком языке.

#### СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- I. *Aka Gündüz. Onların romanı. İstanbul, 1933.*
- II. *Aziz Nesin. Ölmüş eşek. İkinci baskı. İstanbul, 1958.*

<sup>12</sup> См.: П. И. Кузнецов. Указ. раб., стр. 64.

- III. *Aziz Nesin*. Amatör ruhlu bir polis. Bak: «Ölmüş eşek. İkinci baskı. İstanbul, 1958».
- IV. *Aziz Nesin*. Tatlı Betüş. Roman. İstanbul, 1974.
- V. *Esat Mahmut Karakurt*. Dağları bekliyen kız. İstanbul, 1937.
- VI. *Haydar Edisün*. Yeni Türk Dilbilgisi. İstanbul, 1963.
- VII. *Kemal Demiray*. Temel Dilbilgisi. İstanbul, 1958.
- VIII. *Mecdut Mansuroğlu*. Türkçede -miş ekinin fonksionları. — «60. doğum yılı münasebetiyle Fuad Köprülü armaganı». İstanbul, 1953.
- IX. *Muhittin Yılmaz Gücüneli*. Kolye. — «Yeni hikâyeler». Varlık yayınları. Sayı: 540. İstanbul, 1957.
- X. *Muzaffer Hacıhasanoğlu*. Çiçekler. — «Yeni hikâyeler». Varlık yayınları. Sayı: 540. İstanbul, 1957.
- XI. *Rağıp Şevki Yeşim*. Dünyayı güldüren adam. Nasreddin Hoca hayatının romanı. İstanbul, 1956.
- XII. *Yakup Kadri*. «Ankara». Roman. Ankara, 1934.
- XIII. Турецкие газеты.
- XIV. *Ф. П. Гайдаров*. Учебник турецкого языка, 2-я часть. Баку, 1944.
- XV. *А. Н. Кононов*. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.—Л., 1956.
- XVI. *А. Н. Кононов*. О некоторых типах бессоюзного сложноподчиненного предложения в турецком языке. — «Советская тюркология», 1971, № 4.
- XVII. *А. Н. Кононов*. Турецкая глагольная форма на -мыш. — «Ученые записки ЛГУ, № 20. Серия филологических наук», вып. I. Л., 1939.
-

## ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ТЮРКОЛОГИИ

И. АБДУЛЛИН, М. ЗАКИЕВ

### КАЮМ НАСЫРИ — ОСНОВОПОЛОЖНИК ТАТАРСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

(К 150-летию со дня рождения)



Исполнилось 150 лет со дня рождения выдающегося татарского просветителя, ученого и педагога Каюма Насыри (1825—1902). Его жизнь и многогранная научно-педагогическая и литературная деятельность проходили в сложный исторический период, когда под влиянием новых общественно-политических веяний, вызванных проникновением капиталистических отношений во все сферы жизни народов России, формировалось демократическое просветительское движение.

Каюм Насыри родился 14 (2) февраля 1825 г. в деревне Верхние Ширданы Свияжского уезда Казанской губернии. Он получил солидную по тому времени филологическую подготовку в казанском медресе, впоследствии широко известном под названием «медресаи Мухаммадия», самостоятельно изучил русский язык. Образование, продол-

женное им позднее в Казанском университете, способствовало обогащению и совершенствованию его знаний и оказало большое влияние на формирование мировоззрения юноши.

По окончании медресе К. Насыри стал преподавать татарский язык в Казанском духовном училище и духовной семинарии (1855—1871), а потом отдавал много сил и энергии открытой им русско-татарской начальной школе (1871—1876). В 1885 г. он был избран действительным членом Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Все эти годы К. Насыри активно общался с крупными русскими востоковедами (И. Готвальдом, Г. Саблуковым, В. Радловым, Н. Ф. Катановым и др.), оказавшими благотворное влияние на направление его научно-просветительской деятельности и формирование его как ученого. Обладая поистине энциклопедическими познаниями, К. Насыри в условиях господства в духовной жизни народа мусульманской схоластики и засилия клерикально-теологической литературы одним из

первых, так же как и М. Ф. Ахундов в Азербайджане, И. Алтынсарин и А. Кунанбаев в Казахстане, приступает к популяризации в народе естественно-научных и общественно-политических знаний. За более чем сорокалетнюю творческую деятельность неутомимый просветитель издал свыше шестидесяти оригинальных и переводных произведений и учебников, в том числе по естествознанию («Буш вакыт» — «На досуге», 1860), ботанике и народной медицине («Гөлзар вә чәмэнзар» — «Цветы и травы», 1894), анатомии и гигиене («Мәнафигел-эгъза вә кануне сиххэт» — «Функции органов тела и правила гигиены», 1894), физике и технологии обработки металлов («Сәнаигы гольфания» — «Гальванизация», 1900), математике («Хисаплык» — «Арифметика», 1873; «Гыйльме һәндәсә» — «Геометрия», 1895), земледелию («Гыйльме зиратъ» — «Земледелие», 1892), кулинарии («Иршадел-этбиха» — «Руководство по кулинарии», 1893), педагогике («Гакаид рисаләсе» — «Книга веры», 1867; «Кабуснамә», 1881; «Әхлак рисаләсе сәгыйрь» — «Сокращенная книга по этике», 1884; «Утыз вәгазь» — «30 проповедей», «Әхлак рисаләсе кәбир» — «Большая книга об этике», 1890; «Тәрбия китабы» — «Книга о воспитании», 1891), истории («Зөбдәте мин тәварихе рус» — «Важнейшие этапы русской истории», 1890), географии («Истилахәте жәгърафия» — «Терминология по географии», 1890; «Жүгърафия-кәбир» — «Большая география» в трех частях, 1898—1899), этнографии («Поверья и обряды казанских татар», 1880), а также многочисленные статьи по различным отраслям знаний, помещенные в двадцати четырех ежегодных календарях и оставившие глубокий след в истории татарской культуры и общественной мысли.

Перу К. Насыри принадлежат, кроме двух повестей («Әбүгалисна» — «Авиценна», 1881; «Әфсәнаи Гөлрох вә Камәржан» — «Повесть о Гульрухе и Камарджане», 1896), также несколько сборников рассказов, новелл, басен, стихов, сказок («Қырык вәзир» — «Сорок везиров», 1868; «Қырык бакча» — «Сорок садов», 1880; «Фәвакиһел жөләсәз фил әдәбият» — «Книга для собеседников по литературе», 1884; «Образцы народной литературы казанских татар», «Сказки казанских татар в сопоставлении их со сказками других народов»), литературно-критические статьи, свидетельствующие о его таланте и в области фольклористики и литературоведения.

Однако К. Насыри был прежде всего языковедом, взявшим на себя разработку теоретических основ национального литературного языка.

Замена феодально-крепостнических отношений капиталистически, происходившее на этой почве формирование татарской нации, экономическое, политическое, культурное развитие народа требовали создания литературного языка, понятного всем слоям общества.

К. Насыри был из плеяды выдающихся просветителей, вступивших на историческую арену в эпоху формирования татарской буржуазной нации в середине минувшего века. Все более усиливающийся процесс национальной консолидации постепенно приводил и не мог не привести к пробуждению у народа национального самосознания.

Выступая против панисламистов и пантюркистов, отрицавших право татар на самостоятельное национальное существование и собственный национальный литературный язык, К. Насыри, в частности, писал: «От некоторых упрямец можно слышать, что они не признают за татарским языком самостоятельного языка. Из-за несведомленности в исторической науке они не выносят даже слова „татар“»<sup>1</sup>.

В условиях засилья ислама К. Насыри как представитель нарождающегося татарского демократического движения смело противопоставил принципу религиозной классификации народов, проповедовавшейся пан-

исламистами, деление их по языково-этническим признакам. «Нация, — писал он, — это قوم (род, племя), خلق (народ)»<sup>2</sup>. Узбеков, туркмен, каракалпаков, башкир, татар, турок и других он считал самостоятельными народами «тюркского племени», имеющими каждый свой самостоятельный язык (в одном случае он употребляет термин «язык», в другом — «наречие»<sup>3</sup>) и свою литературу. В другом месте К. Насыри говорит об арабском и татарском племенах<sup>4</sup>, венгерском (тазаг халку)<sup>5</sup>, русском, монгольском, литовском<sup>6</sup>, греческом, арабском, турецком<sup>7</sup>, татарском<sup>8</sup> и других народах.

Изучив известные капитальные историко-географические труды «Зерцало мира» Кятиба Челеби, «Родословную тюрков» Абул-Гази хана, «Критику истории» Рифата, трехтомный труд «Страницы известий» Ахмеда Мюнеджембаши, словарь «Укьянус» Гасима-эфенди и др., К. Насыри одним из первых пришел к заключению, что так называемое самоназвание möselman 'мусульманин' должно быть как неправомерное заменено этнонимом tatar 'татары' по этническому признаку<sup>9</sup>, при этом со всей определенностью заявив, что «народ нашей нации татарский»<sup>10</sup>.

Еще в первом своем труде «Краткая татарская грамматика» (1860) К. Насыри выделил татарский народ как исторически сложившуюся устойчивую этническую общность людей с характерными для нее признаками нации: общностью территории («татары, живущие в Сибири, в губерниях Оренбургской, Казанской и других на правой стороне Волги, в Астраханской»), государства («живущие в России»), культуры («имеет свою литературу») и языка (наречие «среднее или татарское, которым говорят народы тюркского племени, мы обыкновенно называем татарским языком»), отличного от других тюркских языков «преимущественно флексическими своими формами, большею или меньшею чистотой своего тюркского элемента»<sup>11</sup>.

Татарский язык К. Насыри делит на «книжный» и «устный» («в его живом употреблении, разговаривании», который «чище, проще» первого), причем последний включает отдельные диалекты («татарский язык, — пишет К. Насыри, — разделяется также на несколько наречий, каковы: казанское, мишарское, которым говорят татары на правой стороне Волги»<sup>12</sup>).

К. Насыри первым теоретически обосновал существование самостоятельной татарской нации, имеющей свою собственную историю и свой язык в его «устной» («материнской» — anasyndan söt img'än mötdättä üg'räng'än tele) и «письменной», «литературной» (gilem vä iäp löyatläre belän açuğan tel) формах<sup>13</sup>.

Как известно, для языка народа в докапиталистический период его развития, то есть до образования нации, характерен более или менее значительный разрыв между письменным литературным языком и народной разговорной речью. Это в полной мере относится и к татарскому языку.

Несмотря на постепенную демократизацию языка деловых документов (имеются в виду документы Оренбургского Духовного Собрания, «продуктовые книги» башкирских и мещеряцких кантонов, дела Казанской татарской ратуши), устного татарского литературного языка, вплоть до конца XIX в. продолжал функционировать старотатарский письменный язык — так называемый «тюрки». Однако этот «тюрки» не был подлинным, восходящим к кыпчакско-огузскому поволжскому его варианту, а представлял собой смешанный книжный язык с разновременными наслоениями староузбекских («чагатайских») и осmano-турецких форм. Он давно уже утратил свою основную функцию — быть обще-

понятным и общеупотребительным средством общения. Причем нередко «турецким словам давалось татарское окончание, татарским — турецкое и арабским — персидское»<sup>14</sup>, либо татарские слова «писались по формам староузбекского языка»<sup>15</sup>.

«У русских татар, — писал К. Насыри, недовольный состоянием татарского литературного языка своего времени, — в употреблении книги, написанные на первых двух наречиях: джагатайском, а особливо турецком. В незначительных сочинениях, составленных татарами в России, язык в грамматических формах представляет смесь форм из двух главных «наречий» — джагатайского и османского и обременен словами арабскими и персидскими, так что некоторые сочинения, переполненные множеством слов из этих языков, делаются непонятными для неученого простолюдина»<sup>16</sup>.

Общественные функции (а значит и внутренняя структура) татарского общенародного языка, считал К. Насыри, не были развиты по вине духовенства, а позднее — части буржуазной интеллигенции, стремившихся всеми средствами сохранить отжившее свой век богословско-схоластическое образование. Обучение тогда велось на основе средневековой теологической и религиозно-мистической литературы на арабском, персидском, чагатайском и турецком языках. Фанатичное духовенство, а позднее — националистическая часть буржуазии не только не выдвинули ни одного радетеля за родной язык<sup>17</sup>, но и открыто объявили общенародный язык «мужицким, уличным, низким, языком ломовых извозчиков»<sup>18</sup>, непригодным к тому, чтобы стать литературным<sup>19</sup>, считая, что «притязание на приобретение знаний на татарском языке подобно стремлению получить плоды от высохшего, мертвого дерева»<sup>20</sup>.

К. Насыри первым выступил в защиту родного татарского языка, который он считал «в основе своей упорядоченным и нормированным»<sup>21</sup>; этот язык, по его мнению, «благодаря арабо-персидским заимствованиям нисколько не уступает остальным языкам в красноречии и выражении понятий, даже более того, в некоторых случаях он богаче их, в особенности это заметно в глаголах»<sup>22</sup>, он «прекрасен в байтах, поэтических произведениях и пословицах»<sup>23</sup>.

В 1871 г. Каюм Насыри приступает к систематической публикации собранных им образцов народной литературы, по его определению, подлинной сокровищницы народной речи, наглядно раскрывающей образность, пластичность, художественность и богатый арсенал семантико-стилистических возможностей татарского народного языка.

Как истинный просветитель и демократ, К. Насыри не мог не осознавать, что распространение естественно-научных знаний в народе и развитие светского образования невозможны без демократизации литературного языка, без того, чтобы он стал общепринятым и общеупотребительным национальным литературным языком. «В настоящее время, — писал он, — другие народы реформируют и совершенствуют свой язык, стремясь сделать его литературным». Отсюда он делал вывод, что настала пора и татарам усовершенствовать свой язык, чтобы он мог выполнять свои функции во всех сферах жизни общества, благо у него «как у языка самостоятельного имеются только ему одному присущие морфологические нормы»<sup>24</sup>.

Одна из больших заслуг К. Насыри перед татарской культурой заключается в том, что именно он положил начало сближению татарского литературного языка с общенародным разговорным языком, призывая отказаться от всего архаичного, наносного в языке. Он впервые теоретически разработал и частично ввел в практику единые фонетико-морфо-

логические, орфографические, лексико-семантические и стилистические нормы национального литературного языка.

В 1860 г. К. Насыри издал «Краткую татарскую грамматику, изложенную в примерах»<sup>25</sup>, а спустя тридцать пять лет — научную грамматику татарского языка под символическим названием «Энмүзәж» («Образец»). В этих трудах он на богатом фактическом материале впервые раскрыл основные фонетико-морфологические и синтаксические особенности живого общенародного языка, предложил формы его нормирования.

В предисловии к «Энмүзәдж» К. Насыри писал: «До настоящего времени нет ни одной книги по морфологии и синтаксису нашего языка (...) Я долго надеялся, что появится какой-нибудь деятель нашей нации и составит грамматику нашего языка, но такого энтузиаста не нашлось»<sup>26</sup>.

Следует, однако, отметить, что ко времени появления лингвистических трудов К. Насыри татарское языкознание имело более чем столетнюю историю. Как справедливо заметил А. Н. Кононов, «татарский язык был первым, лексический состав которого был наиболее полно зафиксирован еще во второй половине XVIII столетия (словари Сагита Хальфина и Дамаскина)». И далее — «„Грамматика татарского языка” И. Гиганова (СПб., 1801) была первым в России научным описанием грамматического строя одного из тюркских языков в сравнительном освещении»<sup>27</sup>. Вслед за этой «Грамматикой» были изданы «Азбука и грамматика татарского языка с правилами арабского чтения» И. Хальфина (1809), «Краткая татарская грамматика» А. Троянского (1814, 1824, 1860), «Татарская грамматика» М. Иванова (1842), «Практическое руководство к изучению татарского языка» М.-Г. Махмудова (1857), «Краткая учебная грамматика татарского языка» Х. Фейзханова и «Краткая морфология татарского языка» Г. Фейзханова (1887)<sup>28</sup>, имевшие, бесспорно, важное значение в освещении фонетического и грамматического строя татарского языка. Однако, за исключением работы Г. Фейзханова, все они являлись лишь учебными пособиями для русских учебных заведений. Авторы их не ставили целью углубленное изучение и, тем более, нормирование общенародных форм национального литературного языка. В упомянутых работах наряду с диалектальными (см. «Грамматику» И. Гиганова) встречались и книжные формы, отсутствовавшие в общенародном языке. Таковы, например, зафиксированные в «Краткой татарской грамматике» А. Троянского: огузская форма родительного падежа 1-го лица множественного числа *bezet* наряду с общенародным татарским *bezneŋ'*, древнейгурский, чагатайский показатель множественности *-lär* (*sezlär* 'вы', *bezlär* 'мы') рядом с общенародным татарским *sez*, *bez* (М.-Г. Махмудов, Г. Фейзханов и К. Насыри регламентируют формы *bezneŋ'*, *bez*, *sez*), сохранение начального *b-* в падежных формах указательного местоимения *bu* 'этот' (*bunung*, *bunga*, *bunu*, *bunda*), характерное для огузских языков, тогда как в общенародном татарском языке употребляются формы *tonung*, *tonga*, *tonu*, *tonda*. Сюда же следует отнести неупотребительные в татарском языке староосманские местоимения *қапуу* 'который', турецкое *küllü* 'весь' (см. грамматики А. Троянского и М.-Г. Махмудова) и т. д.

К. Насыри же стремился особо выделить некоторые формы староузбекского (по его терминологии — джагатайского) и турецкого (османского) языков, употребляемые только в книжном татарском языке<sup>29</sup>.

На протяжении всей своей жизни находившийся в тесных контактах и общении с самыми различными слоями татарского населения, К. Насыри глубоко познал дух, природу и тончайшие особенности родной речи. Весьма интересны и ценны сделанные им в связи с его наблюдения-

ми научные выводы. В частности, в «Энмюзядж» он доказывает наличие в татарском языке десяти гласных, им прослеживаются изменения звуков в потоке речи, тщательно анализируются примерно семьдесят словообразующих аффиксов — арсенал для дальнейшего развития лексики татарского языка. На основе анализа более чем 750 татарских глаголов К. Насыри устанавливаются закономерности различной способности глаголов к образованию залоговых форм<sup>30</sup>. «Если мы обратимся к глаголу и внимательно исследуем его, — пишет он, — то выявим удивительные тайны. Так, от одного глагольного корня можно образовать до ста производных глаголов и глагольных форм. Но в этом, с точки зрения характерных особенностей нашего языка, нет ничего удивительного»<sup>31</sup>. Он приводит многочисленные таблицы спряжения и отмечает особые формы наклонения, до него никем не раскрытые. По словам известного татарского писателя и лингвиста Г. Ибрагимова, «в „Энмюзядж” собрано так много видов, форм и тончайших особенностей татарского глагола, что мы, современные исследователи грамматического строя татарского языка, еще до сих пор не смогли учесть в полном объеме все это богатство и отобразить в правилах указанные им особенности»<sup>32</sup>. К. Насыри приводит, в частности, аналитические и перифрастические формы глагола (например: *jazar idem* ‘я написал бы’, *kilg’än bulur idem* ‘я тогда пришел бы’, *jazsa ide* ‘если бы он написал’ и т. д.), позволяющие выразить оттенки мысли.

К. Насыри зафиксированы как нормативы характерные для общенародного языка формы будущего времени изъявительного наклонения на -аг (*aşar* ‘поест’, *eşläg* ‘сделает’), причастия будущего времени на -асы (*barasy köp* ‘день, когда надо будет идти’). Кстати, последняя форма не зафиксирована даже в некоторых последующих грамматиках татарского языка (например, в «Тюркской морфологии» Габдерахмана Тауфик бине Мухамедзяна, «Правилах тюрки» Губайдуллы Мухаммедфайзи, «Краткой татарской грамматике» М.-С. Умитбаева)<sup>33</sup>.

К. Насыри в своих грамматиках заменил староузбекские (чагатайские) формы исходного падежа на -dyjn (*baladyjn* ‘от ребенка’), повелительного наклонения на -yul (*bagyul* ‘иди’), будущего времени изъявительного наклонения на -yaj (*bagyaj* ‘пойдет’)<sup>34</sup>, аффикс относительного прилагательного со значением обладания -lük (*küçlük* ‘сильный’), изменяемые формы указательного местоимения с начальным *b-* (*bunpung*, *bunp*, *bunda*), послелого *berlä*, *berläp* и т. д. соответственно общенародными татарскими -dan (*baladan*), нулевой формой императива (*bar*), -уг, -är (*jazyg*, *eşläg*), -le (*köçle*), изменяемыми формами на *m-* (*topung*, *topu*, *monda*), *belän* и т. д.

Взамен архаичным формам, характерным для старого «тюрки», он вводит и нормирует формы общенародного языка, а именно: формы прошедшего повествовательного времени на -yap (*bagyap* *topu*, *bagyap* ‘был’) вместо -ypty, -yptan (*bagypty*, *bagyptan* ‘был’), давнопрошедшего времени на -yap ide (*bagyap ide* ‘он когда-то был’) вместо -yp ide (*bagy ede*)<sup>35</sup>, 1-ого лица множественного числа повелительного наклонения -ik (*töşik* ‘спустимся’) вместо -älem (*töşälem*), будущего времени изъявительного наклонения на -ур (*bulur* ‘будет’) вместо -ysar (*bulysar*) и т. д.

«Не пиши *كىلدى kälde*, *كىتدى kätde*, а начертай *كىلدى kilde*, *كىتدى kitde*, не пиши *دكل däg’el*, *كرك käräk*, а скажи *توكل tüg’el*, *كيرك kiräk*, пиши *نيچه ničä*, не говоришь же *نچه päčä*. А также не пиши *نچوك päčük* или *نچك päček*, а пиши *نيچوك ničük*. Не нужно писать *تىش tiš*, а следует

писать *تيوش* *tijüş* и *تيوشلى*. В языке имеется также сравнительный союз *كېك* *kebek* и его не следует отражать в письме в виде *كېي* *kebi*», — писал К. Насыри в своем интереснейшем труде «Қавагыйде китабэт» («Правила сочинительства», 1892)<sup>36</sup>. Исследователи обычно считают эти рекомендации К. Насыри его, так сказать, «орфографической декларацией», а названную работу — чисто орфографической. Однако это далеко не так. Об этом говорят и слова самого К. Насыри: «Нет никакого сомнения в том, что писать *kätde*, *kälde*, *kätürde* вместо *kitde*, *kilde* является непростительной ошибкой. Потому что мы, татары, произносим эти слова *kilde*, *kitde*, а также слова *piçä*, *kiğäk* только с *касрой*, то есть только через *i*»<sup>37</sup>. Ученый убежденно отстаивает фонетический принцип в орфографии: «Когда стали появляться книги на огузском языке, — объясняет он в «Словаре татарского языка», — тюркское племя (то есть тюрки. — И. А., М. З.) (...), подражая арабам, стало писать, опуская гласные буквы (...). И современные нам господа, не зная корней слов, пишут *كلدى* *kälde*, *كتدى* *kätde*, *كرك* *kägäk*, *نچه* *päçä* по правилам огузских языков»<sup>38</sup>.

К. Насыри был противником слепого подражания иноязычным языковым формам и нормам, протестовал против копирования орфографии чужого языка: «Непростительной ошибкой современных писателей является то, что они пишут *اولدى* *uldy* вместо *بولدى* *buldy*. Между тем в нашем языке нет слов, подобных *uldy*, *اولور* *ulur*. А

также написание *وار* *var* вместо *بار* *bar*. *ويردى* *virde* вместо *بيردى* *birde* является не чем иным, как ошибкой. Известно, что мы, татары, не нуждаемся в чужом; нам необходимы лишь слова, которые по мере надобности берутся нами либо из арабского и персидского, либо из турецкого языков, но оформляем мы их по правилам грамматики своего языка, ибо имеем свою собственную грамматику»<sup>39</sup>.

В том же труде «Қавагыйде китабэт» К. Насыри выступает против употребления персидского изафета (например, *hajuanate vähsijä*, *bändäi xoda*), противного самому духу татарского языка, и предлагает пользоваться татарским изафетом (*vähši hajvannar*, *xoda bändäläre*)<sup>40</sup>.

Таким образом, ученый выступает против оформления татарских слов по грамматическим законам персидского, чагатайского и турецкого языков, против порочной практики использования смешанного, избыточного чагатайскими и турецкими формами, языка, что подвергалось им критике еще на заре его деятельности<sup>41</sup>. При этом острей критики К. Насыри было направлено прежде всего против пропагандировавшегося И. Гаспринским и его татарскими последователями так называемого общетюркского, основанного на турецком, языка, против засилия турецких языковых форм (что особенно давало о себе знать в последней трети XIX в.), в частности, форм причастия на *-ap*, *-jan* (*jazan* 'писавший', *eşläjän* 'работавший'), настоящего времени изъявительного наклонения глаголов на *-ujog* (*aşujog* 'открывает'), аффиксов родительного и дательного падежей на *-in*, *-a*, *-ja* (*bejin* 'господина', *Boharağa* 'в Бухару')<sup>42</sup>, послелога *ilän* 'с' (который К. Насыри считал турецким<sup>43</sup>), оформления татарских слов по правилам фонетики турецкого языка (*dörlü* 'разный', *var* 'есть', *däg'el* 'нет', *bän* 'я') и т. д. К. Насыри предложил, а главное — широко использовал в своих произведениях общенародные татарские, кыпчакские формы *-aп* (*jazап*), *-i* (*eşli*), *-neng'*, *-ya* (*bäkneng'*, *Boharağa*), *belän*, *törle*, *bar*, *tüg'el*, *min* и т. д. Факты со всей очевидностью показывают, что К. Насыри никогда не считал османно-турецкий

язык образцом литературного языка для татар, как это пыталась представить турецкий филолог С. Чагатай<sup>44</sup>, а был горячим поборником сближения литературного языка с общенародным татарским языком, что признавали и многие турецкие ученые<sup>45</sup>.

Ориентация К. Насыри на общенародный татарский язык сказалась на разработке им правил орфографии. В частности, он предлагал отразить на письме закон небной гармонии гласных, то есть узаконил зависимость написания словоизменятельных аффиксов -lar, -lär, -q, -k, -dap, -däp от велярности или палатальности предшествующего гласного, например: قوللار qullar, كوزلر küzlär, باردق bardyq, كيلدك kildek, قزاندان Qazandan, مسجددن mäşžeddän<sup>46</sup>. При этом он считал иное «книжное» написание, закрепленное в ряде грамматик (например, в виде ایرلردان<sup>47</sup>, كتابلردن<sup>48</sup>), противоречащим духу родного языка. С этих позиций он выступал и при нормировании раздельного написания атрибутивных словосочетаний типа قزل توشلى quzyl tyşly (вместо ошибочного, по его мнению, написания по правилам персидской орфографии قزل توشلى quzylytyşly)<sup>49</sup>, при замене огузской формы -dum, -düm прошедшего категорического времени изъявительного наклонения татарской нелабиализованной формой -dum, -dem (jazdum, kildem)<sup>50</sup>, при канонизации написания сотен слов в «Словаре татарского языка», где он особо оговаривал турецкие или чагатайские формы написания, не соответствующие, как он считал, произносительным нормам татарского языка (см. слова ad и at 'имя', açuglanmaq 'гневаться', açug 'горький' вместо açulanmaq, açu и т. д.)<sup>51</sup>

Деятельность К. Насыри во многом способствовала установлению орфографических норм литературного татарского языка. Совещание преподавателей и литераторов, состоявшееся в мае 1899 г. в Уфе, учтя опыт К. Насыри и Г. Фейзханова, одобрило в своем постановлении правила орфографии<sup>52</sup>, регламентированные К. Насыри. Эти правила нашли отражение в «Краткой татарской грамматике» М. Умитбаева (1902), написанной согласно рекомендациям упомянутого постановления<sup>53</sup>. В последующие годы вопросы орфографии, так же как и другие проблемы литературного языка, стояли в центре внимания татарской общественности. Создание грамматик татарского языка на общенародной основе и установление фонетического принципа в орфографии, по единодушному мнению современников, были непосредственно связаны с именем К. Насыри<sup>54</sup>, уделявшим большое «внимание правилам орфографии как отрасли, отображающей морфологические нормы»<sup>55</sup>.

Следует заметить, что среди предложенных К. Насыри фонетико-морфологических норм, за самым редким исключением<sup>56</sup>, нет ни одной узкодиалектальной формы, характерной как для его родного нурлато-кайбицкого подговора, так и других подговоров и говоров татарского языка, а именно: ни в одной из его грамматик нельзя встретить замену *и* на *а* в местоимениях (şalaj, şanda вместо şulaj, şunda), замену гласного *а* в позиции перед конечным среднеязычным *j* (alyj, babyj вместо alaj, babaj), конечного заднеязычного носового *ng* переднеязычным носовым *n* (sinep вместо sineng'), нет инфинитивных форм на -ma (barmä), -mally (barmally) при выражении долженствования, отсутствует форма прошедшего категорического времени изъявительного наклонения на -yaп, -käп (mip bulyaп 'я был') вместо общенародных -dy, -de (min buldum), отсутствует диалектальная форма давнопрошедшего времени на -dy ide (aldyq ije 'взяли') вместо общенародного -yaп ide (alyaп idek 'взяли') и т. д.<sup>57</sup>

Значение грамматик К. Насыри заключается прежде всего в том, что в них нормированы **общенародные** фонетико-морфологические формы и что они представляют собой грамматики **наддиалектного** татарского национального литературного языка, очищенного как от многих архаизмов книжного «тюрки», турецких и чагатайских форм, так и от узкодиалектальных элементов.

Принципу сознательного отбора общенародных форм К. Насыри следовал и при установлении орфоэпических норм. Как известно, начальное *ž* является одним из признаков, отличающих средний диалект как от мишарского диалекта, так и от старотатарского литературного языка, в которых преобладает начальное *j*. Ратуя за сближение литературного языка с разговорным народным языком, К. Насыри как носитель среднего диалекта, казалось, должен был бы выступить за оформление слов типа *јагаг* 'ладно', *јег'егте* 'двадцать', *јогу* 'сон', *јүешлек* 'сырость' с начальным *ž*. Однако этого не случилось. Из 121 слова с начальным *ž*, встречающихся в его «Татарско-русском словаре» (1878), 21 слово приводится в параллельных формах (с *ž* и *j*) и только 11 слов (то есть около 9% всех слов с *ž*) не соответствуют современной орфоэпической норме. Этот факт говорит как о языковом чутье ученого, так и о его стремлении сохранить традиционные, давно закрепившиеся в литературном языке формы при условии их совпадения с нормами общенародного языка.

Безусловно, К. Насыри прекрасно знал, что само существование понятия литературной нормы немыслимо без наличия исторически сложившихся и закреплённых письменностью и традицией способов языкового выражения. Не случайно одним из основных положений лингвистической концепции К. Насыри является понимание языкового развития как непрерывного процесса, при котором неизбежны колебания в употреблении форм, вызванные отмиранием в морфологии всего архаического и появлением нового, постепенно укрепляющегося в литературном языке в качестве нормы. Подтверждением этому могут служить зафиксированные К. Насыри в грамматиках и используемые им в языковой практике параллельные формы: древнетюркский, древнейуйгурский, старокыпчакский аффикс 1-го лица множественного числа *-mez* (*ešlimez*, *ilemez*) наряду с огузским и общенародным татарским *-bez* (*ešlibez*, *ilebez*)<sup>58</sup>, старокыпчакский, чагатайский *anlag* (личное местоимение 2-го лица множественного числа) рядом с *alag* 'они' (в «Энмюзядж» нормируется лишь общенародный *alag*, тогда как А. Троянский зафиксировал только архаичный вариант), формы вопросительного местоимения *pä* 'что', *qajı* — *qaj*, *qajısu* — *qajısu* 'который'.

Разумеется, не все из приведенных форм были исторически оправданы, к примеру: аффикс притяжательности 2-го лица множественного числа — *-nguz* (*atanguz* 'ваш отец')<sup>59</sup> вместо *-yuz* (*atayuz*), форма повелительного наклонения *-ajım*, *-ajıq* (*jazajım*, *jazajıq*), деепричастная форма *-yupča* (*jazyupča* 'пока не написал') вместо общенародного *-yaпču* (*jazyapču*), древнейуйгурский, чагатайский аффикс 2-го лица единственного числа *-sän* (*ešlisän* 'делаешь'), как и у других авторов, вместо кыпчакского, татарского *-seng'* (*ešliseng'*), уйгурская, старокыпчакская форма причастия настоящего времени на *-yıçu* (*jazyıçu* 'пишущий') вместо *-ıçu* (*jazyıçu*) и т. д. При этом не следует забывать, что К. Насыри был сыном своего времени, современником переходного этапа в развитии литературного языка, что не могло не сказаться как на фиксации, так и на использовании им в своих произведениях лингвистических форм.

Демократизация литературного языка, введение огромного количества новых речевых средств, требующих упорядочения, систематизации:

и изучения, не могло не стимулировать создания соответствующих пособий и в первую очередь — словарей. Вслед за многочисленными русско-татарскими и татарско-русскими глоссариями, «Словарем языков разных народов в Нижегородской епархии обитающих, именно россиян, татар, чувашей, мордвы и черемис» Дамаскина и двухтомным рукописным русско-татарским словарем С. Хальфина, содержащим около 25000 слов, появились капитальные лексикографические труды: «Словарь российско-татарский» И. Гиганова (1804), двухтомный «Словарь татарского языка и некоторых употребительных в нем речений арабских и персидских» А. Троянского (1833—1835) и более скромные по объему, но сыгравшие свою положительную роль: «Практическое руководство к изучению татарского языка» М.-Г. Махмудова (1897), словарная часть которого (стр. 1—136) была составлена по тематическому принципу, татарско-русский «Словарь к татарской хрестоматии» С. Кукляшева (1859), «Первый опыт словаря народно-татарского языка по выговору крещенных татар Казанской губернии» Н. П. Остроумова (1876). Не меньший интерес представляют «Татарско-русский словарь» (1878) и «Полный русско-татарский словарь с дополнением из иностранных слов, употребляемых в русском языке как термины» (1892) К. Насырова<sup>60</sup>, охватывающие активную лексику татарского литературного языка.

Отвергая распространенные в то время суждения о бедности татарского языка и его неспособности выражать мысли во всей их сложности и богатстве и считая глубоко «ошибочным увлечение заимствованиями из чужого языка, без предварительного изучения лексики своего языка»<sup>61</sup>, К. Насыри задался целью доказать наличие широких внутренних лексико-семантических и стилистических возможностей у родного языка. С этой целью он публикует в «Плодах собеседников»<sup>62</sup> и в «Энмюзядж»<sup>63</sup> около четырехсот фразеологических сочетаний, пословиц и поговорок с их подробным толкованием, например: *auyrtqan başqa timer taraq*, а также *qulyr östenä çuan, çöj östenä tuqmaq* — выражение, характеризующее состояние человека, вновь попавшего в тяжелое положение, не успев покончить со старыми бедами и заботами; *ike bozauya kibäk ajuğa belmäs* употребляется по отношению к бестолковому и неумному человеку; *ajaq suzdy* — ‘скончался’; *ülän arasynda ut jörtä* — ‘хитрюга, очень хитрый’; *qyjak teşläde* — ‘убежал, скрылся’; *tauuq jöräk* — ‘трус’ и т. д.

Это был первый в языкознании своеобразный фразеологический словарь татарского языка, использованный ученым впоследствии при составлении им и первого толкового словаря татарского языка «*لهجه تاتاری*» («Словаря татарского языка»); в качестве примеров приведем следующие толкования: к слову *atmaq*: *iang atmaq* ‘рассветать’, *çan atur toqmaq* ‘сильно желать’, *boğçaq atmaq* ‘лгать’; к слову *açuq*: *açuq qully* ‘щедрый’, *açuq auuz* ‘разиня’, *açuq keşe* ‘приветливый’ и т. д.

По широте охвата и глубине раскрытия лексико-семантического богатства татарского языка двухтомный «Словарь татарского языка» («*لهجه تاتاری*», 1895—1896) К. Насыри превосходит все донные известные словари, в том числе и двухтомный словарь А. Троянского. Его главное достоинство — представление образцов разговорно-бытовой лексики, фразеологизмов, этнографизмов и парных слов<sup>64</sup>: *abağa* ‘папоротник’, *abaуу* ‘грязный, неопрятный’, *abalapmaq* ‘спотыкаться’, *abalap-tibäläpä* ‘спотыкаясь’, *aban* ‘ой!’, *abyz ata* ‘дедушка’, *abyz ana* ‘бабушка’ и т. д. Не случайно основной пласт словника составляет исконно татарская лексика, определяющая самобытность татарской речи, ее национальное своеобразие и охватывающая все области человеческой жизни

и деятельности. Причем ученый с присущим ему лингвистическим чутьем стремился раскрыть все значения фиксируемого слова, например: **atmaq**: 1) 'бросать'; 2) 'стрелять'; 3) 'цвести'; **basmak**: 1) 'надавливать'; 2) 'печатать'; 3) 'захватить, оккупировать'; 4) 'покрыть'; 5) 'охватить'. Для дифференциации значений слов он широко использовал в качестве иллюстраций отдельные предложения, пословицы и поговорки, песни. Отмечая эту особенность словаря, Н. Ф. Катанов еще при жизни К. Насыри писал: «При каждом слове автор приводит все предложения, в которых оно употребляется народом; ввиду этого словарь вполне заслуживает перевода на русский язык, так как словари Радлова, Будагова и др. не приводят всех предложений, где употребляется то или другое слово. Это тем более необходимо, что в тюркских наречиях одно и то же слово часто совершенно меняет свое значение; так, например, *kağa* значит „черный“, *kağa bağık* „трава-солянка“, *kağa haş* „мелисса (растение)“, *kağa balıq* „лещ (рыба)“, *kağa buja* „купорос“ и т. д.»<sup>65</sup>.

Наряду с толкованием значения слова К. Насыри нередко применял и метод сопоставления с арабо-персидскими эквивалентами, особенно со словами, не входившими ранее в литературный язык: **inmāk** — *nazil bulmak*; **başlyq** — *gäislek, gäsät; üč* — *intişam*; **irek** — *ixtyjar, hör, azad* и т. д., подчеркивая тем самым широкие возможности исконно татарской лексики.

Создание научно-популярной литературы по многим отраслям знаний на общепонятном языке неизбежно повлекло за собой развитие терминологии. И в этом случае ученый вновь обратился к народному языку, отбирая ранее существовавшие в нем термины и создавая новые из общеупотребительных слов. «Поскольку до сих пор у нас не было книги по арифметике, написанной на нашем родном языке, мы, понятно, не имели и терминов. В нашей книге «Арифметика» мы отобрали как можно больше слов своего родного языка. Мы взяли слово *saп* вместо арабского *isme gadäd*. Также одно из арифметических действий назвали *žuju*, которое раньше обозначалось арабским словом *žämg...*»<sup>66</sup>. Действительно, от предшествующих учебников по арифметике Г. Баруди, Г. Салиха, М.-З. Бахтиярова<sup>67</sup>, изобилующих непонятными арабскими терминами<sup>68</sup>, учебник К. Насыри выгодно отличается как своим языком, так и «привлеченными из народного языка или удачно созданными по моделям родного языка математическими терминами»<sup>69</sup>. Так, К. Насыри вводит термины: **bülü** 'деление' вместо *täksim*; **qaldyq** 'остаток' вместо *bäkyja, färyq*; **çyuyş** 'произведение' вместо *hasile zateb*; **bülüçe** 'делитель' вместо *mäksüme galijä* и т. д.

Создание географической, особенно биологической, сельскохозяйственной, медицинской<sup>70</sup> и другой терминологии на основе исконно татарских слов наглядно свидетельствовало о широких возможностях языка.

Вместе с тем К. Насыри был далек от пуризма. Считая широкоупотребительные в общенародном языке арабо-персидские и русские заимствования, а также большую часть арабо-персидских религиозных, педагогических, математических, русских и западноевропейских административных, общественно-политических, научно-технических терминов частью лексики татарского литературного языка (что делает его лексикографические труды словарями литературного языка)<sup>71</sup>, он вводит их в свои «Календари» и учебники. Жизненность большинства сохраненных им заимствований объясняется тем, что они были взяты из повседневной языковой практики татарского народа. Входя в язык и национальную культуру вместе с обозначаемыми ими новыми идеями, реалиями и понятиями, эти заимствования (в основном термины) прочно удерживались

в языке только в тех случаях, когда в татарском литературном языке не было соответствующих эквивалентов<sup>72</sup>.

Свободно владея турецким, чагатайским, арабским, персидским и русским языками (у К. Насыри есть труды, написанные на русском и арабском языках, переводы с русского, турецкого и арабского, учебники арабского<sup>73</sup>, русского языков<sup>74</sup>), ученый снабжал соответствующими этимологическими справками заимствованную часть татарской лексики; анализу персидских заимствований в татарском языке им посвящена специальная статья «Некоторые персидские слова, употребляемые в нашем языке»<sup>75</sup>. В нескольких разделах его брошюры «Правила сочинительства» подробно говорится об использовании синонимических пар, состоящих из арабо-персидских и татарских слов, для выражения смысловых и стилистических оттенков речи. «Когда мы пользуемся словом ذَات dat, — пишет он, — то подразумеваются весьма уважаемые лица; если же употребляем كَمْسَا kemsä или كَمْسَانَا kemsänä, то имеется в виду незнатный и неизвестный человек. Слова fälän isemle adäm, fälän isemle kemsänä служат намеком на человека, не пользующегося особым авторитетом. Если же произносят слово šäxes, то это верный признак дурности, низости указываемого лица»<sup>76</sup>. Сюда же при-мыкает его статья «Цветистые образцы ласкового и почтительного обращения к лицу», опубликованная в одном из его календарей<sup>77</sup>.

Существует мнение, что К. Насыри, хотя и дал теоретическое обоснование особенностям национального литературного языка и был весьма требователен к языку татарских литераторов, но практически сам далеко не всегда следовал в этом отношении собственным рекомендациям. Сторонники такого мнения отчасти правы. Действительно, язык ряда произведений К. Насыри (в первую очередь «Плодов собеседников», «Кабус-наме», «Книги веры», «Тридцати проповедей» и др.) далек от общенародного разговорного языка. Между тем ряд его учеников и последователей (Ибрагим и Гайша Терегуловы, Г. Фейзханов, Ш. Тагиров и др.) писали значительно «чище», с меньшей примесью архаичных форм и арабизмов.

Однако, нам кажется, что в данном случае все же упускаются из виду два обстоятельства. Во-первых, характер общенародного языка практически зависит от сферы его применения. Принципы отбора языковых средств различны для разных жанров — деловой переписки, художественной литературы, научного изложения. Ученый-энциклопедист и просветитель, К. Насыри заложил основы стилей научного изложения, учебно-педагогической (научно-популярной) литературы, художественной литературы. В каждом конкретном случае, в зависимости от жанрового стиля, язык его произведений меняется. Если в языке «Плодов собеседников» он широко использовал арабизмы, чагатаизмы, старотюркские формы и выражения (следует помнить, что в данном случае речь идет о сборнике извлечений из древних авторов), то язык «Цветов и трав», «На досуге», «Книги о воспитании», этнографических работ несравненно ближе к народному разговорному языку. Кроме того, К. Насыри был приверженцем ломоносовской теории трех стилей. Это отмечалось и его современниками<sup>78</sup>.

Во-вторых, не следует забывать и того, что К. Насыри, как и его последователи, не мог полностью быть свободным от влияния времени, среды и многовековых традиций.

Историческая заслуга Каюма Насыри в развитии татарского литературного языка заключается в том, что он с гениальной прозорливостью предугадал исторические тенденции его развития и, пользуясь громад-

ным влиянием среди своих современников и последователей, заложил теоретические основы национального литературного языка. Дело, начатое К. Насыри и его последователями, получив мощный толчок в годы первой русской революции 1905—1907 гг., было продолжено новым поколением татарской интеллигенции после победы Великого Октября и привело к окончательному формированию татарского национального литературного языка.

عبد القيوم عبد النصر اوغلى. قواكه الجلساء. قزان. ۱۸۸۴، ۹۴ ل بيت<sup>1</sup>

<sup>2</sup> К. Насыров. Полный русско-татарский словарь. Казань, 1892, стр. 91, см. также стр. 251.

<sup>3</sup> «Тюркским языком, — писал он, — называются языки, которыми говорят народы, составляющие тюркское племя: бухарцы, хивинцы, жители Туркестана и Кокана, киргизы, башкиры, татары (...) и османские или константинопольские турки» (К. Насыров. Краткая татарская грамматика, изложенная в примерах. Казань, 1860, стр. I—II).

عبد القيوم عبد النصر اوغلى. لحة تاتارى. جلد ثانى. قزان، ۱۸۹۶،<sup>4</sup> ال بيت.

<sup>5</sup> Там же, стр. 75.

عبد القيوم عبد النصر اوغلى. زبده من تواريخ الروس. قزان،<sup>6</sup> ۱۸۹۰، ۶—۴ بيت،

عبد القيوم عبد النصر اوغلى. الجلد الثانى من اصول جغرافياى كبير. قزان، ۱۸۹۸، ۲۲—۱۹ بيت.<sup>7</sup>

عبد القيوم عبد النصر اوغلى. قواكه الجلساء. قزان، ۱۸۸۴، ل ۶۰ بيت.<sup>8</sup>

عبد القيوم عبد النصر اوغلى. كاليندلر ل ۱۸۸ يلغه. ۳۶—۳۴،<sup>9</sup> بيت. عبد القيوم عبد النصر اوغلى. قواكه الجلساء. قزان، ۱۸۸۴، ۹۳—۶۰ بيت.

عبد القيوم عبد النصر اوغلى. لحة تاتارى. جلد اول. قزان، ل ۱۸۹،<sup>10</sup> ۲ بيت.

<sup>11</sup> К. Насыров. Краткая татарская грамматика., стр. I—II.

<sup>12</sup> Там же, стр. II—III.

عبد القيوم النصرى قواعلى كيتابت. قزان، ۱۸۹۲، ۲ بيت.<sup>13</sup>

<sup>14</sup> Н. Ф. Катанов. О татарских изданиях, касающихся истории Болгарского и Казанского царств. — «Казанский телеграф», 13 января 1895 г.

ج. وهلىدى. تاتار ئهده بيباتيننك بارشى. اورنيورع. ۱۹۱۲، ۳۷ بيت.<sup>15</sup>

<sup>16</sup> К. Насыров. Краткая татарская грамматика., стр. III.

عبد القيوم عبد النصر اوغلى. قواكه الجلساء، ۹۴. بيت.<sup>17</sup>

<sup>18</sup> «Тәржеман», 1905, № 95.

تل و يازى توغرسنده. — «يولدز»، ۱۹۰۶، بل، ۲۱ عنوار.<sup>19</sup>

علاج الدين بن محى الدين السردوى القزانى. النصول الحديدت فى خلافى الاصول الجديدت. قزان، ۱۸۹۹، ۸۰ بيت.<sup>20</sup>

عبد القيوم عبد النصر اوغلى. قواكه الجلساء. ۹۴ ل بيت.<sup>21</sup>

عبد القيوم عبد النصر اوغلى. كاليندار ل ۱۸۸ يلغه، ۳۴ بيت.<sup>22</sup>

عبد القيوم عبد النصر اوغلى. قواكه الجلساء. ۹۴ ل بيت.<sup>23</sup>

عبد القيوم عبد النصر اوغلى. قواكه الجلساء. ۹۴ ل بيت.<sup>24</sup>

<sup>25</sup> К 1872 г. он подготовил рукопись грамматики ко второму изданию, но по каким-то причинам издание не было осуществлено. — Архив Института языка, литерату-

ры и истории Казанского филиала Академии наук СССР, фонд 11, опись 1, дело 1, лист 1.

<sup>25</sup> عبد القيوم عبد النصر اوغلى. نموذج. قزان، ۱۸۹۱، ۳ بیت.

<sup>27</sup> А. Н. Кононов. История изучения тюркских языков в России. Дооктябрьский период. Л., 1972, стр. 211.

<sup>28</sup> عبد العلام فيض خان اوغلى. تاتار تلى گه قسقه چه علم صرف. قزان، ۱۸۸۷.

<sup>29</sup> К. Насыров. Краткая татарская грамматика., стр. 12—14, 38.

<sup>30</sup> О вкладе К. Насыри в изучение грамматического строя татарского языка более подробно см.: Н. К. Дмитриев. Каюм Насыри как филолог. — В сб.: «Каюм Насыри (1825—1945)». Казань, 1948, стр. 39—60; Р. А. Хакимова. Каюм Насыри как языковед. — Там же, стр. 61—77; В. Н. Хангилдин. Каюм Насыри грамматикаларында татар теле синтаксисы нигезләре. — «Совет әдәбияты», 1945, № 2, стр. 58—60; *его же*. Татарская грамматика Каюма Насырова «Энмюзьдж». — «Вопросы языкознания», 1956, № 4, стр. 98—103.

<sup>31</sup> عبد القيوم عبد النصر اوغلى. نموذج، ۱۴ بیت.

<sup>32</sup> ع. ابراهيموف. ياكاتاتار تدهه بى تلى نذك برنچى باسقچلار ندا. ق. ناصرى مجموعاسى. قزان، ۱۹۲۲، ۱ ال ۱ بیت.

<sup>33</sup> عبد الرحمن توفيق بن محمد جان. صرف تركى. قزان، ۱۹۰۰. عبیدالله محمد فیضی. قواعد تركیه. قزان. ۱۸۹۸. محمد سلیم امید بایف. تاتار نحوسى نذك مختصرى. ۱۹۰۰.

<sup>34</sup> М. Умитбаев еще продолжает регламентировать эту форму: محمد سلیم امید بایف. تاتار نحوسى نذك، ۲۹ بیت.

<sup>35</sup> Хотя М. Умитбаев еще продолжает регламентировать и эти архаичные формы, см.: محمد سلیم امید بایف. تاتار نحوسى نذك، ۲۷—۲۸ بیت.

Форма -уртуп встречается и у А. Троянского, см.: А. Троянский. Краткая татарская грамматика, стр. 55.

<sup>36</sup> عبد القيوم النصرى. قواعدى كيتابت، ۲ بیت.

<sup>37</sup> Там же, стр. 5.

<sup>38</sup> عبد القيوم عبد النصر اوغلى. لهجه تاتارى. جلد اول. قزان، ۱۸۹۱، ۳—۲ بیت.

<sup>39</sup> عبد القيوم عبد النصر اوغلى. قواعدى كيتابت ۴، بیت.

<sup>40</sup> Там же, стр. 5.

<sup>41</sup> К. Насыров. Краткая татарская грамматика., стр. III.

<sup>42</sup> Так, Губайдулла Мухаммедфайзи регламентировал именно эти формы:

عبیدالله محمد فیضی. قواعد تركیه، ۳۹ بیت.

<sup>43</sup> عبد القيوم عبد النصر اوغلى. نموذج، ۴۱ بیت.

<sup>44</sup> S. Çagatay. Abd-ül-Kayyum Nasırî (1825—1902). — «Ankara Üniversitesi Dil ve Tarih-Coğrafya Fakültesi Dergisi», Cilt X, sayı 3—4. Ankara, 1952, s. 150—153.

<sup>45</sup> A. S. Levend. Türk Dilinde gelişme ve sadeleşme Evreleri. İkinci Basım. Ankara, TTK basımevi, 1960, s. 296.

<sup>46</sup> عبد القيوم النصرى. قواعدى كيتابت، ۴—۲۴ بیت.

<sup>47</sup> А. Троянский. Указ. раб., стр. 18.

<sup>48</sup> عبد العلام فيض خان اوغلى. تاتار تلى گه قسقه چه علم صرف، ۸—۹ بیت.

<sup>49</sup> عبد القيوم النصرى. قواعدى كيتابت، ۶—۱۶ بیت.

<sup>50</sup> Там же, стр. 24.

<sup>51</sup> عبد القيوم عبد النصر اوغلى. لهجه تاتارى. جلد اول، ۷، ۱۱، ۱۳ بیت.

- 52 ف. كريمى. آندان—بوندان. اورنبورع. ۱۹۰۶، ۳۳—۳۶ بيت.
- 53 معمحمد سليم اميدبايف. تاتار نحو سى نذك مختصرى، ۱ بيت.
- 54 ع. ابراهيمف. تاتار ايملاسندە ياكما آغملار، «آڭ»، ل ۱۹۱ ايل، ۱۸ — ۱۹ سانلار ۳۲۹ بيت. ع. ابراهيمف. تاتار صرفلارى. «آڭ»، ل ۱۹۱، ۲۱ — ۲۲ سانلار ۳۷۹—۳۸۰ بيت.
- 55 عبد القيوم عبدالنصر اوغلى. فواكه الجلساء، ۹۴ ل بيت.

56 Приведем их полностью. Это прежде всего случаи фиксации параллельных с общенародным языком форм: *çuşu* рядом с общенародным *şuşu* 'этот', формы дательного падежа местоимений *anğyag* 'этому', *şunğyag* 'тому' наряду с общенародными *anğa*, *anğya*, *şunğa*, *şunğya*, усеченной формы глагола будущего времени изъявительного наклонения 1-го лица единственного числа *-ağum* (*jazağum* 'буду писать') рядом с ее нормированной полной формой *jazağumun*, присоединение частицы 2-го лица единственного числа *-m* к основе глагола (*itämşen* рядом с *itäşenmü*), единичные случаи монофтонгизации дифтонга *öj* в *ü* в слове *ügä* 'похлебка', веларизация в слове *taşu* вместо литературного *taşe* 'кошка', замена в ряде слов аффикса *-uj* настоящего времени изъявительного наклонения дифтонгом *-aj* (*jazmaj* вместо *jazmuj* 'не пишет'). Эти данные представляют значительный интерес для исторической диалектологии и истории татарского языка, некоторые из них (например, *-aj*) подтверждаются записями рукописных песенников.

57 Примеры из нурлато-кайбицкого подговора взяты нами из статьи: *Н. Б. Бурганова*. Особенности говора татар нагорной стороны ТАССР. — В сб.: «Материалы по диалектологии». Казань, 1955, стр. 35—42.

58 Хотя и отмечал, что «в здешнем наречии для 2-го лица употребляется *-byz* (*jazabyz* 'когда-то написали')». — *К. Насыров*. Краткая татарская грамматика., стр. 21, 23. А. Троянский зафиксировал аффиксы принадлежности *-muz* (*kitabumuz* 'наша книга') и сказуемости *-byz* (*jazabyz* 'пишем').

59 Как и у предшествовавших авторов.

60 О лексикографической деятельности *К. Насыри* и его месте в истории татарской лексикографии см.: *Н. К. Дмитриев*. Каюм Насыри как филолог. — В сб.: «Каюм Насыри (1825—1945)». Казань, 1948, стр. 45—55; *В. Хангилдин*. Каюм Насыри һәм татар лексикографиясе. — Там же, стр. 78—91.

61 عبد القيوم النصر. قواعدى كيتابت: ۴ بيت.

62 عبد القيوم عبدالنصر اوغلى. فواكه الجلساء. ۸۳ ل ۹۳ ل بيت.

63 عبد القيوم عبدالنصر اوغلى. انموزج، ۲۴—۲۶ بيت.

64 Анализу парных слов *К. Насыри* в «Энмюзядж» посвятил самостоятельный раздел (стр. 84—85).

65 Журнал «Деятель». Казань, 1897, № 3, стр. 202.

66 عبد القيو عبدالنصر اوغلى. حسابلق ۱۸۹۹، ۲—۳ بيت.

67 ع. بن محمد جان. نمونه حساب. قزان، ۱۸۹۱ ع. صالح. اصول صوتية

حساب. قزان، ۱۸۹۲. محمد ضيا! بن بختيار. قوانين الحساب قزان، ۱۸۹۸.

68 См. рецензии на них *Н. Ф. Катанова* в журнале «Деятель», 1897, № 1, стр. 60; 1899, № 5, стр. 247.

69 Журнал «Деятель», 1900, № 10, стр. 337.

70 В 1886 г. он опубликовал «Татарско-арабско-латинский терминологический словарь лекарственных трав», содержащий 313 терминов. — *عبد القيوم عبدالنصر اوغلى*.

• *Калиндар ۱۸۸۷* يلغه. *قزان، ۱۸۸۶*، «Словарь к книге „Цветы и травы“».

عبد القيوم عبدالنصر اوغلى. گلزار و چمنزار كيتابنه لعات، قزان، ۱۸۹۴،

71 عبد القيوم عبدالنصر اوغلى. لجه تاتارى. جلد اول، ۲ بيت.

72 Вклад *К. Насыри* в татарскую лексикологию и терминологию всесторонне освещен в работах: *Ш. Рамазанов*. Каюм Насыри — татар әдәби теленә нигез салучы. — В сб.: «Каюм Насыри (1825—1945)», Казань, 1948, стр. 62—77; *Ф. С. Фасеев*. Татар телендә терминология. Казань, 1969.

<sup>73</sup> عبد القيوم النصرى . قواعدى ليسانى عرب . قزان ، ۱۸۹۶ .

<sup>74</sup> عبد القيوم النصرى . قواعد قراءت روسيه . قزان ، ۱۸۸۹ . عبد القيوم عبد النصر اوغلى . نمونه ياكه انموذج . قزان ، ۱۸۹۱ .

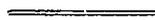
<sup>75</sup> عبد القيوم عبد النصر اوغلى . كاليندار ۱۸۸۳ . يلغه . قزان ، ۱۸۸۲ ، ل ۲۸-۲ بيت .

<sup>76</sup> عبد القيوم النصرى . قواعدى كيتابت . ۸ بيت .

<sup>77</sup> عبد القيوم عبد النصر اوغلى . كاليندار ۱۷۹۳ يلغه . قزان ، ۱۸۹۲ ، ۳۴-۳ ل بيت .

<sup>78</sup> *H. Катанов*. Полезно ли пить чай? — В журнале «Деятель», 1897, № 1, стр. 48; *его же*. Материалы к изучению казанско-татарского наречия, часть 1. Казань, 1898;

ع . ابراهيموف . باشلانغچ . — «ق . ناصرى نناك موڭارچى باسلاماعان ته سهر — لرى مجموعاسى» . قزان ، ۱۹۲۶ ، ۳-۴ بيت .



## СООБЩЕНИЯ, ОБЗОРЫ

П. И. КУЗНЕЦОВ

### АСПЕКТ И АКЦИОНАЛ В ТУРЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

(К ВЫХОДУ В СВЕТ МОНОГРАФИИ Л. ЙОХАНСОНА)

В 1971 г. вышла в свет монография Ларса Йохансона «Вид в турецком языке»<sup>1</sup>. В работе, целиком построенной на принципах структуральной лингвистики, рассматриваются сложные теоретические вопросы. Автор широко использует современный терминологический аппарат, вводит новые термины, приводит цитаты почти из трехсот работ на латинском, итальянском, испанском, датском, польском, болгарском, чешском, русском, узбекском и других языках. В частности, Л. Йохансон досконально изучил почти все, что издано на русском языке по интересующей его теме.

Еще одна особенность монографии состоит в том, что автор подтверждает свои выводы турецкими источниками (свыше ста названий книг), изученными им весьма скрупулезно.

Метод. В основе грамматических взглядов Л. Йохансона лежит концепция М. С. Руипереца<sup>2</sup>, а также старшего коллеги автора профессора Ф. Рундгрена, изложившего свою теорию в монографии «Абрис учения о видах»<sup>3</sup>, где попутно затрагивается и вопрос о видах турецкого глагола<sup>4</sup>. Взгляды этих двух ученых близки, в свою очередь, к теоретическим постулатам основателей пражского лингвистического кружка<sup>5</sup> и некоторых других теоретиков (среди которых нельзя не упомянуть Л. Ельмслева); автором «Aspekt im Türkischen» эти взгляды несколько модифицированы.

Каждая отобранная для анализа единица получает ту или иную характеристику, включаясь в привативные оппозиции с другими единицами инвентаря. Оппозиция, как показал еще Н. С. Трубецкой<sup>6</sup>, не есть просто различие; она предполагает минимальное различие, то есть — тождество за исключением одного релевантного качества, и если какое-то качество признается релевантным, то необходимо определить отношение к нему остальной части инвентаря. Если единицу А отличает от единицы Б обладание релевантным свойством х, то для Б характерно от-

<sup>1</sup> *Lars Johanson. Aspekt im Türkischen. Vorstudien zu einer Beschreibung des türkischen Aspektsystems.* Uppsala, 1971, 334 стр.

<sup>2</sup> *M. S. Ruipérez. Estructura del sistema de aspectos y tiempos del verbo griego antiguo.* — «Theses et studia philologica Salmanticensia», 7. Salamanca, 1954.

<sup>3</sup> *F. Rundgren. Das althebraische Verbum. Abriss der Aspektlehre.* Uppsala, 1961; теоретическая часть — стр. 21—78; см. также другие его работы.

<sup>4</sup> Там же, стр. 73—76.

<sup>5</sup> Более всего Н. Трубецкого и Р. Якобсона.

<sup>6</sup> См.: Н. С. Трубецкой. Основы фонологии. М., 1960, стр. 75; см. также «Die phonologischen Systeme». *Travaux du Cercle Linguistique de Prague*, 1931, стр. 97 и сл.

существом  $x$  ( $\bar{x}$ ). Совместное обладание свойством  $y$  может, с другой стороны, отличать **A** и **B** от какой-нибудь единицы **B**. Если, таким образом, **A** характеризуется необходимо и достаточно качествами  $x$  и  $y$ , то  $xy$  представляют идейное содержание этой единицы. **B** обладает содержанием  $xy$ , а **B** —  $\bar{xy}$ . Так, каждый данный комплексный символ, с одной стороны, является обобщенным итогом всех релевантных свойств какой-либо единицы, а с другой — указывает на оппозиционные отношения соответствующей единицы к другим единицам инвентаря, то есть позволяет понять общую иерархическую структуру (см. стр. 29 и сл.).

Поскольку значение маркированного (отмеченного) члена **A** представляет собой спецификацию немаркированного члена **B** (отношение включенности:  $A \subseteq B$ ), то **B** является репрезентантом коррелирующих пар и представляет не только негативную реализацию идеи ( $\bar{x}$ ), но также и ее нейтральную реализацию ( $\bar{\bar{x}}$ ), то есть как подчеркнутое отрицание специального отличия (в первом случае), так и подтверждение общей категории (во втором)<sup>7</sup>. Иначе говоря, для привативной оппозиции характерна асимметрия, что исключает изоморфное соответствие — one-to-one — между выражением и содержанием.

Из сказанного вытекает, что ни одна единица инвентаря не может получать характеристику *in se* — в себе самой<sup>8</sup> и что любые обобщения типа «во всех (или: в некоторых) тюркских языках» не являются строго научными, поскольку, не зафиксировав всей иерархии привативных оппозиций для каждого отдельно взятого языка, невозможно констатировать тождественность двух или более структур (не говоря уже о том, что вероятность такой полной конгруэнтности ничтожно мала). Автор указывает, в частности (стр. 43 и сл.), что свойства двух сходных единиц в двух языках могут быть неидентичными, поскольку различными являются, во-первых, число единиц инвентаря, во-вторых, — оппозиции, в которые входят сравниваемые единицы, в-третьих, — направления асимметрии этих оппозиций и, наконец, в-четвертых, — конфигурации оппозиций. Поэтому констатация функциональной солидарности сравниваемых единиц не позволяет сделать вывода, что «солидарные» категории идентичны. (Например, если в близкородственном турецком азербайджанском языке в сфере прошедшего времени, помимо таких традиционных «оппонентов», как *-du* и *-muş*, представлена еще и отсутствующая в турецком языке форма на *-urğ*, то вопрос о совмещении систем сразу же отпадает).

Понятно, что с позиций рассматриваемой теории бессодержательными оказываются такие понятия, как «основное значение» (какой-либо формы)<sup>9</sup> и ее «побочные значения», причем и то, и другое устанавливается обычно à priori, вне четких (однозначных) определений. Так, например, аорист турецкого языка (форма *-ir/-ar*) не имеет, по Л. Йохансону, равным счетом никаких «значений» (как не выражает и никаких идей), поскольку во всех оппозициях, в которые входит эта единица, она пред-

<sup>7</sup> Классический пример: тигр (**B**) в противопоставлении тигрице (**A**) и вне этого противопоставления (то есть как родовое понятие).

<sup>8</sup> В этом утверждении автор отчасти расходится с Ф. Рундгреном, по мнению которого в условиях нейтрализации, когда оппозиция устраняется (то есть возвращается к исходному «нулю») и остается лишь главное (оно же — исходное) значение (*Archivateur*) [например, тигр как родовое понятие; ср. еще муха или жук; корова (**B**) и бык (**A**); но ср. баран (?) и овца (?); ср. еще брат и сестра], таковое может быть определено *in se* (см.: Указ. раб., стр. 70).

<sup>9</sup> К вопросу о различии между понятиями *главное, основное* и *общее* значение см.: R. Jakobson. *Beitrag zur allgemeinen Kasuslehre*. — «Etudes dédiées au quatrième congrès de linguistes». Prague, 1936, стр. 244.

ставляет немаркированный член. Речь может идти, следовательно, лишь о конкретных проявлениях отрицательной и нейтральной функций слабого (неотмеченного) члена противопоставления. Что касается факторов контекста, систематически учитываемых автором, то они рассматриваются как варьирующиеся, в противовес константам системы — основным видовым идеям.

Конечно, константные идеи, абстрагируемые автором монографии, также имеют субъективный оттенок и, в конечном счете, базируются на тщательном наблюдении за функциональным использованием трактующих форм. В этом смысле теоретические построения, в основу которых положена методика бинарных оппозиций, можно считать вторым этапом грамматического анализа (и синтеза), а его исходной ступенью — все те же изолированные наблюдения и следующие за ними постепенно уточняемые индуктивные выводы<sup>10</sup>.

**Основные понятия.** Автор уточняет ряд терминов, относящихся к теме исследования (см. индекс в конце книги).

Для обозначения внеязыкового референта, к которому относится глагольная предикация, в работе использованы термины *явление* (Ereignis) или *факт* (eventum). В каждом явлении могут быть зафиксированы *течение* (cursus) и два *предела*: *инициаль* (начальный пункт) и *финаль* (конечный пункт). В принципе каждое явление<sup>11</sup> обладает также определенным *местом во времени* (Zeitstelle).

В рамках языковой системы явлению (факту) соответствует *действие* (Tätigkeit) или *акт* (actio), обозначаемые той или иной *лексемой*. Под лексемой понимается глагольная основа — как минимальная, так и снабженная аффиксами пассива, каузатива, возможности, отрицания и акционала (формы *-iver-*, *-edur-*, *-egel-* и др.). Место во времени какого-либо действия обозначается обычно категорией *грамматического времени* (Tempus), а временная (zeitliche) последовательность нескольких действий — линейная последовательность нескольких действий — линейной последовательностью временных (темпоральных) форм (ср. *пришел, увидел, победил*).

Автор говорит о *пункте ориентации* (Orientierungspunkt), чаще всего (хотя и не всегда) совпадающем с моментом речи<sup>12</sup>, и *пункте локализации* (Lokalisierungspunkt), который выявляется соответствующей временной формой или же контекстом. Интерес говорящего может быть сосредоточен либо на цепи явлений, каждое из которых «просматривается» в пункте локализации (типа: *пришел, увидел, победил*), либо на каком-то изолированном факте в его связи с моментом речи, то есть — пунктом ориентации (*вы поправились*). Таким образом, выявляются два основных «измерения» (Dimension) явлений прошлого — *историческое* и *диагностическое*.

Специальные обстоятельственные слова, уточняющие место явления во времени, автор называет *локализаторами*, причем «точка» временного континуума (*в три часа*) обозначается термином *локус*.

<sup>10</sup> Методика бинарных оппозиций (в одной из модификаций) применялась в работах советских тюркологов (в частности, Д. М. Насилова, Э. А. Груниной и др.; см.: Э. А. Грунина. Соотношение форм настоящего и будущего времени по памятникам турецкого языка XIII—XVI вв. — В сб.: «Вопросы тюркской филологии». М., 1966, стр. 75 и сл.), однако на материале турецкого языка, насколько нам известно, впервые последовательно применена Л. Йохансоном.

<sup>11</sup> По-русски, впрочем, иногда «удобнее» все же говорить о *действии*.

<sup>12</sup> Ср. еще *ось ориентации* (Orientierungssachse), которая может быть обращена в прошлое и при отсутствии формальных показателей, например: *Eflátun diyor ki...* Платон утверждает:...

Как и многие другие исследователи, Л. Йохансон считает, что основной категорией турецкого глагола — впрочем, не только турецкого — является *вид*, или *аспект* (Aspekt), который не следует смешивать с видом в смысле Aktionsart (назовем его *акционал*<sup>13</sup>). Такие значения, как длительность или быстрота, однократность или многократность действия и т. п., относятся, как правило, к числу акциональных и с позиций видовой (аспектной) классификации нерелевантны. Разумеется, релевантное для одной языковой системы может быть несущественным для другой. Так, значение предельности (видовой результативности), являющееся, как мы полагаем, тем смысловым центром, вокруг которого вращается вся видовая система русского глагола<sup>14</sup>, семиологически несущественно с позиций турецкой аспектологии. Однако несовместимость видовых систем русского и тюркских языков, как справедливо подчеркивает автор монографии, не может служить основанием для отрицания категории вида применительно к этим языкам или трактовки термина *вид* лишь в значении *акционал* (Aktionsart).

Приступая к структуральному описанию видов турецкого глагола, Л. Йохансон указывает (стр. 16 и сл.), что объектом анализа являются сегменты (морфемы и их комбинации), которые, присоединяясь к глагольной основе и эвентуально снабженные личными аффиксами, образуют *окончательную* (*финитную*) глагольную форму. Финитные формы (в сочетании с лексемой, к коей они присоединены) — это синтаксический минимум предложения (глагольного), то есть необходимое и достаточное условие существования такового<sup>15</sup>.

Финитные морфемы обычно располагаются между лексемой и концом предложения (точкой). При этом отметим, что элемент *i-* в качестве лексемы не рассматривается. Перифрастические формы глагола<sup>16</sup> Л. Йохансон склонен трактовать не как грамматические вспомогательные элементы, а как продолжения лексем; подлежат, однако, изучению сегменты *-miş*, *-ir* и *-mekte* этих образований как формально близкие соответствующим финитным единицам. Тем не менее, подчеркивает автор, непосредственное сравнение тех и других (например, формы *-miş* с тем же элементом в *-miş oldu*) неверно, ибо лишь финитные морфемы, благодаря их принципиальной интеркоммутабельности (взаимозаменяемости), обладают релевантностью в качестве видовых и временных форм.

<sup>13</sup> В статье «Категория вида в турецком языке (видовые аспекты)» («Иностранные языки», № 2. М., 1966, стр. 217 и сл.) мы подразделяли видовые образования на *виды*, *подвиды*, *видовые подсистемы* (в том числе *видовые разряды*, входящие в эти подсистемы); *видовые классы* и *видовые аспекты* (где термин «видовой» употребляется в смысле Aktionsart). Термин «видовые аспекты» (имелись в виду формы типа *-iver-*, *-ip dur-* и другие, которые мы противопоставляли «модальным аспектам»: *-ebil-*, *-eme-*) вряд ли можно признать удачным, ибо он не учитывает главного членения категории вида — на *аспект* (или *собственно вид*) и *акционал*. В русской лингвистической литературе начиная с 1962 г. употребляется термин *способ действия* (см.: Сб. «Вопросы глагольного вида». М., 1962, стр. 7, 36 и др.), но «акционал» ввиду своей лаконичности представляется нам более удобным для употребления.

<sup>14</sup> Эту мысль подробно обосновывал С. Карцевский. См.: S. Karcevski. Systeme du verbe russe. Prague, 1927, стр. 95 и сл. См. также выдержки из этого сочинения в «Вопросах глагольного вида».

<sup>15</sup> Второе ограничение, вводимое автором, связано с дефинициями содержательного порядка: в инвентарь включаются лишь такие финитные формы, которые сообщают или вопрошают (то и другое — утвердительно или отрицательно) о пространственно-временных фактах, то есть индикативные формы. Исключаются формы модального значения: *-se*, *-meli*, *-ecek* (см. ниже наши соображения по этому поводу).

<sup>16</sup> См., в частности, схему на стр. 20, в которую включены формы, зафиксированные в работе: М. С. Михайлов. Исследования по грамматике турецкого языка. Перифрастические формы турецкого глагола. М., 1965.

Точно так же можно выявить большое семантическое сродство, но отнюдь не идентичность между формами на *-ir* или на *-miş* в предикативной позиции и в четырех других «функционально-релевантных» позициях [2) атрибутивной, 3) адвербиальной (адъективной), 4) бахуврихиа-атрибутивной и 5) полу-предикативной], которые автор обозначает цифрами, беря за основу следующий пример (см. стр. 25): *Karısı ölmüş adam eve gelerek orada bekleyen çocuğu uyuyor buldu* <sup>4</sup> 'Человек, у которого умерла жена, придя домой, застал ожидавшего там ребенка спящим'.

Автор исследует в основном первую позицию, но попутно делает ряд интересных замечаний по поводу форм, выступающих в позициях 2., 3. и некоторых других (см. стр. 67 и сл.) — с учетом того, что, например, единицы *miş* и *ir* встречаются во всех позициях, кроме третьей; единицы *di* и *en* — не интеркоммутабельны (первая встречается в 1. и 5., вторая — во 2. и 4. позициях); ни одна из единиц инвентаря не коммутабельна в отношении форм, характерных для третьей позиции.

**Вид и время.** Автор монографии учитывает, разумеется, тот факт, что единицы, включаемые в инвентарь, имеют не только видовое, но и временное значение, и в главе второй (Время и типы речи, стр. 47 и сл.) он вводит понятия *tunc* 'тогда' и *nunc* 'ныне', первое из которых определяет как отключение актуальности, что чаще всего следует понимать как раз во временном смысле<sup>17</sup>, то есть как предшествование (*Anteriorität*). Второе (*nunc*) является, естественно, немаркированной единицей этой оппозиции. Таким образом, обнаруживаемые в инвентаре презентные морфемы *ir*, *iyor* и *mekte* равноценны во временном отношении, поскольку у них отсутствует формальный показатель *idi* и смысловой показатель *tunc*.

Немаркированные единицы оппозиции предшествования в их негативной реализации являются действительными, то есть относятся к «я — здесь — теперь» говорящего<sup>18</sup>, например: *işte geliyor* 'вот он идет', *öyle sanırım* 'я так полагаю' и т. п. Также к дейксису относит автор несистематические функции презенса [типа *dört altı daha on eder* 'четыре плюс шесть (делает) десять', *yarın geliyor* 'он прибывает завтра' — «программатическая» функция]. Нейтральная реализация названной оппозиции дает недейктическое употребление презенса, например: *Eflâatun diyor ki...* 'Платон утверждает:...'.

К единицам, которые — независимо от видовых идей — выражают предшествование, автор, в противовес мнению Л. Базена, причисляет *di* и *miş*<sup>19</sup>. Последняя единица в сочетании с *idi* (*-mişti*) имеет значение преждепрошедшего времени (*Vorvergangenheit*), что может быть представлено в виде следующей схемы:

<sup>17</sup> Другие исследователи (см., например: *F. Rundgren. Intensiv und Aspektkorrelation. Uppsala, 1959, стр. 11*) трактуют *nunc* и *tunc* исключительно в этом смысле; наш автор исходит, однако, из того, что, например, сослагательная форма *-irdi* — (*şimdi gideirdim, fakat...* 'я (сейчас) пошел бы, но...' — не является формой прошедшего времени.

<sup>18</sup> О «я, здесь, теперь» см.: *K. Bühler. Das Strukturmodell der Sprache. — «Etudes dédiées au quatrième congrès...», стр. 9 и сл.*

<sup>19</sup> Л. Базен, имея в виду примеры типа *Anladık* 'понятно', *Hatırladım* 'вспоминаю' («Je m'en souviens») и т. п., полностью отвергает наличие претеритального значения у названных единиц (см.: *L. Bazin. Les classes du verbe turc. — «Bulletin de la Société de linguistique de Paris». t. 61, 1966, стр. 271*).

$$\begin{array}{c} mi\check{s} \qquad \qquad \qquad idi \\ L_1 \text{ --- } \text{---} \text{---} O_1 \\ L_2 \text{ --- } \text{---} \text{---} O_2 \end{array}$$
 (где O — пункт ориентации, а L — пункт локализации)

Правда, при историческом повествовании роль  $O_1$  (то есть момента речи) минимальна, поскольку рассказ с самого начала имеет *tunc*-ориентацию [Ср. *Buraya müdürle adamakıllı kavga etmeğe gelmişti. Bu anın yaklaştığını hissediyordu* (Sabahattin Ali, İçimizdeki Şeytan. İstanbul, 1940, стр. 30) 'Он пришел сюда устроить скандал заведующему (и теперь) чувствовал, что этот момент приближается']; зато в высказываниях диагностического типа 1-й пункт ориентации является существенной «точкой отсчета», например: — *Sizi burada ilk defa görüyorum. — Evet, böyle yerlere hiç gelmemiştim... Yalnız bu akşam (ilk defa geldim)...* (Sabahattin Ali, Kürk Mantolu Madonna (далее — КММ), İstanbul, 1943, стр. 83) '— Я вас впервые здесь вижу. — Да, я никогда не бывал в таких местах... Только сегодня вечером (впервые пришел)...' [Здесь  $O_1$  — момент коммуникации,  $O_2$  — тот момент («сегодня вечером»), когда говорящий появился «здесь» и, начиная с которого, он может сказать о себе: *İşte gelmişim* 'Ну, вот, я пришел' (тогда как до этого *gelmemişim* 'не приходил')].

Автор указывает, что *mişti* может также употребляться с «абсолютным» временным значением, то есть в таком контексте, который не предполагает наличия  $O_2$ <sup>20</sup> (см. в том же КММ: — *Babanız neci idi? dedim. — Söylememiş miydiniz? Avukatı* (стр. 108) '— Кто был ваш отец? — спросил я. — Разве я не говорил а? Адвокат.')

Переходя к единице *diydi*, Л. Йохансон справедливо подвергает критике догматический взгляд, согласно которому названная форма также является преждепрошедшим временем, хотя плюсквамперфектная интерпретация ее, как правило, исключена. Он указывает на следующие (интуитивно устанавливаемые) отличительные признаки формы на *diydi*: 1) обозначаемое ею явление во временном отношении (по большей части) лежит далеко позади; 2) результат действия как в момент коммуникации, так и в каком-то — обычно, впрочем, не выявляемом контексте, — пункте  $O_2$  недействителен; 3) предикация, как правило, имплицитно дополняет «как вы, может быть, помните» или «насколько я могу вспомнить»; 4) сообщение содержит намек на неопределенность подчас даже — сказочную неустойчивость<sup>21</sup>. В заключение этого раздела отмечается, что установление релевантных признаков единицы *diydi* является проблемой не временного, а аспектуального плана.

В разделе 8 второй главы монографии значительный интерес представляет рассмотрение вопросов о так называемом «предикативном причастии» (Р. Годель) и «дейктических цитатах». Автор остроумно доказывает, что в предложениях типа *kollarımı uzatmış, eğilmiş gidiyordum* 'я шел, вытянув руки, согнувшись' нет «предикативного причастия», а наличествует комбинация *mişti* (с отброшенным *idi*) + *iyordu*; при обрат-

<sup>20</sup> Этот факт, в других терминах, отмечен и А. Н. Кононовым [см.: А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.—Л., 1956, стр. 241. Правда, некоторые из приводимых здесь примеров допускают трактовку в духе вышеприведенной схемы. Вряд ли, например, есть основания ссылаться на «субъективные воззрения говорящего» при употреблении преждепрошедшего времени в контексте типа *Baban yoktu. Annam ölmüştü* 'Отца у меня не было. Моя мать (в то время уже умерла)'].

<sup>21</sup> Последнее кажется нам сомнительным. Стоило отметить также изолированность регистрируемых единицей *diydi* фактов и в связи с этим явное предпочтение ею диалогической речи монологу (на что, впрочем, намекает пункт третий).

ном допущении трудно объяснить неосуществимость (в этом и аналогичных случаях) коммутации *iyordu* → *di*. В свою очередь, дейктические цитаты (то есть вставки в повествование прямых высказываний или, чаще, мыслей, например: ...*duymuyorum zanneitti* 'он думал: «я не чувствую...»' или 'он думал, что [он] не чувствует...') не следует смешивать с единицами инвентаря в пятой синтаксической позиции, например: *kendini... gençleşir hissediyordu* 'чувствовала себя помолодевшей...' (Цитаты здесь нет!).

Рассмотрев в следующем разделе основные типы речи (синхронное сообщение, историческое *tunc*-повествование, базирующееся на единицах 1) *di*, 2) *miş*, 3) *miştir*), Л. Йохансон в конце второй главы (а также в начале пятой) подробно останавливается на до сих пор слабо изученном вопросе о недейктическом употреблении форм презенса («Недейктическое *nunc*-изображение»). Анализ говорит о том, что все три презентные формы (*-yor*, *-mekte*, *-ir*) могут употребляться недейктически. Причем, если при дейктическом употреблении в сфере настоящего (Ø) *iyor* обозначает «реальное» действие, а *ir*, так сказать, «фикцию» [в сфере прошедшего (P=регресс) им соответствуют *di* и *miş*], то при недейктическом изображении обе презентные единицы одинаково употребляются для передачи реальных действий. Соотношение форм при дейктическом рассказе на *di* и недейктическом повествовании с *ir* и *iyor*-базисами представляется в следующем виде:

<i>di</i> -базис:	<i>mekteydi</i>	<i>iyordu</i>	<i>irdi</i>	<i>di</i>	<i>mişti</i>
<i>ir</i> -базис:	<i>mekte (dir)</i>	<i>iyor</i>	<i>mekte</i>	<i>ir</i>	<i>ir</i> <i>miş (tir)</i>
<i>iyor</i> -базис:	<i>mekte (dir)</i>	<i>mekte (dir)</i>	<i>ir</i>	<i>iyor</i>	<i>miş (tir)</i>

Остановимся на одном примере (*ir*-базис): *Ben bir lokantada oturmuşum ve öğle yemeği yiyorum. Bu sırada birisi gelir, bön bön gülümser ve sorar...* 'Я (как-то) сижу (сел, уселся) в одной столовой и обедаю. В это время приходит какой-то тип (некто), глупо улыбается и спрашивает...' (При опоре на *di*-базис было бы: *oturmuş(tum)*, *yiyardum*, *geldi*, *gülümsedi*, *sordu* — стр. 148).

Интересны примеры смешения разных базисов в одном повествовании, например: *demiş, gider, gözler, ...gelmiş, gidiyo(r), variyo(r)* (стр. 84).

**Идеи А, В, С, Д.** В третьей и последующих главах автор рассматривает основные аспектные идеи глагольной системы турецкого языка, конкретные функции единиц инвентаря и их преломление в акциональных фразах различных типов.

Третья глава посвящена анализу идеи А, каковой является **интерминальность** (внутрипредельность), определяемая как способ субъективного (видового) рассмотрения, который устраняет внешние пределы явления, инициаль и терминаль, то есть обеспечивает рассмотрение действия в его течении — после начала и до завершения (см. стр. 101). Другие исследователи употребляли термины «имперфективность», «курсивность», «незавершенность» (или «незаконченность») и так далее, однако следует признать, что лишь Л. Йохансону удалось дать однозначное определение. Поэтому критика автором перечисленных несколько расплывчатых терминов не лишена основания. Тем более справедливы соображения, касающиеся многократности (итеративности), длительности (дуративности) и так далее, что некоторыми грамматистами без всяких оснований связывается с понятием имперфективности (незавершенности).

Идея А реализуется в виде оппозиции, где маркированным членом являются единицы *iyordu*, *irdi* и *mekteydi* (каждая из которых обладает

качеством *a*), а немаркированным — *-di*. С известными оговорками автор подключает сюда и единицу *miş*. Нам представляется, что в одном ряду с *di* должны были бы занять место такие единицы, как *miş(tir)*, *mişti* и *diydi* — формы, относящиеся к завершённому (законченному) виду (по нашей терминологии)<sup>22</sup>. Приведем пример, где принадлежащие к двум разным временным уровням единицы *di* и *mişti* обе демонстрируют видовую идентичность ( $\bar{a}$ ), будучи противопоставлены интра-терминальной единице *iyordu*:

*Şu kenardaki elma ağacına bakınca omuzuna sert bir şeyin dokunduğunu hissederek gi-bi oldu.*

*Bir gün Hasan erkenden tarlaya giderken omuzuna sert bir şeyin çarpmasıyla: — Ay, diye durmuş sağa bakmış sola bakmış bir şey görmemiş, yoluna düzülmişti, sırtına bir şey daha çarpınca — Oooof Anam! diye hızlı hızlı söylene söylene ilerlemeğe başlamıştı. Ana mı... Yar mı... Anadan mı geçersin yardım mı? Diye sesleniyordu. Hasan bu sesi tanıyordu, bu sesin sahibi dalların arasından gülüyor ve elinde kırmızı bir elmanın bembeyaz diş yerleri görünüyordu.*

*Hasan şimdi bu sesini kulaklarında, o elmanın lezzetini ağzında hissediyordu* (Sadri Ertem, Çıkrıklar Durunca. İstanbul, 1931, стр. 30).

Взглянув на эту яблоню, стоявшую на берегу (ручья), он словно бы почувствовал, как его плеча коснулось что-то твердое.

Однажды, когда Хасан рано утром направлялся в поле, что-то твердое ударило его плечо. Ойкнув, он остановился, огляделся по сторонам, ничего не увидел и пошел дальше. Что-то вновь попало ему в спину. — «Уф, мать (честная)!» — вскричал он и быстро пошел вперед. «Мать или друг? Мимо матери проходишь или мимо подруги?» — слышался голос. Хасан знал этот голос. Обладатель этого голоса смеялся из ветвей, и на красном яблоке, что было у него в руках, виднелся белый надкус (следы зубов).

Хасан и теперь ощущал голос этой девушки у себя в ушах, а вкус того яблока — во рту.

Убедительна критика Л. Йохансоном теории «заменяемости» Е. Кошмидера<sup>23</sup>. Действительно, единица *iyordu* может (в каком-то конкретном случае) заменить собой единицу *di* и наоборот. Но, во-первых, подчеркивает автор, не следует смешивать референтивную идентичность с лингвистической (если можно сказать и о *anda ne yapıyordu?* 'что он делал в тот момент?' и о *anda ne yaptı?* 'что он сделал в тот момент?'), то лингвистически это далеко не одно и то же). Во-вторых, единица *di*, как немаркированная, обладая амбивалентностью (но отнюдь не индифферентностью) к идее *A*, может выступать в нейтральном качестве ( $\bar{a}$ ), но маркированный член оппозиции никакой «нейтральности» проявлять не может (таков один из постулатов теории). Поэтому, если при отсутствии конфронтации допустимо говорить о том, что *di* как бы «заменяет» *iyordu*, то обратное допущение неправомерно.

Значительное место отведено в третьей главе сопоставлению видовой (видо-временной) системы турецкого и русского языков. Заметив, что обследование переводов позволяет говорить о правиле *хт:ут=хр:ур* (то есть: *yazdı:yazıyordu=написал:писал*), автор останавливается на многочисленных случаях, когда *хт=ур* (но не *ут=хр!*)<sup>24</sup>, что противоречит гипотезе о смысловой аналогии турецкой оппозиции русскому противопоставлению: *совершенный вид — несовершенный вид*. Обратив внимание на то, что асимметрия видовых оппозиций в русском и турецком языках имеет разное направление [в русском языке маркированным является

<sup>22</sup> См.: «Категория вида в турецком языке (видовые разряды)». Труды ВИИЯ. Иностранные языки, № 4. М., 1968, стр. 101 и сл.

<sup>23</sup> E. Koschmieder. Das türkische Verbum und der slavische Verbalaspekt (1953). — В сб.: «Вопросы глагольного вида», стр. 382 и сл.

<sup>24</sup> См. схему на стр. 100; ср. схемы в учебниках турецкого языка 1954 и 1970 гг. (П. И. Кузнецов и др.), стр., соответственно, 453 и 262.

х — совершенный вид, в турецком — у (*iyordu* и проч.)), Л. Йохансон пишет: «Таким образом, можно полагать, что *xp* эксплицитно подчеркивает семантическое качество, каковое лишь при случае может выявиться в *xт*. Напротив, ясно подчеркивает *yt* другое, логически противоположное качество, которое подобным же образом может быть при случае представлено через *yp*» (стр. 99). В этом справедливом в целом утверждении известную настороженность могут вызвать лишь слова о «логически противоположном» качестве, поскольку видовую результативность [рассмотрение действия с точки зрения достижения (или недостижения) ожидаемого эффекта], как главную идею русской видовой оппозиции, вряд ли можно логически противопоставить идее интратерминальности, релевантной для турецкой оппозиции *iyordu:di*. Поэтому, сопоставляя видо-временные системы турецкого и русского языков, не стоит переоценивать значения «правила» *xт:yt = xp:yp*, фиксирующего лишь тот (более или менее случайный) факт, что большую часть неинтратерминальных действий (особенно в историческом повествовании) составляют действия результативные, а большую часть нерезультативных действий — действия интратерминальные.

Следующие главы монографии отведены анализу идеи **В** — вопросу о соотношении между единицами *ir(di)*, *iyor(du)* и *mekte(ydi)*, который, несомненно, должен интерпретироваться как чисто видовой (аспектуальный). Подвергнув рассмотрению взгляды грамматистов на значения единицы *ir*, автор монографии показывает недостижимость адекватного описания функций аориста при использовании методов традиционной грамматики, поскольку при этом: 1) аорист, как и все прочие единицы, описывается *in se* (не в оппозиции другим единицам); 2) устанавливается то или иное «значение» аориста (тогда как во всех без исключения оппозициях он выступает как немаркированный член); 3) при выявлении значений доминируют темпоральные (вместо аспектуальных) дефиниции типа: «вневременная форма» и т. д. Тем не менее следует признать в основном правильными отмечающиеся во многих работах абстрактность, минимум акциональной концентрации выражаемых аористом действий, тенденции к постепенной модализации аориста и выходу его за рамки индикатива.

Характеризуя далее единицу *iyor* — выразителя идеи в оппозиции с аористом, — Л. Йохансон вводит понятие прагнации (*Prägnanz*), или средоточия, что и составляет идею **В**. Под прагнацией мыслится своего рода сгусток акциональной детерминации, то есть наличие некоего «центра тяжести» явления как максимума его акциональной интенсивности. Этот центр тяжести нередко может быть понимаем как своего рода фокус, на котором и сосредоточивается внимание участников коммуникации (ср. *o anda kime benziyordu?* 'на кого он походил в (э) тот момент?'). Однако актуализация явления может быть и ограниченной — так называемая вторая степень актуализации [ср. *kime benziyor(du)?* 'на кого он походит (походил)?' или *oda avluuya bakıyor* 'комната выходит во двор'].

Аорист как немаркированный член может обладать нейтральным качеством в отношении прагнации ( $\bar{v}$ ), ср. *ayda iki defa mektuplaşırım* 'я переписываюсь два раза в месяц', а также отрицательным качеством ( $\bar{v}$ ) — сюда автор относит разнообразные модальные функции аориста, включая его проспективные функции, ср. *dövme ölür* 'не бей, а то может помереть (помрет)'.

Причину появления таких единиц, как *iyor(du)* и *mekte(ydi)*, автор видит в постепенной генерализации (обескурсивации) единиц инвентаря, которые прежде могли обозначать и явление в его фокусе. Такой про-

цесс легко проследить на примере аориста; нечто аналогичное происходит ныне и с формой на *-yor*, на смену которой может прийти единица *mekte(ydi)*. Однако в настоящее время эти две единицы принадлежат к разным типам и стилям речи (*mektedir*, как и *miştir*, представляет письменно-канцелярскую речь); употребляясь в одном и том же стиле речи, *iyor* и *mekte* редко конфронтируют. Л. Йохансон указывает на некоторые особенности сравниваемых форм (так, первая из них используется преимущественно для передачи динамических действий и показа так называемого «переднего плана» событий, для второй — характерны статика и «задний план»), но полагает — думается, не без оснований, — что различие между названными формами нерелевантно. Именно в этом случае можно говорить о «заменяемости» в том смысле, который имеет в виду Е. Кошмидер. Впрочем, в обычном рассказе при всех обстоятельствах возможна лишь замена *mekteydi* → *iyordu*, но не наоборот. Разумеется, при описании «разноплановых» (относящихся к разным субъектам) действий удобнее употреблять две формы, например:

*Ömer anasını seviyordu. Efe, bunu, yüreği tırmalana tırmalana duymaktaydı* (Mahmut Yesari. Bağrı Yanık Ömer, 1930, стр. 51) 'Омер любил мать. Эфе с болью в сердце чувствовал это'. Ср., впрочем: *Jülide'yi seviyordum. O, gündün güne iyileşiyordu* (стр. 173) 'Я любил Жюлиде. Ей день ото дня становилось лучше'.

Л. Йохансон не мог, конечно, не обратить внимания на один особый случай употребления *iyordu*, где, казалось бы, также происходит какая-то «замена», причем не вполне закономерная, поскольку *iyordu* функционально сближается с *di*. Например:

*...küçük bir kilise görünüyordu. Kiliseye yaklaştıkça yanımda hızlı hızlı konuşarak gelen matmazeller... hürmetkâr ve dalgın susuyorlardı. Nihayet birçok taş merdiven çıkarak kiliseye yükseliyorduk.* (Halide Edip Adivar, Handan (далее — Han.), 7. başılış, İstanbul, 1955, стр. 19) '...в и д н е л с я небольшой собор. По мере приближения к собору оживленно болтавшие рядом со мной девицы... в почтительной задумчивости замолкали. Наконец, преодолев ряд каменных лесенок, мы поднялись в собор'.

Очевидно, что как в оригинале, так и в переводе естественнее звучало бы *yükseldik* (вместо *yükseliyorduk*) и поднялись (вместо поднялись). Автор объясняет это стилистическое использование *iyordu* переносом фокуса интрагерминального действия вдоль временной линии (стр. 265). Именно при такой «живописной» курсивации, считает он, можно говорить о *iyordu*, как о «настоящем в прошедшем» (ср. синхронное сообщение в Ø-сфере).

Рассматривая функциональную реализацию идей А и В, автор стремится учесть лексическое значение глагольных основ. Он выделяет два класса лексем: первый — терминативный, или трансформативный (Т), подразделяемый на подклассы Тф (финаль-трансформативный) и Ти (инициаль-трансформативный); второй — нетрансформативный (Н). Действие типа Т считается совершившимся только в том случае, если достигнута определенная эволюционная вершина, конечный пункт (*Desinenz*); лексемы этого класса отрицательно реагируют на тестовое испытание: — *x-di mi?* — *Evet, x-di ve hâlâ x-i-yor* '— Он х-ал? — Да, х-ал и все еще х-ает' (ср. такие глаголы, как *öl-* 'умереть', *yak-* 'сжечь', *al-* 'взять' и т. п., в противоположность *oyna-* 'играть', *bekle-* 'ждать', *uyu-* 'спать' и проч.). Однако терминативных (результативных) глаголов в чистом виде в турецком языке нет. При указании на квантитативность (ср. — серийность; ср. *birkaç defa al-* 'брать несколько раз'), меру (ср. *bir müddet* 'некоторое время') или локализацию действия истолкование всегда будет нетрансформативным; с другой стороны, определенное огра-

ничение действия (лим — лимитация) может вести к переходу Н → Т, ср.: 1) Нф: *süt içti* — '(вы)пил молоко'; 2) Нф+сеп (=Нф): *defalarca süt içti* 'много разпил молоко'; 3) Нф+лим (=Тф): *sütünü içti* 'выпил свое молоко'; 4) Нф+лим (=Тф)+мера (=Нф): *bir müddet sütünü içti* 'некоторое времяпил свое молоко'. Поскольку количественность и другие значения далеко не всегда выражены эксплицитно, глубинные различия могут и не находить поверхностно-структурного выражения. В шестой главе автор подробно анализирует закономерности поведения глаголов названных классов в трех позициях (а,  $\bar{a}$  и  $\bar{a}$ ) главной оппозиции турецкой видовой системы.

Если интрагерминальность и прагнация (средоточие) — это две идеи, суть которых в основном не противоречит традиционному толкованию соответствующих единиц, то идея С, характеризующая единицу *miş* (в противопоставлении *di*), пожалуй, не укладывается в рамки установившихся понятий.

Значения прошедшего на *-miş*, особенно форм 1-го и 2-го лиц (*-mişim*, *-mişsin* и др.), в свое время были темой достаточно острой дискуссии. В конце концов возоблудала точка зрения, согласно которой формы *-mişim*, *-mişsin*, *-miş...* имеют два основных значения — модальное [*gelmiş* 'говорят (оказывается) пришел'] и перфективное [*gelmiş* '(уже) пришел']<sup>25</sup>. Эта точка зрения в наибольшей мере соответствовала языковым реалиям. Названные значения гипотетически возводились к одному только в историческом ракурсе<sup>26</sup>. Л. Йохансон, разумеется, не может принять подобной трактовки, поскольку она несовместима с основными принципами его работы. Два «значения» заменяет одна «идея» — постгерминальность, что следует понимать как «непрямое рассмотрение», то есть, по-видимому, получение информации о каком-то действии после того момента, когда оно в действительности завершилось (автор в данном случае не дает подробных разъяснений, считая, очевидно, что наименование идеи уже достаточно ясно отражает ее суть — см. стр. 283). Так, в предложениях типа *çok değişmişsin* 'ты очень изменился' фиксируется результат действия, совершенного ранее. Такая фраза, как *Dün gece şiiir yazmışım sarhoşluğumda* (стр. 288) 'Вчера вечером я, будучи пьян, написал стихи', возможна лишь при эксплицитном или имплицитном *sarhoşluğumda* 'в пьяном виде' (иначе было бы непонятно, почему о действии, совершенном самим говорящим, он получает информацию постфактум.). В свете теоретической находки автора несущественно, имеет ли форма *gelmişim* [например, в контексте типа: *Vay ölüsü kandilli. Moruğun evine gelmişim be*<sup>27</sup> 'Ах, чтоб ему... Я (оказывается) пришел к дому старикана'] модальное («я, оказывается, пришел») или перфектно-результативное [«вот я (уже) пришел»] значение, поскольку и то и другое поглощается идеей постгерминальности. Разумеется, остается открытым трудноразрешимый вопрос о том, является ли постгерминальность изначальной идеей, присущей единице *miş*, или она пришла на смену более простой идее «заглазного» действия<sup>28</sup>.

<sup>25</sup> Впервые это отмечается, насколько нам известно, у В. А. Гордлевского. См.: В. А. Гордлевский. Руководство для изучения османского языка. Краткое дополнение. М., 1922, стр. 22.

<sup>26</sup> См.: П. И. Кузнецов. Личные аффиксы в турецком языке. Труды ВИИЯ, № 5. М., 1954, стр. 65.

<sup>27</sup> Там же, стр. 63.

<sup>28</sup> А, может быть, и действия перфектно-результативного — так, например, считают Э. А. Грунина и К. М. Любимов.

В сочетаниях типа *daima ...mişim (dir)*, на наш взгляд, нет оснований отвергать перфектно-результативное (и, в конечном счете, посттерминальное) значение, поскольку в них регулярно улавливается оттенок «вот (я) каков», как, например, в предложении *Bendeniz, fakir çocuklara da çok yardım etmişimdir* (стр. 299) 'Ваш покорный слуга много помогал и бедным детям.' При нейтрализации этого оттенка ( $\bar{c}$ ) может быть использована немаркированная единица *di*: *Benim hayatta sizin kadar tecrübem yok. Pek az insanla tanıştım ve daima kendi kendimle yaşadım* (КММ, 107). 'У меня нет такого жизненного опыта, как у вас. Я знакомился с очень немногими и всегда жил замкнуто'.

Что касается давнопрошедшего на *-diydi*, то это в полном смысле слова «роскошь языка» — единица, образовавшаяся (по аналогии с *irdi, mişti* и проч.) ранее, чем было найдено приемлемое значение, которое она могла бы выражать. По мнению автора, *diydi* (а также *miştir*) устраняет историческое измерение, рвет нарративную цепь как элемент, который не позволяет включить себя в последовательность типа *пришел, увидел, победил* и в то же время не стоит в интратерминальном отношении к какому-либо другому элементу (идея д; см. стр. 300, 308 и др.).

**Некоторые замечания.** Сколько-нибудь существенных замечаний к работе Л. Йохансона у нас нет<sup>29</sup>. Выскажем лишь свои субъективные соображения по двум вопросам.

Чтобы постулируемые принципы могли применяться безоговорочно, они должны безотказно действовать на «протяжении» всей системы. Между тем отдельные языковые факты позволяют сомневаться в такой универсальности. Сравним следующие два отрывка:

1) *Delikanlı cebinden sigara paketini çıkarıp kıza uzattı, fakat o başıyla «İçme» diye işaret etti.* (Sabahattin Ali. *Sırça Kışk*, İstanbul, 111) 'Молодой человек вынул из кармана пачку сигарет и протянул девушке, но она покачала головой: не курю.'

2) *Tabakasını çıkaran ev sahibi, sağına, soluna birer sigara ikram ettikten sonra bir tane de Ferit Bey'e attı: — Buyurl.. Havada uzun bir kavis çizen sigarayı, Ferit Bey, aynı hızla geri gönderdi:*

— *İçmiyorum paşam!.* («Meşhurların Nükteleri». İstanbul, 1955, стр. 24)

'Хозяин дома, вынув портсигар, предложил каждому из гостей по сигарете, а затем одну бросил Ферит-бею: «Держи!». Сигарету, прочертившую в воздухе длинную дугу, Ферит-бей столь же стремительно отправил обратно:

— Не курю, почтеннейший!'

Вряд ли в этом *içmiyorum* можно видеть лишь «вторую степень актуализации»; впрочем, как значение в (которое мы здесь усматриваем), так и значение в присущи немаркированной единице *ir* (а не *iyor!*). Казалось бы, обескурсивация *iyor* могла бы как-то «компенсироваться» за счет употребления более молодой прагнантной единицы *mekte*, но и она подчас обнаруживается в контекстах, где генерализация зашла очень далеко, ср.:

*Evlence teşkilâtı müdürü bana: — Genç çiftler çok kere saçma bir sebeben dolayı birbirlerine darılmaktadırlar, diye anlattı. Ve... anlaşip barışmalarına pek âlâ imkân olduğu halde boşanmak için teşkilâtımıza müracaat etmektedirler* (Süad Derviş, *Niçin Sovyetler Birliğinin Dostuyum* ' ) 'Заведующая ЗАГСом пояснила мне: «Молодые супруги часто ссорятся по пустякам. И... обращаются к нам за разводом, хотя прекрасно могли бы помириться».

В свете подобных явлений, несомненно, замеченных и автором (см. стр. 138, 179 и др.), представляется несколько сомнительным, чтобы привативные оппозиции, сколь бы важны они ни были, могли охватить собой все возникающие в процессе развития отношения между элементами исследуемой системы.

<sup>29</sup> За исключением одной мелочи: в предложении типа *Mehmet gelir gelmez Ahmet odasına çekiliyordu* (см. стр. 236) оба действия вряд ли можно трактовать иначе как многократные: 'Как только Мехмет приходил, Ахмет удалялся в свою комнату'.

Второе замечание касается проблемы соотношения категорий времени и вида. Л. Йохансон критикует высказывание Н. А. Баскакова относительно объективной констатации «совершившегося, совершающегося или имеющего быть совершенным в будущем действия»<sup>30</sup>, считая, что в последнем случае «объективной констатации» быть не может (см. стр. 18). Однако, когда мы говорим, например, «Собрание состоится завтра (или: состоялось вчера) в пятнадцать часов», то это именно простая констатация, без малейшей примеси модальных оттенков, хотя, безусловно, в любом случае возможно несоответствие содержания высказывания внеязыковому референту (так, собрание могло состояться не в пятнадцать, а в пять часов). Тот факт, что форманты будущего времени в большей части языков мира восходят к презенсу или же к модальным образованиям, также еще не доказывает того, что эти формы не должны выделяться в современных языках наравне с другими индикативными единицами.

Рассмотрение такой единицы инвентаря, как аорист, только в рамках видовой схемы и оппозиции *nunc:tunc*, с нашей точки зрения, не вполне удовлетворительно. Аорист в значении будущего, как немаркированную форму, следовало бы, как нам кажется, противопоставить единице *ecek*, как будущему с дополнительным значением предопределенности, или, если угодно, претерминальности, позволяющим представить будущее действие, прямо вытекающее из субъективно воспринимаемой ситуации настоящего, тогда как обычно такое действие мыслится только как возможное или планируемое. Различные модальные оттенки, нередко сопровождающие высказывание, не являются релевантными, так же как и соответствующие модальные слова (*belki* 'возможно', *ihtimal* 'вероятно', *mutlaka* 'непрерменно' и проч.), которые могут сочетаться с обеими единицами, ср.:

...*ihtimal, evet ihtimal bizi burada bir güzel dövecekler* (Ömer Seyfettin, Tam bir görüş) '...вероятно, да, (весьма) вероятно, нас здесь здорово поколотят'; *Belki cennette komşu olacağız...* (H. E. Adivar, Sinekli Bakkal, Istanbul, 1943, стр. 226) 'Возможно, в раю нам суждено быть соседями...'

Идея предопределенности, пожалуй, особенно отчетливо выявляется условной формой, ср. *giderse görüşürüz* 'если он поедет, то (тогда, после этого) мы поговорим' и *gidecekse görüşürüz* 'если он поедет (если ему предстоит поехать), то (до этого, в предвидении этого) мы поговорим'.

Таким образом, *ecek, ir*, а также *iyor* и *mekte* образуют систему, где первые две единицы имеют временную характеристику (б=будущее), а две другие немаркированы; в свою очередь, отношение *ecek:ir* (в плоскости будущего) определяется таким свойством, как предопределенность (п), присущим первой форме как отмеченному члену оппозиции. Сказанное можно представить в виде следующей схемы, где знак «-» (например, -п или -в) указывает на индифферентность к данному признаку, а знак «=» (нейтральность) в целях упрощения исключен.

предопределенность (п)			непредопределенность ( $\bar{п}$ )	
будущее (б)	бп (-в)	<i>ecek</i>	<i>ir</i>	б $\bar{п}$ (-в)
небудущее ( $\bar{б}$ )	$\bar{бв}$ (-п)	<i>iyor,</i> <i>mekte</i>	<i>ir</i>	$\bar{бв}$ (-п)
	прагнация (в)			непрагнация ( $\bar{в}$ )

<sup>30</sup> Н. А. Баскаков. Категории наклонения и времени в тюркских языках. — В сб.: «Вопросы категории времени и наклонения глагола в тюркских языках (материалы совещания)». Баку, 1968, стр. 12.

Как показывает схема, только один признак позволяет различать единицы, относящиеся к общей временной плоскости (например: п—п или в—в), тогда как единицы, принадлежащие к разным плоскостям — будущему (б) и настоящему (Ø), — вообще не имеют общих признаков и могут быть соотнесены друг с другом лишь благодаря наличию темпоральной оппозиции Б — б:б̄ (близко к этому соотношению между единицами, относящимися к сферам Ø и P). При наличии противопоставлений *esek:ir, esek:iyor, iyor:ir* аорист (*ir*) по существу членится на две самостоятельные единицы (объединяемые лишь общим означающим), которые могут даже конфронтировать друг другу, как, например, в таком контексте:

— *Refik Bey, siz Handanı sevmiyor musunuz? — Sevdiğimi mi istiyorsun? — Evet. — Niçin? — Çünkü ben severim de onun için. Hem görsen mutlak mutlak seversin, onu herkes sever.* (Нап., стр. 5) — Рефик-бей, вы не любите Хандан? — Ты хочешь, чтобы я любил (ее)? — Да. — Почему? — А потому, что я люблю. Да и случись тебе (ее) увидеть, ты обязательно полюбишь; ее все любят.

Предлагаемая трактовка позволяет сблизить две функции аориста в оппозиции В—в и в, которые в работе Л. Йохансона, в сущности, мало соотнесены одна с другой. Мы полагаем, что функция в обнаруживается в предложениях типа *Dünya güneşin etrafında döner* 'Земля вращается вокруг солнца' или *Dört altı daha on eder* 'Четыре плюс шесть равняется (делает) десять' (нулевая степень акциональной интенсивности), а функция в — в предложениях *Ne susarsın be herif..?* (стр. 160) 'Что ты молчишь, кретин?' или *Anadan mı geçersin yardan mı?* 'Мимо матери проходишь или мимо подружки?'. В предложениях же типа *dövme ölür* 'Не бей, а то помрет' или... *mutlak mutlak seversin* '...обязательно полюбишь' отношение к прагнации должно быть выражено знаком «-» (-в).

Таковы некоторые наши замечания. Они немногочисленны и, вероятно, не бесспорны. Что же касается достоинств большого труда, то, хотя о них говорилось бегло и как бы мимоходом, читатель, как мы надеемся, все же получил о них достаточно ясное представление. Вклад, который шведский тюрколог внес своей монографией в разработку учения о системе турецкого глагола, следует оценить как весьма значительный. Остается пожелать профессору Ларсу Йохансону новых успехов в решении важных вопросов турецкой грамматики.

## ПУБЛИКАЦИИ

Э. И. ФАЗЫЛОВ, И. Г. ГАЛЯУТДИНОВ

### ОБ ОДНОМ ЮРИДИЧЕСКОМ ДОКУМЕНТЕ БАШКИР XIX ВЕКА

Исследуемый документ «Вакалатан арзнама»<sup>1</sup> («Доверенное заявление») представляет собой небольшую по объему запись (всего 46 строк); текст написан на полутора страницах плотной писчей бумаги; в верхнем правом углу первой страницы имеется гербовая печать. Размеры страниц — 34,3×22,2 и 17×22,2 см.

В самом начале документа написано на русском языке «Палученъ 26 октябрь 1841 года». Затем следует арабская надпись, судя по почерку, сделанная, видимо, тем же лицом: «Зарегистрировано в книге 28<sup>2</sup> октября 1841 г.», и поставлен номер документа 201.

Запись производилась темно-коричневыми чернилами стальным пером.

Заявление адресовано «главе ученых и опоре высокочтимого шарията...»

В документе Мухаммедгани Юланов ходатайствует о получении имущества, унаследованного его дочерью Гульзифой после смерти ее мужа Кулмухаммеда, сына Чамакана.

В адресной части документа, написанной на арабском языке, встречаются общетюркские слова. Изъяснительная же часть, хотя и написана на языке «тюрки»<sup>3</sup>, близка к разговорной речи башкир и содержит немало арабско-персидских слов.

На обороте бумаги на русском языке записано решение Оренбургского магометанского духовного собрания по поводу прошения Мухаммедгани Юланова (см. текст).

В отличие от других юридических документов, характеризующихся сухостью языка, обилием канцеляризмов, «Вакалатан арзнама» написан непринужденным стилем, и его лексика довольно разнородна по составу.

Документ представляет научный интерес не только потому, что может иметь определенное значение для исследования истории развития современного башкирского языка, но и благодаря содержащемуся в нем фактическому материалу, представляющему ценность для историков и этнографов.

<sup>1</sup> Публикуемый документ найден в 1971 г. в деревне Умбатово Зيانчуринского района Башкирской АССР у пенсионера Ахмедбанка сына Шагисултана Гафарова, год рождения 1891-й.

<sup>2</sup> Над цифрой 8 написано арабское 4.

<sup>3</sup> Г. Ф. Благова. Некоторые вопросы развития средневекового среднеазиатского тюркского литературного языка. — «Советская тюркология», 1971, № 4, стр. 68—75.

Цель данной статьи — охарактеризовать некоторые лексические и грамматические особенности языка исследуемого документа как своеобразного письменного памятника первой половины XIX в.<sup>4</sup>

«Вакалатан арзнама» состоит из 264 корневых единиц, причем 95 из них составляют арабские, 15 — персидские, 7 — русские заимствования, основная же часть лексики общетюркская. Наиболее часто употребляются слова: *сууг* ‘корова’ (I—17, I—19, I—36)<sup>5</sup>; *süg* ‘вести’ (I—11); *ögrät* ‘научить’ (I—31); *qattyu* ‘строгий’ (II—3); *uluu* ‘большой’ (II—6); *oşbu* ‘этот’ (II—1), *ol* ‘становиться’, ‘быть’ и т. д.

Элементы общетюркской лексики в документе часто приводятся в собственно башкирской передаче, например: *ultug* ‘сидеть’ (I—20); *kilteg* ‘доставлять’ (I—32); *ügäj* ‘неродной’ (I—36) и др.

В записи использованы слова и словосочетания из башкирской разговорной речи и диалектов башкирского языка: *žuj* ‘собирать’ (I—15); *his qul* ‘завещать’ (I—17); *qarğa* ‘раз’, ‘крат’ (I—23); *kände* ‘(он) самый’ (I—6, I—8) и т. п.

Встречаются и фразеологизмы: *dävğan süg* ‘проводить время’, ‘жить’ (I—11); *žuft ol* ‘жениться’, ‘пожениться’ (I—11); *bu dunjädin küşkäne ba dindä* ‘после ухода из этого мира’ (I—12); *risalyqqa kilter* ‘склонять к согласию’ (I—32).

Арабские слова в основном выражают понятия, связанные с административным устройством и религиозным культом: *haki:m* ‘правитель’, ‘судья’ (I—2); *hägät* ‘величество’ (I—26, I—33); *mäzlis* ‘собрание, заседание’ (I—20); *mazlüm* ‘угнетенный’ (II—9); *nasi:b* ‘часть, доля’ (I—23, I—26); *şar* ‘закон’ (I—9, I—10, I—30); *şäri:k* ‘сотоварищ’ (I—31); *mulla* ‘мулла’ (I—27, I—28) и др.

Заимствованиями из персидского языка являются: *guväh* ‘свидетель’, ‘очевидец’ (I—10); *sañi:h* ‘правильный’, ‘верный’ (I—10); *hämi:şä* ‘всегда’, ‘постоянно’ (I—15); *möhr* ‘печать’ (I—15); *jäd* ‘упоминание’ (I—15, I—18) и т. п.

К заимствованиям из русского языка относится главным образом административная лексика: *gubirna* ‘губерния’ (I—4); *komanda* ‘команда’ (I—5); *mätürkä* ‘метрика’ (I—14); *kantun* ‘кантон’ (I—4); *naçanluk* ‘начальник’ (I—26).

Можно выделить также следующие основные фонетико-морфологические особенности языка «Вакалатан арзнама»:

1) долгие гласные *ā*, *i*, *ū* в арабско-персидских словах: *şäri:f* ‘благородный’ (I—9); *mazkür* ‘упомянутый’ (I—11, I—12); *zamän* ‘время’, ‘срок’ (I—3) и т. п.;

2) наличие начального звонкого взрывного *b* в личном местоимении первого лица вместо сонорного *m*: *bän* ‘я’, *bänem* ‘мой’ (I—12, II—10);

3) замена в начале слова звонкого губно-губного *b* на *v*, если предыдущее слово оканчивается на гласный: *üzlägenä varub* ‘приходя к ним’

<sup>4</sup> Следует отметить, что изучению языка башкирских деловых, исторических и юридических документов XVIII в. посвящен ряд исследований Р. Х. Халиковой; см.: Р. Х. Халикова. Язык исторических, юридических, деловых и архивных документов башкир XVIII в. — «Ученые записки Стерлитамакского педагогического института», вып. VIII, 1960; *её же*. К изучению лексики башкирских деловых, исторических и юридических документов XVIII в. — В кн.: «Башкирская лексика». Уфа, 1966, стр. 118—125; см. также: Г. В. Юсупов. Две надгробные надписи с древнего башкирского кладбища. — В сб.: «Вопросы башкирской филологии». Уфа, 1959, стр. 120—122; Т. М. Гарипов. Статоротюркские письменные памятники Башкирии. — «Советская тюркология», 1972, № 4, стр. 39—45.

<sup>5</sup> Здесь и далее римская цифра указывает страницу документа, а арабская — строку.

(I—29), но *pesä vä pesä qargalar barub* 'сколько раз приходя' (I—23); *syugny virmäne* 'не отдал корову' (I—19), но *rizalyq birüštürmäk* 'выдавать' (II—1).

Эта фонетическая особенность свидетельствует, по-видимому, о том, что заявление писалось под диктовку и при этом писец старался точно воспроизвести произношение слов диктующим.

Известно, что в некоторых говорах башкирского языка в интервокальном положении, а также после согласных *r, l, j, z, b, v* губно-губное *b* становится фрикативным, средним между *b* и *v*: *bavaj* 'старик', *qajver* 'некоторый', *ala vir* 'бери [еще немного]'

Необходимо отметить, что на переход *b* в *v* в башкирском языке обратил внимание Н. К. Дмитриев. Это явление было отмечено не только в «положении между двумя *a*»: *ha  $\frac{b}{v}$  an* 'плуг', но и в иных позициях,

например, *kü  $\frac{b}{w}$  ėk,  $\frac{d}{t}$  ilwägä, üdewëd* и др.<sup>6</sup>;

4) отсутствие начального *b* в глаголе *ol-* 'быть', 'становиться': *ibrät olyr irdi* 'был бы уроком' (II—8); *navzüd olyb togmyš* 'проживать' (I—13) и т. п.;

5) наличие *g* вместо *j* в слове *ögrät-* 'научить' (I—31);

6) сохранение конечного *γ* в словах *uluγ* 'большой', *qattuγ* 'строгий';

7) наличие глубокозаднеязычного *γ* в середине слова: *oγly* 'сын' (I—9, I—33); *tuγrusynda* 'о', 'про' (II—2) и др.

В морфологической структуре зафиксированы:

1) именной словообразовательный аффикс *-lu/-lü/-ly/-le*: *sa'adatlu* 'счастливый' (I—3); *ukazly* 'указной' (I—28) и т. п.;

2) аффикс множественного числа местоимений: *bezlär* 'мы' (II—6, II—8); *sezlär* 'вы' (I—33); *anlar* 'они' (I—29);

3) аффиксы падежей: а) притяжательного: *-iη/-yη/-eη*: *äsbäb-žihäz-lagpuη* 'имущества' (I—14); *jurγpuη* 'юрта' (I—5, I—9); *üzümneη* 'своего' (I—8) и др.; б) дательно-направительного: *-a*: *žanäblaryna* 'его превосходительству' (I—3), *oγlyna* 'сыну' (I—9) и т. п.; в) исходного *-din*: *†aräfyndin* 'со стороны' (I—6); *oγlyndin* 'от сына' (I—6); *bu dunjädin* 'из этого мира' (I—12) и др.;

4) аффикс *-dy/-di* прошедшего времени глагола: *bezlärgä zäjädä uluγ žäbr olyndy* 'нам было очень обидно' (II—6);

5) аналитическая форма прошедшего времени на *-γan/-gän irdi*: *kijävümez zimmasynda qalyan irdi* 'осталось на ответственности нашего зятя [за ним]' (I—22);

6) форма причастия на *-myš/-miš* вместо *-γan/-gän*: *jäd olynmyš möhr* [совр. башк. *iθkä aluγyan möhöγ* 'упомянутая печать' (I—15)], *qylmyš buziq da'vase säbäble* [совр. башк. *qulγyan voboq däγüähe säbäble* 'по причине предъявленного гнусного иска' (II—5)] и др.

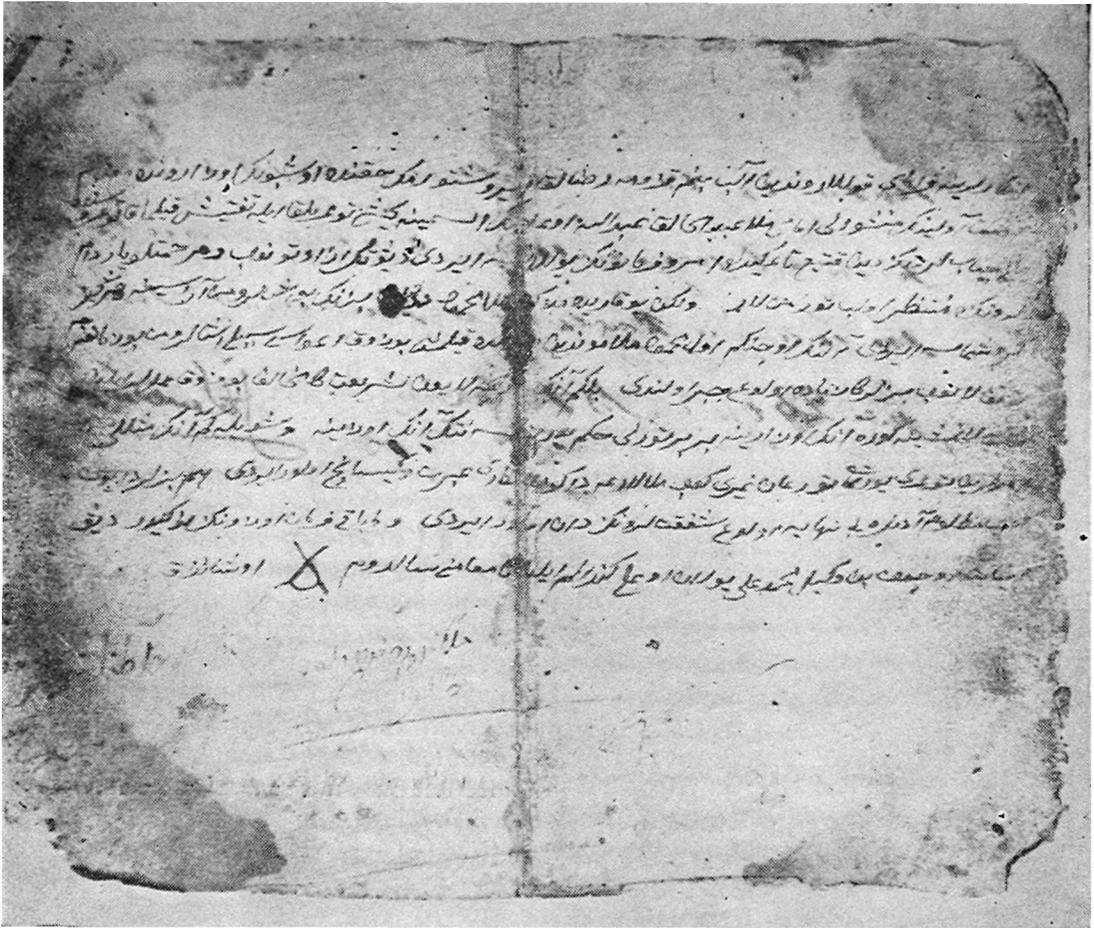
Таким образом, исследование языка документа «Вакалатан арзнама» показало, что наряду с письменными памятниками, найденными на территории Башкирии (имеются в виду башкирские шежере XVIII—XIX вв.)<sup>7</sup>, большую роль в изучении истории башкирского языка играют и различные деловые (исторические и юридические) документы XVIII—XIX вв.

<sup>6</sup> Н. К. Дмитриев. Грамматика башкирского языка. М.—Л., 1948, стр. 18; его же. Отчет о работе лингвистико-фольклорного подотряда Башкирской экспедиции Академии наук СССР за 1928 г. — «Башкирский диалектологический сборник». Уфа, 1959, стр. 65, 70, 71, 73, 79, 81.

<sup>7</sup> «Башкирские шежере». Уфа, 1960, стр. 177—220.

Ниже приводятся факсимиле документа, транскрипция и перевод текста, «решение Оренбургского магометанского духовного собрания» и глоссарий.





## ТРАНСКРИПЦИЯ ТЕКСТА

Полученъ 26 октября 1841 года.

(I—1) Kenakägä šait idülde 1841 sänädä uktäbr'neñ 28<sup>8</sup>-dä № 201.

(I—2) Sarvari-l-'ulamā' va masnadi šari:'ati-l-'arrā' va mu'azza-mi a'zam al-hākim fi dāri-l-'iftā' ulan sajidemez muftiu-(I—3)l-islām fi hađihi-z-zamān<sup>9</sup> 'Abdu-l-Vāhid Sulajmān aħund oylynyñ sa'adatlu žanāb-laryna.

(I—4) Orinburuħ gubirnasineñ häm nāħijasineñ bašqortlaryñ 9-nçy kantun ħäläjyq (I—5) larynyñ žumlasendin, 12-nçe jurčnyñ ystaršinasy Jūsuf Aslajuf kamandasynyñ, (I—6) Etqol aulynyñ Möħämmädyañi Julan oylyndin kände üzümneñ sülbijä färzändim Gölzifa ħarāfyndin

(I—7) vakälatan 'arznāma.

(I—8) Šul ħušūšda, kim ja'ni: kände üzümneñ sülbijä färzändim Gölzifany üzümez ilān ük ber kančun ħäläjyqlarynyñ arasynda un (I—9) jedenče jurčnyñ ystaršinasy Murāt Žura oylly kamandasynyñ Mäqāūd

<sup>8</sup> В рукописи над цифрой 8 стоит 4.

<sup>9</sup> Видимо, писцом допущена ошибка. Если слово zamān употребляется во множественном числе, то тут должно быть hađihi-l-'azmān, а в единственном числе — hādā-z-zamān. При переводе остановились на первом варианте.

aulynyñ Qolmöhämmäd Ćamaqan oylına šär'i šärifemez mužibinča (I—10) jaħşy 'ädel guvählar ĥuzüründä bayučub šar' 'aqdi sähi:h ilän ĥäläl žuftlukka säkkiz jöz šum mähr-i-mu'ažžal ilän nikäĥlandurdukmižä. (I—11) Muväfiq ul uq qyzym ilän kijävüm ber ničä jyllar žuft olyb, dävran sürüb jurduklary arasynda alla ta'allanyñ ĥükmi ilä mäzkür kijävümez (I—12) vafät olyb, bu dunjädin küčkäne ba'dindä mäzkür marĥüm kija-vümezneñ bänem qyzymdin müqaddäm alyan ĥätunyñdin tuyan Möĥämmädu-r-räĥim vä Möĥämmäd 'ali (I—13) digän oylanlary marĥüm atalarundin qalyan ĥär žinsle mäl-ĥajwänätlary ilä väjri jurť içinde mavžüd olyb turmyš ĥär (I—14) turle küb äsbäb-žihäzlarnyñ barčalarun, üzlärenen zolmloqlary jözöndin mätrükädin bänem qyzyma ĥiç närsä virmäj jalyyz (I—15) üzläre genä žyjub alub, ĥämi:šä fajdalanub turalar. Ham bu jäd olynmyš möhri ilä mätrükä olyb qalmyš äsbäb-žihäzlar ilä terik (I—16) mal-ĥajwänätlarundin tyš ničekturur kim? Qyzymny žuftlandurdu kim zamänduq mäzkür marĥüm kijävüm üz quly ilä iki jaħşy ať ilän uç (I—17) [jaħşy] syyyr ĥajwänätlaruny qyzyma ĥis qylyb, milkländürüb qabz da qylduryan irdi. Sulaj bula turub uq, qyzymnyñ šu ĥajwän-(I—18) [atlaryn] üzenä virmäj, žabr va qähr alyb turalar. Ämmä bu jäd olynmyš ĥubs tari:qi ilän qyzyma milkländürmeš iki jaħşy atlar ilä üç (I—19) jaħşy syyyrny virelmäne. Häm mäzkür marĥüm kijävümdin [...] <sup>10</sup> olyb qalyan ĥär žinsle terik ĥajwänätlary ilä väjri äsbäb (I—20) žihäzlarnyñ, barčalaru, qačankim ĥükm mäžlesendä ultryyan vaqtymyzdä ĥisablary ilä 'ajän wa bajän qylma [j] qujmas-myn. Ančayasl<sup>11</sup> (I—21) [...] <sup>12</sup> ul marĥüm kijävümez qyzymyza tiješle säkkiz jöz šum mährendin dürt jöz šum mährni adä qylmaj, hamän ul uq marĥüm (I—22) kijävümneñ zimmäsynda qalyan irdi. Sunyñ bujynča marĥüm kijavemneñ mäzkür oylanlary bänem qyzyma tiješle dürt jöz šum (I—23) mährni ilä ul uq marĥüm kijävümneñ mätrükäsendin qyzyma tiješle naši:bnny ničä vä ničä qarralar barub surasaqda, qyzyma ĥiç närsä (I—24) virmäj, zäjädä qäbähät süzlär ilän söküb, bezlärne quvalab qajtar-dylar.

Äĥiru-l-'umur na'ilaž olmaqymyz sabäble, qyzym (I—25) irüšmäj qalyan dürt jöz šum mähri ilä kijävümdin qalyan turle mal-ĥajwänätlary ilä väjri äsbäb-žihäzlar (I—26) arasyndin qyzyma tiješle naši:bnny suramaq ĥaqynda üzümzeneñ kantun načanlukemez Tahir Quwwatov ĥazratendin juqaryda (I—27) mäzkür Murät ystaršina kamandasynyñ Mäqsüd aulynyñ mäšžidenä ukaz ilä mänšüb imämlary mulla Mähmüd dikan ilä Uambat (I—28) aulynyñ ukazly imämlary mulla 'Abdulĥäliq 'Abdulla oylanlarynyñ ismlärenä amr vä farmän alduqymyza muvāfiq. Mäzkür mullalar jäd olynmyš (I—29) Möĥämmädu-r-räĥim vä Möĥämmäd'ali dikanlarneñ üzlärenä varub, anlar ilä bezlärneñ mabajnlarumyzda väqi'a olyb turmyš Mäzkür da'vālarumyz (I—30) täfti:š qylyrva žurugankanlari<sup>13</sup> arasynda ul uq iki mullanyñ 'Abdulĥäliq ismlüsi muvāfiq šar' ĥükm jurutkudaj olvač, (I—31) anyñ janyndaqy šäri:ki mulla Mähmüd dikan mäzkür Möĥämmädu-r-räĥim vä Möĥämmäd'ali dikanlarne jaqlab vä anlarva mäkr ĥi:lalar ögräteb, išümez (I—32) neñ buzulmaqynä säbäb oljudaj [da]vālar qylyb äĥiru-l-'umür bezneñ qyzymyzy rižäluqqa kiltermäj quvalab qajtardylar (I—33) Šunkar binā'an sez 'azi:z näšäblü vä bäländ mansäblü mufti: xadihi-z-zamän 'Abdulvähid Sulajmān äĥund oylı ĥazratlarundin bi-l-žum-

<sup>10</sup> В документе обрыв.

<sup>11</sup> Читается с трудом.

<sup>12</sup> В документе обрыв.

<sup>13</sup> В документе читается как žurugankanlari.

lä (I—34) tubančelukem ilän ütüneb tjalab idamez kim. Juqaryda mäzkür qyzyмыz Gölzifaya märhüm mäzkür iründin jetešmäj (I—35) qalyan dürt jöz şum mähri ilä anyñ uq mätrükäsendin qyzyма тiješle naşı:blaruny һәм juqaryda mäzkür һubs t̄ari:qi (I—36) ilän milklänmeš iki at̄ ilä üç baş syyyr һajwānāt̄laryny qyzymnyñ mäzkür ügäj oylanlary Möһämmädu-r-rähim vä Möһämmäd'ali dikanlärneñ<sup>14</sup> (II—1) dikanlärenä qaramaj, qullarundin alub bänem qyzyма rizälyq birüštürmäk һақында. Ošbunyn uz urunda ma'lüm, (II—2) Ümbat aulynyñ maşurle imämy mulla 'Abdulhaliq 'Abdulla oylynyñ ismenä jaḥşy tuḡrylyq ila täftiḥ qylmaq tuḡrusynda (II—3) 'äli şanäblarunyzdin qattyḡ tä'kidlü amr vä farmānunyz jullansa irdi div, täkrär ütüneb vä märһәмätlü jardam (II—4) laryña muntazir olyb turamynlar. Vä lakin jukaryda mäzkür mulla Mähmüd digäne bezneñ bu işlärümez arasyна һärgiz (II—5) kirušmase irdi. Anyñ üçünkim ul Mähmüd mulla mundin turamda qylmyš buzuq da'vase säbäble işlärümez bu zamānḡaça (II—6) tavaqqullanub, bezlärgä zäjädä uluy žäbr olyndy. Bälkim anyñ üzegälä jaqyn şari:'atka muḡälif buzuq 'amallar iläm (II—7) ḡolqlanmyšyna kürä, uz-uzenä ber-ber türle һүkm jurutsa nitak? Anyñ üzinä vä şu ilakim, anyñ mäšälle şari:'at (II—8) ämrlären tuḡry jurutmaj turḡan ḡäjri küb mullalaryа da küb qatary 'ibrät vä [...] <sup>15</sup> olыр irdi. Ham bezlarda jun (II—9) küb mazlüm adamlarga bi:nihäja uluy şafqatlarunyzdan utur irdi, vä ma bāqi: farmān uzuneznekidur div (II—10) [...] <sup>16</sup> üçün bän väki:l Möһämmädḡäni Julian oḡly kandālam ilä tamḡamny saldym yşandyq.

## ПЕРЕВОД

Получено 26 октября 1841 года. Зарегистрировано в книге  
28 октября 1841 года под номером 201.

Главе просвещенных и опоре высокочтимого закона шарната и великому из величайших, являющемуся начальником в доме решений, господину нашему [потомку пророка Мухаммеда] муфтию ислама настоящих времен, его счастливому превосходительству Абду-л-Вахиду Сулайману сыну Ахунда.

Из жителей 9 кантона башкир Оренбургской губернии и нахията от Мухаммедгания сына Юлана деревни Эткол от команды старшины 12 юрта Йусуфа Аслаева со стороны своей родной дочери Гульзифы.

Доверенное заявление.

(I—8). По этому поводу, то есть мою родную дочь Гульзифу выдали замуж за Кулмухаммеда сына Чамакана деревни Максуд из команды старшины (I—9) 17 юрта Мурата сына Журы из жителей того же кантона по благородному закону шарната (I—10) в присутствии добрых справедливых свидетелей с верным законным обоюдным соглашением, с дозволенным неотложным выкупом за невесту 800 руб. (I—11) Та же достойная моя дочь и мой зять, став супругами, прожили несколько лет среди родных, [и] (I—12) после ухода из этого мира упомянутого нашего зятя, скончавшегося по воле бога, (I—13) сыновья, родившиеся от первой жены упомянутого покойного зятя, женившегося на моей дочери, Мухаммадрахим и Мухаммадгали, (I—14) из-за своей жестокости ничего

<sup>14</sup> Кончается первая страница. Внизу написано по-русски: «По указу Его Императорского Величества».

<sup>15</sup> Одно слово написано неразборчиво.

<sup>16</sup> Одно слово написано неразборчиво.

не дав моей дочери из метрики, только сами одни (I—15) постоянно пользуются оставшимися от отца домашними породистыми животными и всем имуществом, имеющимся в чужом для них хозяйстве. (I—16) Без имущества и домашних животных, упомянутых в метрике с печатью, как будет жить моя дочь? В то время еще, когда выдали дочь замуж, упомянутый покойный мой зять держал двух хороших лошадей и три (I—17) коровы, завещав это достояние как собственность моей дочери. Тем не менее, (I—18) не отдав этих животных, [принадлежащих] моей дочери, живут они [сыновья], вызывая гнев и проклятия. И эта упомянутая часть наследства с принадлежащими моей дочери двумя хорошими лошадьми и тремя (I—19) хорошими коровами [ей] не отдана. Когда мы все будем присутствовать на суде, [я] дам наглядное и ясное объяснение (I—20) о количестве породистых животных, оставшихся [...] от упомянутого покойного зятя, и другом имуществе. (I—21) С тех пор [...] наш покойный зять, который должен был моей дочери восемьсот рублей выкупа, четырехста рублей не выполнил [не отдал], и до сих пор это осталось на (I—22) ответственности нашего зятя [за ним].

По этому поводу сыновья упомянутого зятя, ничего не отдав моей дочери, (I—23) хотя [мы] обращались несколько раз, из причитающихся моей дочери четырехсот рублей выкупа и доли из метрики того же покойного зятя, (I—24) прогнали нас домой, обругав очень пакостными словами.

В конце концов поневоле согласились взять (I—25—27) повеление на имена стоящих выше нашего начальника кантона, его превосходительства Тагира Кувватова из команды упомянутого старшины Мурата имама мечети деревни Максуд муллы Махмуда и указного имама деревни Умбат муллы Абдулхалика сына Абдуллы, чтобы взыскать не полученные моей дочерью четырехста рублей выкупа (I—28) и причитающуюся моей дочери долю из [числа] разных животных и другого имущества, оставшегося от моего зятя. (I—29) Вышеуказанные муллы посетили лично упомянутых Мухаммадрахима и Мухаммадгали, чтобы публично (I—30) расследовать наши упомянутые тяжбы, являющиеся событием [причиной раздора] между ними и нами, из тех же двух мулла по имени Абдулхалик сумел соответствующим образом рассудить, (I—31) а его сотоварищ мулла Махмуд стал на защиту Мухаммадрахима и Мухаммадгали и научил их коварным хитростям, (I—32) предьявив притязания, разрушающие все наше дело, в конце концов, не придя к соглашению [не удовлетворив] с нашей дочерью, прогнали [ее] домой. (I—33) На основании этого прошу Вас, Ваше высокопревосходительство, принадлежащего к большим муфтиям настоящих времен, Абду-л-Вахида Сулаймана сына Ахунда, со (I—34) всей почтительностью о выдаче вышеназванной нашей дочери Гульзифе не доставшихся [ей] от вышеупомянутого покойного мужа (I—35) четырехсот рублей выкупа и надлежащей моей дочери доли из метрики и распределения вышеупомянутого причитающегося (I—36) наследства и имущества: двух лошадей и трех коров, отобрав их у вышеупомянутых неродных сыновей моей дочери Мухаммадрахима и Мухаммадгали, несмотря на их слова [возражения]. (II—1) Это известно всем, мы несколько раз обращались с просьбой и нуждаемся в Вашей сердобольной помощи, и мы рассчитываем на строгое указание Вашего превосходительства (II—23) о проведении справедливого расследования через известного имама муллу Абдулхалика сына Абдуллы из деревни Умбат, [который] претворит [его] в действительность (II—4) и чтобы вышеупомянутый мулла Махмуд никогда не вмешивался бы в наши дела. (II—5) Из-за него, муллы Махмуда, вследствие плохого ко мне отношения решение (II—6) нашего дела.

до настоящего дня задерживалось, что нам было очень обидно. Может быть, (II—7) ему самому за его плохие действия, противные ближнему нам закону шарната, вынести какой-нибудь приговор? Ему самому и [вместе] с этим многим другим муллам, подобным ему (II—8), не исполняющим честно законы шарната, [это] было бы очень поучительным и [...]. И мы, (II—9) претерпящие, избегнули бы многих обид через Ваше великодушие; надеясь на последующее распоряжение Ваше, (II—10) я, доверенный Мухаммадгани сын Юлана, своим калямом поставил свою тамгу (следует тамга. — Э. Ф., И. Г.) за [свою дочь]. Верим.

На обороте бумаги имеется решение Оренбургского магометанского духовного собрания:

«Въ Оренбургскомъ магомѣтанскомъ духовномъ Собраніи по выслушиваніи прошенія сего учиненной на оное резолюціи Определено: какъ при прошеніи семъ, на основаніи 12-го пункта 16-й статьи 10 тома Гражданскихъ Законовъ, не приложено просителемъ Юлановымъ вѣрющаго письма, то не входя въ разсмотреніе описанныхъ въ нѣмъ обстоятельствъ, обратитъ оное Юланову съ надписью через Оренбургскій Земскій судъ, о чемъ въ ономъ и сообщить, прося взыскать съ него притомъ за употребленную судьей въ мѣсто Гербовой простую бумагу два листа, деньги тридцать копѣекъ серебромъ, ото ему оные въ мѣстное уѣздное казначейство, оплоченные<sup>17</sup> тѣхъ денегъ въ недоимку отънестись Оренбургской казенной палатѣ. Генваря 28 дня 1841 года».

Заседатель (подпись)<sup>18</sup>

## ГЛОССАРИЙ

- a'zam* (1)<sup>19</sup> 'великий': I—2,  
*adam* (1) 'человек': *larga*: II—9,  
*adā qyl-* (1) 'выполнять': I—21,  
*ahr* (2) 'конец': I—24, I—32,  
*ahund* (1) 'ахун' (духовное лицо у мусульман): I—33,  
*al-* (3) 'братъ, взять'+*уап*: I—12; +*уб тур* 'братъ на время': I—18, II—37,  
*alla ta'alla* (1) 'аллахъ всевышній'+*пун*: I—11,  
*amr* (3) 'приказ, приказаніе': I—28, II—39; +*лагун*: II—8,  
*ançayasi* (1) 'с техъ пор': I—20,  
*anlar* (2) 'они': I—29; + *уа*: I—31,  
*anуң* (6) 'его': I—31, I—35, II—5, II—6, II—7 (2),  
*ara-* (4) 'среди, между'+*сына*: II—4; + *сында*: I—8, I—30; + *syndin*: I—26,  
*at* (3) 'лошадь': I—16, I—36; + [*лагун*]: I—18,  
*ata* (1) 'отец' + *ларундин*: I—13,  
*aul* (5) 'аул, село' + *упун*: I—6, I—9, I—27, I—28, II—2,  
*'ajān* (1) 'наглядный': I—20,  
*'amal* (1) 'дело' + *лар*: II—6,  
*'aqdi nikāh* (1) 'обюджетное соглашеніе о браке': I—10,  
*'arznāma* (1) 'прошеніе, заявленіе': I—7,  
*'azi:z* (1) 'дорогой': I—33,  
*'ādel* (1) 'справедливый': I—10,  
*'āli žanāb* (1) 'превосходительство' + *ларуныздин*: II—3,  
*'ibrat* (1) 'пример, назиданіе': II—8,  
*'ulamā'* (1) 'просвѣщеніе': I—2,  
*āmmā* (1) 'но, однако': I—18,  
*āsbāb-žihāz* (4) 'имущество, приданое' + *пун*: I—20; + *лар*: I—15; + *лагу*: I—25; + *лагун*: I—14,  
*ba'dinda* (1) 'после, затем': I—12,  
*bajān* (1) 'изложеніе; объясненіе': I—20,  
*baland* (*bālānd*) (1) 'высокій ~ mansab-lu высокопревосходительство': I—33,  
*bar-* (1) 'идти, пойти' + *уб*: I—23,  
*barça* (2) 'все' + *лагун*: I—14, I—20,  
*baş* (1) 'голова': I—36,  
*başqurt* (1) 'башкир' + *лагун*: I—4,  
*bālkim* (1) 'можетъ быть; возможно' II—6,  
*bān* (5) 'я': II—10 + *ем*: I—12, I—14, I—22, II—1,  
*ber* (1) 'один': I—8,  
*ber-ber türle* (1) 'какой-нибудь': II—7,  
*ber niçä* (1) 'несколько': I—11,  
*bez* (6) 'мы' + *пең*: I—32, II—4; + *lär-*

<sup>17</sup> Читается с трудом.

<sup>18</sup> Слово «заседатель» написано арабской графикой, поставлена подпись. Текст дается в орфографии оригинала.

<sup>19</sup> Цифры в скобкахъ указывают на число повторений данного слова в документе.

- gä: II—6; + lārdä: II—8; + lārpe: I—24,  
*binā'an* (1) 'последлог, согласно; на основании': I—33,  
*birüštür-* (1) 'давать (взаимно)': + mäk: II—1,  
*bi:nihäja* (1) 'бесконечно; чрезвычайно': II—9,  
*bu* (5) 'это': I—12, I—15, I—18, II—4, II—5,  
*buzulmaq* (1) 'порча' + uqa: I—32,  
*buzuq* (2) 'плохой': II—5, II—6,  
*da'va* (3) 'иск, тяжба' + se: II—6; + lar: I—32; + lagumyz: I—29,  
*davrān (dāvrān)* (1) 'время': sūr- 'проводить время': I—11,  
*dār* (1) 'дом, здание': I—2,  
*dunjä* (1) 'мир, свет' + din: I—12,  
*dürt* (4) 'четыре': I—21, I—22, I—25, I—35,  
*farmān* (3) 'приказ, веление, указ': I—28, II—9; + uqyz: II—3,  
*farzand (färzänd)* (2) 'дитя' + um: I—6,  
*fäjdalan-* (1) 'получать пользу, выгоду' + ub: I—15,  
*gubirna* (1) 'губерния' + sineṇ: I—4,  
*guvāh* (1) 'свидетель; очевидец' + lar: I—10,  
*ṗajri (ṗājri)* (4) 'другой, чужой': I—13, I—19, I—26, II—8,  
*ṗarrā* (1) 'высокочитимый': I—2,  
*halājq (hālājq)* (3) 'народ' + laguv: I—4, I—8,  
*hātun* (1) 'жена' + uṗdin: I—12,  
*holqlan-* (1) 'испортиться (о характере)' + mušupa: II—7,  
*haqynda* (2) 'о, об, про': I—26, II—1,  
*hazrat (hāzrāt)* (2) 'превосходительство, величество, высочество' + endin: I—26; + lagundin: I—33,  
*hākim* (1) 'правитель; судья': I—2,  
*hālāl* (1) 'узаконенный': I—10,  
*hām* (  ) (3) 'и': I—4, в рукописи I—35, II—8,  
*hisāb* (1) 'счет' + lagu: I—20,  
*his qyl-* (1) 'завещать (кого-чего)': I—17,  
*hi:la* (1) 'хитрость, подвох' + lar: I—31,  
*hubs* (2) 'имущество, завещанное на благотворительные цели': I—18, I—35,  
*husūsda* (1) 'по поводу': I—8,  
*huzūr* (1) 'удовольствие' + uṗda: I—10,  
*hūkt* (4) 'решение; воля': I—11, I—20, I—30, II—7,  
*hamān* (1) 'все еще, пока': I—21,  
*hāmī:šā* (1) 'все время, всегда (нареч.)': I—15,  
*hār* (3) 'каждый всякий': I—13, I—19,  
*hārgiz* (1) 'никогда; ни за что': II—4,  
*hič* (1) 'ни (частица)': I—14, I—23,  
*ič* (1) 'в, внутри' + indä: I—13,  
*id-* (1) 'сделать, совершать' + ülde: I—1,  
*iki* (4) 'два': I—16, I—18, I—30, I—36,  
*ilä* (18) 'с': I—5, I—11, I—13, I—15, I—16, I—18, I—19, I—20, I—23, I—25, I—27 (3), I—29, I—35, I—36, I—38, II—10,  
*ilān* (8) 'с, со, вместе с (последлог)': I—10, I—11, I—16, I—18, I—24, I—34, I—36, II—6,  
*imām* (2) 'имам (духовный наставник у мусульман)' + u: II—2; + lagu: I—28,  
*ir* (1) 'муж' + ündin: I—34,  
*irüş-* (1) 'достичь, осуществить' + māj: I—25,  
*islām* (1) 'ислам': I—3,  
*ism* (2) 'имя' + lägenä: I—28; + epä: II—2,  
*ismlü* (1) 'по имени (о ком-либо)' + si: I—30,  
*iš* (3) 'работа, дело' + ümezneṇ: I—31; + lārümez: II—4, II—5,  
*ja'ni* (1) 'то есть, а именно': I—8,  
*jahšy* (6) 'хороший, добрый': I—10, I—16, I—17, I—18, I—19, II—2,  
*jalṗyz* (1) 'один, одинокий': I—14,  
*jaqla-* (1) 'защищать, заступаться': I—31,  
*jaqyn* (1) 'близкий': II—6,  
*jārdam* (1) 'помощь' + laguṗa: II—3,  
*jād* (3) 'упоминание': I—15, I—18, I—28,  
*jeteš-* (1) 'быть в достатке' + māj: I—34,  
*jöz* (1) 'лицо' + ondin: I—14,  
*jöz* (4) 'сто': I—21, I—22, I—25, I—35,  
*julla-* (1) 'выхлопотать': II—3,  
*jun* (1) 'самый, весьма (частица)': II—8,  
*juqary* (4) 'выше' + da: I—26, I—34, I—35, II—4,  
*jurduk* (1) 'земляк, родственник' + lagu: I—11,  
*jurt* (3) 'юрта, жилище; хозяйство': I—13; + пуṗ: I—5, I—9,  
*jurut-* (3) 'вести' + kudaj: I—30; + māj: II—8; + sa: II—7,  
*jyl* (1) 'год, лет' + lar: I—11,  
*kandāla* (1) 'калям': II—10,  
*kantun* (3) 'кантон (военно-административная единица в Башкирии XIX в.)': I—4, I—8, I—26,  
*kānde* (2) '(он) самый': I—6, I—8,  
*kenakā* (1) 'книга, книжка (конторская)' + gä: I—1,  
*kijäv* (10) 'жених, зять' + um: I—16; + ümez: I—11, I—21, I—22; + ümezneṇ: I—12; + ümdin: I—19; + ümpneṇ: I—22, I—23,  
*killter-* (1) 'доставлять' + māj: I—32,  
*kim* (4) 'вопросит., относит. местоимения; в знач. союза что, который, как, кто': I—8, I—16 (2), I—34,  
*küb* (3) 'много': I—14, II—8, II—9,  
*kürä* (1) 'вследствие того, что (последлог)': II—7,

- läkin* (1) 'но, однако': II—40,  
*ma'lüm* (1) 'известный': II—1,  
*makr (mäkr)* (1) 'хитрость, коварство':  
 I—31,  
*mal-hajvānāt* (3) 'домашние животные'  
 + *lary*: I—13, I—25; + *lagundin*: I—  
 16,  
*mansāblu* (1) 'чин, звание, сан': I—33;  
 см. *baland*,  
*mansūb* (1) 'причастный, связанный':  
 I—27,  
*marhamat (märhämät)* (1) 'милость' +  
*lu*: II—3,  
*marhüm (märhüm)* (9) 'покойный': I—  
 12, I—13, I—16, I—19, I—21 (2), I—  
 22, I—23, I—34,  
*masnad (mäsnād)* (1) 'опора, трон': I—  
 2,  
*mašhūr (mäshūr)* (1) 'известный': II—2,  
*mavžūd (mävžūd)* (1) 'имеющийся, на-  
 личный': I—13,  
*mazkūr (mäzkūr)* (14) 'упомянутый':  
 I—11, I—12, I—16, I—19, I—22, I—  
 27, I—28, I—29, I—31, I—34 (2), I—  
 35, I—36, II—4,  
*mazlüm* (1) 'угнетенный': II—9,  
*mābajñ* (1) 'между' + *lagumyzda*: I—  
 29,  
*mā bāqi*: (1) 'остаток': II—9,  
*māhr* (6) 'имущество, выкуп за неве-  
 сту': I—10; + *i*: I—25, I—35; + *en-*  
*din*: I—21; + *ni*: I—21, I—23,  
*mās'jid* (1) 'мечеть' + *enä*: I—27,  
*māšälle* (1) 'как, подобно': II—7,  
*mātrūkā* (3) 'метрика' + *din*: I—14; +  
*sendin*: I—23, I—35,  
*mažles* (1) 'суд, собрание' + *endä*: I—  
 20,  
*milkän-* (1) 'стать достоянием; стать  
 собственностью' + *meš*: I—36,  
*milkändür-* (2) 'наделять имуществом'  
 + *ub*: I—17; + *meš*: I—18,  
*möhr* (1) 'печать': I—15,  
*mu'azzam* (1) 'великий': I—2,  
*mu'ažžal* (1) 'спешный, неотложный':  
 I—10,  
*mufti*: (2) 'муфти (глава мусульманско-  
 го духовенства)': I—2, I—33,  
*muhālif* (1) 'противный; ложный': II—6,  
*mulla* (9) 'мулла': I—27, I—28 (2); +  
*пуң*: I—30; + *лагуа*: I—31, II—1,  
 II—4, II—5, II—8,  
*mundin* (1) 'мой': II—5,  
*muntazir* (1) 'нуждающийся': II—4,  
*muqaddam (muqaddäm)* (1) 'вперед;  
 раньше': I—12,  
*muvāfiq* (3) 'подходящий, достойный':  
 I—11,  
*müžib* (1) 'причина, повод' + *inčä*: I—9,  
*načantuk* (1) 'начальник' + *emez*: I—26,  
*nasablu (näsäblü)* (1) 'высокородный':  
 I—33,  
*nasi:b* (3) 'часть, доля' + *пу*: I—23, I—  
 26; + *лагуны*: I—35,  
*nä'ilaž* (1) 'поневоле, волей-неволей':  
 I—2,  
*nāhija* (1) 'нахия (административная  
 единица)' + *sinen*: I—4,  
*ničä vä ničä* (1) 'сколько раз': I—23,  
*niček* (1) 'как, каким образом': I—16,  
*nikahländur-* (1) 'женить' + *ukmizä*:  
 I—10,  
*nitak* (1) 'как': II—7,  
*oyl* (6) 'сын' + *y*: I—9, I—33; + *уна*:  
 I—9; + *yndin*: I—6; + *упуң*: I—3,  
 II—2,  
*oylan* (4) 'сын' + *lary*: I—13, I—22,  
 I—36; + *лагупуң*: I—28,  
*ol-* (11) 'быть, становиться' + *yač*: I—  
 30; + *үдај*: I—32; + *undy*: II—6; +  
*yr irdi*: II—8; + *yb*: I—11, I—12, I—  
 13, I—15, I—19, I—29, II—4,  
*olyn-* (2) 'становиться' + *муš*: I—15,  
 I—28,  
*ošbu* (1) 'это' + *пуң*: II—1,  
*ögrät-* (1) 'учить, научить' + *eb*: I—31,  
*qabz* (1) 'держат; брать в руки': I—  
 17,  
*qačan kim* (1) 'когда (союз)': I—20,  
*qahr (qähr)*: (1) 'гнев': I—18,  
*qajtar-* (2) 'возвращать, вернуть' +  
*dylar*: I—24, I—32,  
*qal-* (7) 'оставаться, остаться' + *муš*:  
 I—15; + *уап*: I—13, I—19, I—22, I—  
 25 (2), I—35,  
*qaramaj* (1) 'несмотря, независимо':  
 II—1,  
*qarra* (1) 'раз, крат' + *lag*: I—23,  
*qatar* (1) 'раз, крат': II—8,  
*qattıy* (1) 'строгий': II—3,  
*qābāhāt* (1) 'гнусный, пакостный': I—24,  
*qij-* (1) 'оставлять' + *masmın*: I—20,  
*gul* (2) 'рука': I—16; + *lagundin*: II—1,  
*qyl-* (7) 'делать, совершать' + *yb*: I—  
 17, I—32; + *ma*: I—20; + *maj*: I—21;  
 + *maq*: II—2; + *муš*: II—5; + *угуа*:  
 I—30,  
*qyldyr-* (1) 'заставлять делать' + *уап*:  
 I—17,  
*qyz* (18) 'дочь, девушка' + *ум*: I—11,  
 I—24; + *ута*: I—14, I—17, I—18, I—  
 122, I—23 (2), I—26, I—35, II—1; +  
*умны*: I—16; + *умпуң*: I—17, I—36;  
 + *ymdin*: I—12; + *умыз*: I—34; +  
*умызны*: I—32; + *умызуа*: I—21,  
*rizälyq* (2) 'согласие': II—1; + *qa*: I—  
 32,  
*sa'adatlu* (1) 'счастливым': I—3,  
*sabab (säbāb)* (1) 'причина, повод': I—  
 32,  
*sajid* (1) 'господин' + *emez*: I—2,  
*sahi:h (sähi:h)* (1) 'правильный; надле-  
 жащий': I—10,  
*sal-* (1) 'ставить' + *дүм*: II—10,  
*sarvar (särvär)* (1) 'глава, руководи-  
 тель': I—2,  
*säbāb* (2) 'причина; вследствие' + *le*:  
 I—24, II—5,  
*säkkiz* (2) 'восемь': I—10, I—21,  
*sez* (1) 'вы': I—33,  
*sök-* (1) 'ругать, обругать' + *ub*: I—24,  
*sulbija* (2) 'родная': I—6, I—8,  
*sür-* (1) 'вести, провести' + *ub*: I—11,

- sura-* (2) 'просить' + таq: I—26; + saq: I—23,  
*sum* (5) 'рубль': I—10, I—21 (2), I—22, I—25,  
*süz* (1) 'слово' + laq: I—24,  
*syuyr* (3) 'корова': I—17, I—36; + ну: I—19,  
*šait* (1) 'свидетель, очевидец': I—1,  
*šafqat (šāfqāt)* (1) 'милосердие, милость' + laqñizdan: II—9,  
*šar' (šār')* (3) 'закон': I—9, I—10, I—30,  
*šari:at (šari:āt)* (3) 'закон шариата': I—2, II—6, II—7,  
*šari:f (šāri:f)* (1) 'благородный' еmez: I—9,  
*šari:k* (1) 'соучастник': I—31,  
*šu* (3) 'тот, та, то': I—8, I—17, II—7,  
*šul* (1) 'тот, та, то': I—8,  
*taftiš (täftiš)* (2) 'расследование': I—30, II—2,  
*takrār (täkrār)* (1) 'повторно; вновь': II—3,  
*tamça* (1) 'метка, клеймо' ппу: II—10,  
*tavaqquflan-* (1) 'задерживаться' + ub: II—6,  
*tā'ki:dlu* (1) 'подтверждающий': II—3,  
*terik* (2) 'живой, живое существо': I—15, I—19,  
*teješ* (5) 'должен, обязан' + le; 'надлежащий': I—21, I—22, I—23, I—26, I—35,  
*tubančelük* (1) 'низость': I—34,  
*tuvy* (1) 'честный, правдивый': II—8,  
*tuvylyq* (1) 'честность, правдивость': II—2,  
*tuvyrusynda* (1) 'послелог: о, об, обо, про': II—2,  
*tur-* (6) I. 'находиться, пребывать' + атулар: II—4; + җан: II—8; 2. 'жить, проживать' + муš: I—13, I—29; + алар: I—15, I—18,  
*turamda* (1) mundin ~ 'обо мне': II—5,  
*turtle* (2) 'разный; всякий': I—14, I—25,  
*talab* (1) 'требование': I—34,  
*tārāf* (1) 'сторона, направление' + упдин: I—16,  
*tari:q* (2) 'распределение, раздел (наследства)': I—18, I—35,  
*tyš* (1) 'без': I—16,  
*ukazly* (2) 'указной': I—27, I—28,  
*ul* (3) 'он': I—11, I—21, I—23, I—30, II—5,  
*ulan* (1) 'большой': I—2,  
*ultyr-* (1) 'сидеть, сесть' + җан: I—20,  
*uluq* (2) 'большой': II—6, II—9,  
*un* (1) 'десять': I—9,  
*uq* (1) 'же (частица)': I—35,  
*üč* (3) 'три': I—16, I—18, I—36,  
*üčün* (1) 'за, для': II—10,  
*üčün kim* (1) 'так как': II—5,  
*ügäj* (1) 'неродной': I—36,  
*ük* (2) 'же (частица)': I—8, I—10,  
*üt-* (1) 'пройти, проходить' + ür irdi: II—9,  
*ütün* (2) 'просить, умолять' + eb: I—34, II—3,  
*üz* (1) 'свой': I—16,  
*uze* (1) 'сам, сама' + gä: II—6,  
*uzen* (2) '(он) сам' + ä: I—18; + еп: II—9,  
*üzeң* (2) '(ты) сам, сама' + ez: II—9; + ezneң: I—26,  
*üzlar* (2) 'они сами' + enä: I—29; + eneң: I—14,  
*üzüm* (4) '(я) сам, сама' + neң: I—6, I—8; + ez: I—8; + ezneң: I—26,  
*üz-üzen* (1) 'сам себя': II—7,  
*va (vā)* (15) 'и (союз)': I—2, I—12, I—18, I—20, I—28, I—29, I—31 (3), I—33, II—3, II—4, II—7, II—8, II—9,  
*vafāt* (1) 'смерть, кончина': I—12,  
*vakālat* (1) 'верительный; доверенный': I—7,  
*vaki:l (vāki:l)* (1) 'поверенный, представитель': II—10,  
*vaqt* (1) 'время, пора' + умызда: I—20,  
*var-* (1) 'идти' + ub: I—29,  
*vaq'ā* (1) 'событие, случай': I—29,  
*vir-* (3) 'давать' + mäj: I—14, I—18, I—24; + mäpe: I—19,  
*yšan-* (1) 'верить, поверить' + dyq: II—10,  
*zajāda* (2) 'больше, много': I—24, II—6,  
*zamān* (3) 'время, срок': I—3; + duq: I—16; bu ~ + җаҗа 'до сих пор': II—5,  
*zimmā* (1) 'ответственность' + synda: I—22,  
*zolmlyq* (1) 'жестокость' + laqy: 'обида, притеснение': I—14,  
*žabr (žābr)* (2) 'обида, притеснение': I—18, II—6,  
*žanāb* (2) 'господин; превосходительство' + laqy: I—3; + laqñyzdin: II—3,  
*žihāz* (4) 'оборудование; утварь'; äsbāb ~ см. äsbāb,  
*žins* (2) 'порода' + le; 'породистый': I—13, I—19,  
*žumla* 'все' + sendin: I—5,  
*žumla* 'фраза'; bi-l- ~ 'с этими словами, фразами': I—33,  
*žur-* (1) 'ходить' + ugankanlari: I—30,  
*žüft* (1) 'пара, супруга'; ~ olyb: I—11,  
*žüftländür-* (1) 'женить' + dū: I—16,  
*žüftlük* (1) 'женитьба' + kā: I—10.

## АНТРОПОНИМЫ

'Abdulvāhid Sulajmān oҗly: I—33,  
 'Abdulhāliq 'Abdulla oҗly: I—28, I—30,  
 II—2,  
 Camaqan: I—9,

Gölziҗa: I—6, I—8, I—34,  
 Julan: I—6, II—10,  
 Jusuҗ Aslajus: I—5,  
 Mähmüd: I—27, I—31, II—4, II—5,

- |  |                               |
|--|-------------------------------|
| <i>Möhämmäd'ali</i> : I—12, I—29, I—31, I—<br>36,      | <i>Murāt</i> : I—27,          |
| <i>Möhämmäd'yāni</i> : I—6, II—10,                     | <i>Murāt Zura</i> : I—9,      |
| <i>Möhämmādu-r-rāhim</i> : I—12, I—29, I—<br>31, I—36, | <i>Tahir Quwwatov</i> : I—26, |
|  | <i>Qolmöhämmād</i> : I—9.     |

### ТОПОНИМЫ

- |                            |                            |
|----------------------------|----------------------------|
| <i>Etqol</i> : I—6,        | <i>Orinburuh</i> : I—4,    |
| <i>Mäqsüd</i> : I—9, I—27, | <i>Umbat</i> : I—27, II—2. |



РЕЦЕНЗИИ

NURI YÜCE. GERUNDIEN IM TÜRKISCHEN. EINE MORPHOLOGISCHE UND SYNTAKTISCHE UNTERSUCHUNG

MAINZ, 1973, XV+88 стр.

Рецензируемая книга «Деепричастия в тюркских языках. Морфологическое и синтаксическое исследование» является диссертацией на соискание ученой степени доктора филологии молодого турецкого ученого Нури Йүдже, получившего высшее образование в Анкаромском и Стамбульском университетах и завершившего его в университете г. Майнца (ФРГ)<sup>1</sup>.

Диссертация включает следующие разделы: указатель использованной литературы (стр. IV—XIII); указатель сокращенных названий языков и диалектов (стр. XIV); о транскрипции (стр. XV). После краткого вступления (стр. I) излагается фактический материал исследования:

1. Чистые деепричастия (стр. 2—49): *-a/e, -i/i, -u/ü; -arak/-erek; -p, -ban/-ben; -(g)ınca.; -p, -ban/-ben; -(g)ınca., -çak/-cek; -(g)alı/-(g)eli; -gaç/-geç; -n, -ken, -iken.*

2. Деепричастия — отглагольные имена с аффиксами падежей:

01. С аффиксами инструменталиса: *-şın; -şın; -maksızın/-meksizin; -magin/-megin; -magla/-megle; -masıyla/-mesiyle; -döklayın/-dökleğin; -döşün/-döşün.*

02. С аффиксами экватива: *-dökeç/-dökeç; -müscasına/-müscesine; -ercasına/-ercesine; -acakcasına/-ecekcesine; -yorcasına; -müş(ün)ca/-müş(ün)ce; -maca/-meca; -tamaca/-memecesine; -tamacasına/-memecesine.*

03. С аффиксами исходного падежа: *-madan/-meden; -mazdan/-mezden; -dökdan/-dökdän; -(g)andan/-(g)enden; -müşdin/-müşdün; -şından/-şından.*

04. С аффиксами местного падежа: *-dökdal/-dökdä; -(g)anda/-(g)ende; -şında/-şında; -müşda/-müşde; -acagında/-eçeginde.*

05. С аффиксами дательного падежа: *-ana/-ene; -asıya/-esiye; -masına/-mesine.*

3. Смешанные деепричастные формы: *-acötu(ru)/-ecötu(ru); -acöltü(ru)/-ecöltü(ru); -nsırak/-nsırek; -asa/-ese.*

4. Прочие формы:

01. Деепричастные формы, образованные повторением положительной и отрицательной формы некоторых времен глагола: *-or/-maz ~ -or/-mez; -dömadı/-dömedi; -müş/-mamış/-müştü/-müştü.*

02. Недеепричастные формы, приобретающие в предложении значение, родственное деепричастиям: *-sa/-se; -döme; -mamış (dan)/-memiş(den).*

5. Указатель деепричастных форм (стр. 86).

Как ясно видно из приведенного перечня, границы морфологической категории «деепричастие» автор расширил до пределов синтаксической категории «обстоятельство», тем самым приравняв часть речи к члену предложения, что, конечно, нельзя признать правомерным.

В грамматических исследованиях на материале тюркских (равно как и других алтайских) языков границы и функции ряда морфологических категорий все еще достаточно четко не установлены; в тюркологической литературе, в частности, отсутствует единое определение самого понятия деепричастия и форм, подлежащих включению в эту морфологическую категорию<sup>2</sup>.

Деепричастия, как всякая морфологическая категория, должны иметь свою собственную форму, отличающуюся от форм других морфологических категорий. Если принять традиционное определение деепричастия как функциональную форму глагола, выражающую характеристику другого действия (заметьте, кстати, что турецкое деепричастие на *-p* имеет, кроме характеристики действия, также другие значения, например: *okuur yazmak bilmeyenler* 'не умеющие читать и писать'), то придется в разряд деепричастий ввести и формы на *-or, -müştü*, также выражающие характеристику действия: *...birbirimize güvenir oturduk* (S. Faik)

<sup>2</sup> Подробнее об этом см.: Ю. Д. Джанмавов. Деепричастия в кумыкском литературном языке (сравнительно с другими тюркскими языками). М., 1967, стр. 5—44.

<sup>1</sup> Защита Нури Йүдже (род. 15.II.1942 г.) состоялась 23 июня 1973 г. в университете им. Иоханнеса Гутенберга (Майнц, ФРГ).

'Мы сидели, прижавшись друг к другу'; *Birkaç beygir kuvvetinde bir makine gibi durmaz işler* (H. Rahmi) 'Он работает, не останавливаясь, как машина в несколько лошадиных сил'; *Hoca diz cökmüş, elleri göğe açılmış dua ediyordu* (H. E. Adıvar) 'Ходжа, преклонив колени, воздев руки к небу, молился'<sup>3</sup>.

Имя прилагательное, имя числительное, равно как и отглагольные прилагательные (причастия), выполняют функции приименного и прилагательного определения, а потому формы на *-r*, *-mş* не следует включать в состав деепричастий, хотя и те и другие синтаксически используются для характеристики действия.

Под морфологическую категорию деепричастия, единственная функция которой — характеристика действия, подходят только формы, названные автором «Чистые деепричастия», что же касается всех остальных (за исключением «смешанных» и «других» форм), то их следует относить к наречиям, представляющим собою изолированные формы падежей: инструменталиса, экватива, исходного, местного, дательного.

«Изолированный падеж, — писал А. М. Пешковский, — терял свои нормальные связи в предложении, притягивался синтаксически исключительно к глаголу, на-

чинная обозначать признак признака, и делался наречием»<sup>4</sup>.

Формы, названные автором «Смешанные деепричастия», также являются наречиями отглагольного происхождения.

Что же касается отглагольных образований, объединенных автором под заголовком «Прочие формы», включающих словоформы, образованные путем повторения положительной и отрицательной форм от одной и той же основы, то их следует рассматривать как наречие, образованное морфологическим приемом повторения.

Форма на *-sa/-se*, равно как и формы на *-r*, *-mş*, служит для обстоятельственной характеристики действия.

Форму *-dış+ -mş* (стр. 84; прошедшее — категорическое время+аффикс вопроса) нельзя причислять к деепричастиям, так как она изменяется по лицам и служит центром (сказуемым) придаточного предложения времени.

В заключение следует сказать, что диссертация Нури Йүдже, несмотря на отмеченные выше недостатки, является определенным вкладом в разработку категории деепричастия и представляет значительный интерес как хорошо подобранным фактическим материалом, так и тем, что все формы в ней освещаются в сопоставительно-историческом плане, благодаря чему читатель получает возможность наблюдать многие из них в движении и развитии.

А. Н. Кононов

<sup>3</sup> Ср. аналогичное явление в тунгусо-маньчжурских языках; см.: О. П. Суник. Глагол. М.—Л., 1962, стр. 290—291.

<sup>4</sup> А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении. Издание 4-ое. М., 1934, стр. 129.

## ROSE NASH. TURKISH INTONATION. AN INSTRUMENTAL STUDY

MOUTON. THE HAGUE-PARIS, 1973, 190 стр.

Зарубежная лингвистика располагает обширной литературой по фонологии и грамматике современного турецкого языка, однако вопросы турецкой просодии не получили в ней достаточно полного отражения, а существующие работы не опираются на экспериментальные данные. В связи с этим заслуживает особого внимания рецензируемая работа Р. Наш как исследование экспериментальное, проведенное в Центре изучения языка и языкового поведения при Мичиганском университете (США).

Книга состоит из трех частей: обоснования темы, описания методики и принципов исследования и анализа материала. Каждая часть в свою очередь включает несколько разделов. Следуя совету известного американского лингвиста Д. Болинджера «вначале собери факты, а затем построй теорию о

них»<sup>1</sup>, автор сперва дает обзор общих вопросов интонации, а затем излагает собственную методику исследования интонации турецкого языка. Материалом для эксперимента послужили популярные анекдоты Ходжи Насреддина, которые были прочитаны шестью образованными информантами-мужчинами, говорящими на литературном турецком языке.

Приводя различные определения интонации, Р. Наш подчеркивает, что некоторые лингвисты включают в число компонентов интонации тембр, темп речи, паузу и тон. Причем во многих исследованиях в качестве первичных компонентов интонации называются мелодия, ритм, степени тона и уда-

<sup>1</sup> D. Bolinger. Intonation and analysis. — «Word», 1949, № 5, стр. 253.

рения, проявляющиеся при произношении предложения (стр. 22). Р. Наш резко разграничивает понятия просодии, речевой мелодии и интонации. Просодия включает полный инвентарь «градуальных признаков», участвующих в образовании речи, таких, как, например, тон, ударение, длительность, тембр, громкость, регистр, темп и пауза. Речевая мелодия, сопровождающая высказывание, выражает движение воспринимаемых тонов во времени. Подобно музыкальной мелодии, речевая мелодия может быть зафиксирована и воспроизведена. По утверждению Р. Наш, интонация (термин технический) может быть определена путем лингвистического анализа.

Следует отметить, что большинство американских лингвистов ставят знак равенства между просодией предложения и интонацией<sup>2</sup>. Возражая против этого, Р. Наш, как отмечалось, предлагает строго разграничивать понятия просодии, мелодии и интонации. Но это лишь с формальной точки зрения. По существу, Р. Наш считает, что «речевая мелодия служит исходной точкой при исследовании интонации» (стр. 23). Следовательно, указанные терминологические разграничения еще не означают полной обособленности этих понятий, напротив, последние тесно соприкасаются между собой и взаимообусловлены в тех случаях, когда речь идет о сверхсегментных единицах. По Р. Наш, рабочее определение интонации связано с тем, что она выступает «... как лингвистическое структурирование речевой мелодии» (стр. 23).

Таким образом, в работе Р. Наш выделяются три основных понятия: просодия, мелодия речи и интонация, причем последнее включает первые два, имеющие в свою очередь несколько «подкомпонентов» или сверхсегментных средств (ударение, тон, длительность, тембр, темп и т. д.), участвующих в интонационном оформлении предложения.

В работе Р. Наш отмечается, что организующая функция интонации ясно проявляется уже на ранней стадии овладения ребенком речью. Даже простые грамматические конструкции имеют соответствующую мелодию, которая усваивается ребенком вместе с артикуляцией. Иногда ребенок, еще не имея навыков артикуляции, по мелодии фразы может угадать смысл высказывания. Таким образом, автор подчеркивает важность мелодии в процессе овладения вербальной речью ребенком.

Р. Наш указывает следующие лингвистические функции речевой мелодии: 1) функция отождествления, заключающаяся в частой повторяемости просодических моделей, употребляемых говорящими на одном

языке; 2) функция представления (*presentation*), выполняемая чаще всего краткими, неэмфатическими, неэмоциональными, повествовательными предложениями; 3) структурная функция; 4) деиктическая (*deictic*) или указательная функция, заключающаяся в специальном повышении тона на определенной лексической единице высказывания или же употреблении контрастирующей эмфазы; 5) экспрессивная функция, отражающая эмоциональные чувства говорящего. Если выражаемая эмоция достаточно сильна, то, помимо мелодики, могут присутствовать и другие элементы просодики, как, например, темп, тембр и громкость.

Говоря о «культурной основе речевой мелодии» (часть I, раздел 5), автор сравнивает последнюю с музыкой. Такое сравнение утвердилось уже с давних времен. Сходство и различия между музыкой и языком исследуются и современными учеными<sup>3</sup>, ибо изучение этого вопроса позволяет пролить свет на некоторые аспекты взаимосвязей, несомненно, существующих между культурой, географией территории расселения, историей и этнографией того или иного народа. Поэтому автор не случайно ставит вопрос о соотношении турецкой народной музыки и речевой мелодии. Она указывает, что в турецкой народной музыке сочетаются тональные системы Востока и Запада, чем и определяется своеобразный национальный стиль исполнения. Влияние музыки на образование турецкой речевой мелодии особенно проявляется в пентатонической (*pentatonic*) мелодии, в которой переход между фразами характеризуется преимущественно понижением тона. Таким образом, Р. Наш стремится доказать, что речевая и музыкальная мелодии имеют одинаковые образующие компоненты: тон и ритм. Музыка может быть передана с помощью инструмента или голоса, в быстром и медленном темпе, в высоком и низком регистре, поэтому ни тембр, ни темп, ни абсолютный тон не считаются определяющими компонентами мелодии. Будучи специалистом в области теории музыки и речевой интонации, автор приводит интересные данные об их соотношении (стр. 39—58). Этот раздел заканчивается крылатыми словами великого русского певца Ф. И. Шаляпина «Интонация „держит“ мысль подобно тому, как железная дорога держит поезда» (стр. 58).

В ряде разделов книги (стр. 7—8) излагается методика экспериментального исследования. Первоначально при чтении текста информантами сопоставлялись пять признаков: ритм, фразовое ударение, тон, пауза, каденция (модуляция голоса) и их об-

<sup>2</sup> См., например: R. H. Robins. Aspects of prosodic analysis. Proceedings of the University of Durham Philosophical Society, 1, 1957, стр. 1—12.

<sup>3</sup> См.: J. S. van Waesberghe. Phonetics in its relation to musicology. — «Manual of Phonetics». Amsterdam, 1957; В. П. Морозов. Тайны вокальной речи. Л., 1967.

щее соотношение в каждом предложении. Эти данные оформлены в таблицы (стр. 71—78).

В синтаксисе турецкого языка фонологической единицей служит фраза, ограниченная открытыми стыками. Главное ударение во фразе приходится на ударный слог, отличающийся высоким тоном. Каждая фраза независима от других, связь между фразами осуществляется благодаря их упорядоченности, морфемным компонентам и относительной громкости главного ударения.

С точки зрения Р. Наш, в турецком языке мелодия фразы в целом нисходящая, что характерно также для турецкой народной музыки (стр. 45). Одним из основных различий между речевой и музыкальной мелодией является различное назначение паузы. В обоих типах мелодии тон меняется в ограниченный отрезок времени. В музыкальной мелодии это время регулируется требованиями музыкального ритма, тогда как в речевой мелодии оно определяется закономерностями сегментации и акцентуации. Как указывает Р. Наш, ритмическая альтернатива играет основную роль при восприятии фонетического различия как долгих и кратких, так и ударных и безударных слогов (стр. 52). Что касается громкости, то она обычно проявляется на первом слоге. В турецком языке повышение тона связано с ударными слогами и является как бы предупреждающим сигналом для восприятия главного ударения: сильное ударение рассматривается как результат альтернатив по длительности или громкости, или же по той и другой вместе. Интонационные вариации у говорящих обуславливаются не только физическими индивидуальными особенностями, но и различной семантической интерпретацией текста.

В инвентарь интонационных единиц Р. Наш включает: устный текст, устный параграф, макропредложение, длительность максимальной и минимальной пауз, фразу.

С точки зрения Р. Наш, границы текста соответствуют границам устного параграфа. При этом не исключается, что длинные тексты могут состоять из нескольких параграфов. Устный текст определяется как сочетание потенциально независимых, но семантически связанных между собой лингвистических единиц, ограниченных «молчанием» (не паузами!). Устный параграф состоит из одного или более макропредложений, ограниченных стыками, представляющими собой длинные паузы. Устный параграф может совпадать с устным текстом. Макропредложение содержит одну или более максимальных единиц паузы и ограничено стыками, выражающимися длительными паузами. Макропредложение может совпадать с устным параграфом. Максимальная единица паузы состоит из одной или нескольких минимальных единиц паузы в предложении, ограниченном стыками, входящимися на места пауз неопределенной длительности. Самый длинный отрезок фразы, который

может быть произнесен без паузы, разделяется на мелкие отрезки или сегменты. Максимальная единица паузы может совпадать с макропредложением.

Минимальная единица паузы состоит из одной или нескольких фраз, ограниченных стыками, которые приходятся на паузы определенной длительности. Минимальная и максимальная единицы паузы могут иногда совпадать между собой. Во фразе, состоящей из единственного или нескольких слов, главное ударение падает на одно из последних (стр. 82).

Как показывает изложенное выше, в работе Р. Наш рассматриваются синтаксические единицы более сложные и крупные, нежели предложение, то есть такие, как устный параграф и макропредложение; лишь в последнем разделе говорится об интонации фразы. Поэтому названия разделов 10-го и 11-го звучат несколько необычно: «Интонация устного параграфа» и «Интонация макропредложения». С нашей точки зрения, такая трактовка интонации обуславливается материалом используемых текстов (анекдоты), в которых яркая эмоциональность фраз, предложений и параграфов способствует раскрытию содержания. Выбранные Р. Наш анекдоты состоят из двух-шести макропредложений, отличающихся своими сверхсегментными средствами. Например, число высоких тонов в макропредложениях у каждого диктора собственное, редко совпадающее с данными других информантов. То же самое наблюдается при установлении длительности, интенсивности, паузы и других физических признаков.

Как показал анализ Р. Наш, места словесного и фразового ударений у различных дикторов во многих случаях совпадают, что объясняется определенными синтаксическими правилами турецкого языка. Перемещение ударения чаще всего наблюдается в ритмических моделях, а также при эмфатическом усилении. В таких случаях автор пользуется понятиями ритмического и эмфатического ударений.

К сожалению, Р. Наш слишком много места уделила общим вопросам интонации, в частности рассмотрению вопросов речевой мелодии в разных аспектах, и взаимосвязи речевой и музыкальной мелодий. Материал, подвергнутый экспериментальному исследованию, содержит предложения различных коммуникативных типов, и поэтому их объединение в макропредложения и устные параграфы позволяет установить соотношения физических признаков интонации в тексте, но отнюдь не в отдельных предложениях.

Иллюстрация результатов экспериментального анализа, сравнение интонационных кривых с музыкальными убедительно свидетельствуют о том, что современная фонетика стала дисциплиной, тесно связанной со смежными науками.

На основе проведенных исследований автор приходит к выводу, что «интонация в

турецком языке состоит из структурно-системных лингвистических единиц и их отношений, манифестируемых в речевой мелодике» (стр. 150).

Такой вывод нам представляется односторонним и ограниченным, так как автор в своей книге показала важность наряду с мелодией и других сверхсегментных средств. Не совсем четко проведена граница между словесным и фразовым ударением, тоном, высоким и низким регистром, «каденцией» и мелодией. Причем «каденции» девяти типов (низкое, среднее и высокое понижения; повышающая, понижающая и прямые уровни (level); повышающий, быстрый и понижающий подъемы) сами по себе говорят о типах мелодии. Термин «мотив» (motif), заимствованный из музыки, не раскрывает сущности семантической функции интона-

ции. По выражению Р. Наш, мотив указывает «начало мелодии» (стр. 47) и служит для соединения взаимосвязанных частей высказывания.

В конце книги прилагаются обширная библиография (стр. 151—186), указатели имен и терминов. Примечателен тот факт, что Р. Наш включила в библиографию значительное количество исследований советских авторов, с которыми она имела возможность ознакомиться во время прохождения стажировки в СССР в 1970 году.

В заключение необходимо отметить, что, несмотря на перечисленные недостатки, книга Р. Наш содержит много интересного в области исследования интонации вообще и интонации современного турецкого языка в частности.

*А. А. Абдуазизов*

## KATHLEEN R. F. BURRILL. THE QUATRAINS OF NESIMI FOURTEENTH-CENTURY TURKIC HURUFI

1972, MOUTON, THE HAGUE-PARIS

Рецензируемая книга Кетлин Барил является переработанным и расширенным вариантом докторской диссертации автора, защищенной ею в мае 1964 г. в Колумбийском университете. Материалом для исследования послужили 158 азербайджанских и 15 персидских четверостиший (рубай) Насими из рукописного «Дивана» поэта, датированного 1487 г. «Диван», хранящийся ныне в Стамбуле, некогда был собственностью Хекимоглу Али Паши, чем и объясняется подзаголовок монографии — «Рукопись Хекимоглу Али Паши».

Монография К. Барил состоит из двух частей и приложения. В первой части автором рассматриваются историческая, религиозная, литературная обстановка в период создания «Дивана», жизнь и творчество поэта, исследуются четверостишия списка Хекимоглу Али Паши и особенности художественного стиля Насими.

Во второй части приводятся подлинные тексты четверостиший (арабским шрифтом), их подстрочный перевод на английский язык и дается подробный филологический анализ каждого рубай.

Приложение включает анализ орфографических особенностей четверостиший, глоссарий, факсимильный текст четверостиший, библиографию и индекс, в котором приводятся имена лиц, названия местностей и слова, имеющие особое терминологическое значение.

Автор пишет, что на протяжении веков Сеид Имадеддин Насими глубоко почитался как личность и как поэт и даже приобщался к лику святых.

К. Барил, характеризуя политическую и социальную обстановку на Востоке в XIV—начале XV в., отмечает, что Насими «был первым выдающимся мусульманским мистиком», на мировоззрение которого оказали большое влияние великие представители суфизма Шибли Багдади и ал-Халладж. В связи с тем, что Насими был верным и последовательным приверженцем хуруфизма, что нашло яркое отражение в его творчестве, автор дает анализ основных положений этого философско-религиозного течения.

Хуруфиты считали, что вселенная вечна и развивается по циклам, каждый из которых начинается сотворением Адама и завершается воскресением. В существующем цикле они признавали реальной непрерывающуюся преемственность пророков, последним из которых является Мухаммед. Мухаммед признавался ими также первым из святых, тогда как последним из них считался Фазлуллах.

Вместе с тем Фазлуллах почитался также как первый обожествленный святой, более того, как воплощение самого Аллаха. В хуруфитских текстах имя Фазлуллаха сопровождалось выражением *jalla jaliluhu* («Его божественная святость»), употреблявшимся, как правило, согласно догмам ортодоксального ислама, лишь по отношению к Аллаху. Только Фазлуллах обладал ключом к тайнам истинного знания, проникающего в смысл всего сущего. Знание это раскрывается в божественных откровениях, которыми Аллах

удостаивает пророков, последнему из которых Мухаммеду был открыт Коран. Однако ни один из пророков не смог проникнуть в истинную суть этого знания. Только Фазлуллах постиг ее. Смысл этого святого знания заключался в том, что Аллах свое воплощение видел в словах и в чертах лица Адама и сынов Адама.

С точки зрения хуруфитов, основой всего сущего является Слово. Это божественное Слово хуруфиты отождествляли с самим Богом. Бог как Абсолютная Сущность, Абсолютная Красота, Абсолютная Доброта стремился к самовыражению: он делал это посредством Слова. Таким образом, Слово — это творческая сила, положившая начало всему сущему. Элементы Слова — это буквы, и только знание их тайн может раскрыть истинную сущность всех вещей. Поэтому Фазлуллах Наими требовал, чтобы люди стремились к обладанию этим ключом, то есть таинственным смыслом букв, за что и был прозван *Хуруфи*. 28 букв арабского и 32 буквы персидского алфавитов идентичны Богу. Хотя Слово Бога и репрезентируется во всем сущем, однако самое совершенное воплощение Оно находит в Человеке, ибо проявление Бога следует видеть в чертах человеческого лица, лица Адама. Человек, или точнее его лик, — это микрокосм (стр. 41).

Так, излагается автором содержание учения хуруфитов.

Переходя к зарождению классической литературы у огузских народов, К. Барил пишет, что тринадцатый век породил Ахмета Факиха, Шейяда Хамзи, Султана Веледа, Юнуса Эмре и Ходжа Деххани. XIV век был периодом великого расцвета творчества как поэтов Восточной Анатолии — Гюлшехри, Ашика Паши, Ахмеди, Шейхи, так и представителей азербайджанской литературы — Гасаноглу, Кады Дарира, Кади Бурханедина и, наконец, самого Насими (стр. 24). По мнению автора, на творчество Насими оказала большое влияние исламская религия. Однако пафос творчества поэта заключался не в интерпретации положений ортодоксального ислама, а в выражении, используя последний, своих хуруфитских идей (стр. 23). Страна, где жил и творил Насими, подпала под власть различных тюркских династий, в эпоху правления которых у огузов начинает постепенно пробуждаться национальное самосознание и зарождаться новая классическая огузско-тюркская литература. У К. Барил читаем: «Если мы добавим к этому еще необыкновенный поэтический талант Насими, то не удивительно, что он явился одной из первых действительно великих фигур в этой новой литературе... Мы можем утверждать, что он был первым, кто создавал поэзию поистине лирическую и имел сильное влияние на развитие поэзии во всем тюркоязычном мире» (стр. 24).

В главе «Насими. Его жизнь и произведения» говорится о месте и дате рождения поэта, о его мученической смерти. Примечателен следующий факт, сообщенный автором: «Л. Массиньон, посетивший Алеппо в 1918 г., видел следующую эпитафию на надгробном камне Насими:

نسيمی حضرتى کیم نور شمع فضل یزد اندر  
نسيمی گلگشائی روضه یه باریده عرفاندر

‘Его Величество Насими, что является светом свечи Божьей Милости.

Насими является знанием, дождем, льющим над розовым цветником’.

Третья глава посвящена изложению вероучения Насими. Интересно отметить, что, по мнению ряда исследователей, Насими исповедовал христианство. В XVI в. итальянец Менавино сообщал, что он знаком с некоторыми работами Насими, позволяющими считать, что поэт придерживался христианской веры. Автор «*Kāşif-ül-esgâr*» Исхак Эфенди пишет: «Они (хуруфиты) также верят трем лицам христианской Троицы». К. Барил не согласна с мнением Исхака Эфенди и отмечает, что как суфин, так и хуруфиты очень часто упоминают Христа, называя его «Святым Духом». Они считают его пророком, не достигшим, однако, уровня божественной святости Мухаммеда.

Автор книги приводит весьма любопытную легенду, записанную армянским обществом в Алеппо в XVIII веке и заимствованную якобы из какой-то иезуитской книги о чудесной природе христианской евхаристии, — об обращении в христианство «Насими—мученика Алеппо». Насими этой легенды — богатый, знатный человек из Алеппо, обращенный в христианство под влиянием армянской рабыни (стр. 36. Взято из И. В. Юсифян «Насими — мученик Алеппо», *al-Mashriq*, sept, 1920, стр. 706—711).

Возможно, возникновение этой легенды в какой-то мере связано с газелью Насими, в которой воспевается красота армянской девушки:

Dârdmând etdiñ mâni, ej dârdâ dârman ermâni,  
Olmuşam eşqin jolunda bândâfârman, ermâni

‘Ты меня сделала больным, о лекарство  
от болезней, армянка,  
На любовном пути к тебе я стал слугой,  
армянка’.

Нельзя согласиться с утверждением автора, что произведения Насими якобы проникнуты духом аскетизма и пренебрежения всем земным и светским. Автор не права и тогда, когда говорит, что Насими проповедует мистицизм, советуя своим слушателям и читателям отвернуться от реального мира и устремиться к богу (стр. 37). Разве могли принадлежать поэту-пессимисту строки:

Gätir, gätir, gätir ol kaseji-râvanpârvâr  
Götir, götir, götir cângi bir nâva göstâr

‘Подай, подай, подай ту бодрящую дух чашу,  
Бери, бери, бери тот чанг, сыграй мелодию’;

или

Hämnišin idi Nâsimi dün geža bir jar ilâ  
Könlü şadü vâqtî xürrâm mâzlisi pognur idi

‘Прошлой ночью Насими находился вместе с  
(такой) возлюбленной,  
Что сердце его было (полно) радости, время его было  
приятным, пиршество его полно света’;

или

Bâhar olduvü ačyldy juzündân pârdâ gülzarın,  
Irişdi yöncâniñ dövgü zâmani qalmany хагуñ

‘Наступила весна, цветник сбросил с лика  
покрывало —  
Настала пора бутонов, прошло время шипов’.

С одной стороны, К. Барил отмечает, что «свидетельства мистицизму Насими можно найти во всех стихах «Дивана», ибо они наполнены идеями и поэтически причудливыми образами, свойственными суфийской литературе» (стр. 37). С другой стороны, автор утверждает, что Насими отличается от мистиков тем, что является приверженцем хуруфитского вероучения.

Если бы даже до нас не дошла ни одна строка поэта, то и тогда на основе свидетельств современников (стр. 37) можно было бы считать его приверженцем хуруфизма.

Как сообщает Кетлин Барил, имя Насими упоминается в «Джавидан-е-Кабир» Фазлуллаха, «Бешаретнаме» и «Генджнаме» Рефии, «Эстеванаме» Гиясуддина, в «Хабнаме» Насруллаха. (Заметим в скобках, что нам лично имя поэта в «Джавидан-е-Кабир» обнаружить не удалось).

Вот что пишет автор об отражении идей хуруфизма в творчестве Насими.

«Насими не раз упоминает имя Фазлуллаха, которого последователи считали истинным олицетворением Бога, а также его трактат «Джавиданнаме». Насими прибегает к хуруфитским символам, чтобы завуалировать свои мысли, каббалистически использует буквы и числа, что характерно для хуруфитского учения.

Но главная концепция, которая отражается почти во всех четверостишиях Насими, — это божественная сущность Адама — человека, на лице которого воплощены Бог и его Слово» (стр. 38).

В четвертой главе разбирается поэтическая форма четверостиший поэта. Автор отмечает, что четверостишия Насими написаны в форме *туюк* метрикой *ремел*. Первый «Диван», в который были включены туюки под этим же названием, принадлежал азербайджанскому поэту Кады Бурханеддину. После Насими туюки чаще всего стали создаваться чагатайскими поэтами XV—XVI вв.: Лутфи, Эмири, Искендером Ширази, Алишером Навои и Бабуром. Опираясь на мнение Н. Самойловича, К. Барил пишет, что туюк как поэтический жанр представляет собой дальнейшее развитие тюркоязычного народного четверостишия, так называемого *döndlük*, и, ссылаясь на турецкого ученого Ф. Кёпрюлю, пишет: «В связи с тем, что рифмующиеся слова в туюке являются, как правило, омонимичными, для названия жанра стихотворения тюркоязычные народы использовали слово со скрытым значением. У сибирских тюрков *туюк* означает «закрытое», «спрятанное», «окруженное со всех сторон». В телеутском языке *tuuug söz* значит «слово, значение которого завуалировано» (стр. 44—45).

В этой же главе автор останавливается на языке четверостиший Насими и отмечает, что язык произведений Насими, так же как и стихов Кады Бурханеддина и Физули, является азербайджанским.

Пятая глава посвящена художественному стилю Насими.

Изучение «Дивана» Насими, пишет К. Барил, позволяет выдвинуть тезис о том, что Насими является первым лирическим поэтом-классиком во всей огузской литературе.

Далее автор говорит: «...музыка строк Насими может быть сравнена с музыкой, предназначенной для исполнения сольными инструментами. В целом, сила и богатство ее тонов могут быть лучше всего выражены на виолончели. Хотя часто она обладает нежностью и мелодичностью любовной песни, написанной для флейты. Временами же ритм звучит как размеренный барабанный бой. Иногда она игрива, как пиццикато скрипки. Ноты строк иногда как бы торжествующе и звонко звучат, как труба.

В любом случае, однако, мелодия звучит не приглушенно, а чисто и ясно, как бы исполняемая музыкантом-виртуозом на хорошо настроенном инструменте» (стр. 53—54).

Что касается четверостиший, то музыкальность этих коротких стихотворений поразительна. Все риторические украшения, к которым прибегает Насими, игра слов и виртуозное использование рифм, неуклюзость и точность в передаче образа не препятствуют и не мешают струе мелодии.

Стихотворный размер *аруз* используется Насими на редкость удачно. Мастерство поэта в этом ставит его выше не только предшественников и современников, но и ряда знаменитых поэтов последующих поколений (стр. 56).

Строго придерживаясь правил просодии, Насими, в отличие от целого ряда версификаторов последующего времени, не допускает нарушения грамматических норм родного азербайджанского языка. Тут же на конкретных примерах из четверостиший Насими автор анализирует структуру рифмы, редиф, аллитерацию, внутреннюю рифму и многие другие вопросы техники стиха поэта. К. Барил считает, что Насими достиг особенного мастерства в употреблении одного и того же слова в нескольких значениях и в игре слов путем использования омонимов.

В результате анализа стиля поэта К. Барил приходит к заключению, что Насими является поэтом самого высокого класса как благодаря своей поэтической технике, так и образно-художественному мышлению. В этом смысле он, вне всякого сомнения, превзошел всех своих предшественников и современников и придал тюркоязычной поэзии совершенство и блеск, которых до Насими она была лишена.

Автор отмечает также некоторое влияние на Насими творчества Абу Саида, Насер-е Хосрова, Санаи, Атгара и Хафиза.

«С другой стороны, совершенно ясно, что Насими не подражатель, не простой переводчик персидской музыки на тюркский лад, ибо, конечно же, в его творчестве заключено качество сугубо тюркского поэтического начала. Это прежде всего относится к туюкам.

Обращение поэта к форме туюка было продиктовано прежде всего его патристическим чувством и преследовало цель коснуться тех струн эмоционального настроения своих соотечественников, которые гармонировали бы по своему звучанию с их собственной народной поэзией» (стр. 71).

Переходя к анализу влияния Насими на творчество поэтов последующих эпох, К. Барил пишет, что «Насими сыграл большую роль в распространении и развитии хуруфитского вероучения среди тюркских народов. Роль эта была тесно связана с необычайным влиянием его поэзии, особенно четверостиший, на творчество народных поэтов Дервишских Орденов» (стр. 72). Автором отмечается также влияние Насими на поэта Ниязи (умер в 1693 г.) — основателя ветви Мисрийе ордена Халвати и на ряд поэтов — бекташитов и алавитов, в частности, на Кул Насими, Мухйиддина Абдала, Гюл Баба, Ибрахим Эфенди, Кани, Усули, Рухи, Рефни, Вирани, Халили, Баки, Султана Сулеймана.

Насими оказал благотворное влияние и на творчество чагатайских поэтов. Только благодаря его и К. Бурханеддина туюкам этот жанр стал популярным в чагатайской поэзии, начиная от Эмира и Лутфи в первой половине XV в. и вплоть до Бабура (1483—1530). Среди азербайджанских поэтов, находившихся под влиянием творчества Насими, автор называет Хабиби, Хакики, Хатаи, Ровшени, Физули. О поэте Ровшени, умершем в 1486 г., К. Барил пишет: «Поэт Ровшени происходил из Айдына. После нескольких лет жизни в Бурсе и Карамане он переехал в Баку, где стал дервишем под руководством Ширванлы Сейид Яхья, главы ордена Халвати в этом городе. В конце концов он сам установил текке в Тебризе. Поэзия его создана на азербайджанском языке и включает, как и у Кады Бурханеддина и Насими, четверостишия в форме туюк» (стр. 77). В монографии приводится ряд примеров из поэтического наследия Ровшени, в которых легко прослеживается влияние Насими. Затем, также на конкретных примерах, показано влияние поэзии Насими на творчество Хабиби (стр. 78, 79), Джахан шаха Хакики (стр. 80—81), Шах Исмаила Хатаи (стр. 81—84).

Вторая часть книги озаглавлена «Тюркские четверостишия». В ней, как уже отмечалось выше, даются в оригинале арабским шрифтом четверостишия поэта с подстрочным переводом каждого из них на английский язык и с авторскими комментариями. Затем автор толкует то или иное слово в составе данного четверостишия, причем чаще всего им раскрывается скрытая суфийско-хуруфитская символика. С этой целью К. Барил привлекает данные многочисленных толковых, философских и энциклопедических словарей.

Чтобы дать читателю возможно более полное представление о методе анализа автором четверостиший Насими, ниже приводится одно из них с сохранением интерпретации К. Барил:

ای بکاغدن منور آفتاب دوشدی حسناک پرتوزدن آیه تاب  
کرپشک زلفک قشک ام الكتاب اولدی یوزکنن عیان یوم الحساب

'О ты, чьими щеками солнце озарено,  
 Лучами красоты твоей сияние легло на луну,  
 Твои ресницы, твои волосы, твои брови суть Мать Книги,  
 Твоим лицом стал явным Судный День'.

«Поэт обращается к возлюбленной, — пишет К. Барил, — исходя из хуруфитских идей о человеческом лике. (Человеческий лик является источником света, даже для солнца и луны). Для верующего он (лик) — сущность божественного откровения, Фатиха и источник его (апокалипсиса), приносящего верующим Рай на земле» (стр. 91—92).

Затем автор раскрывает значения следующих выражений из этого четверостишия.

يكاغكدن منور آفتاب 'Щеками твоими солнце озарено'. В отрывке из повествования ал-Кисан о Сотворении мира говорится: «Вахб сказал, что затем Аллах сотворил Солнце и Луну. Солнце Он сотворил из света Трона, а Луну сотворил из света своего покрывала». С этой точки зрения, и в связи с тем, что хуруфиты считали человека также Троном, первая строка четверостишия представляет особенный интерес.

ام الكتاب 'Мать (источник или основная часть) книги'. Хуруфиты считали человека Книгой Аллаха, в которой воплотилось слово Бога, поэтому они верили в мистическое соответствие: Человек-Коран. По этой причине Утм-ül-Китар может относиться к: (а) Еве (Мать Книги); (б) Хранимому Табло (Источник Книги), то есть табло, на котором был написан Коран задолго до сотворения мира; (в) Фатихе (Основной части Книги)... Тут Насими в данном пункте вводит еще две хуруфитские идеи: 1) Коль скоро Человек—Коран и, согласно учению хуруфитов, лик или голова Человека — суть его, то Лик или Голова Человека — это Фатиха (сущность Корана); 2) Подобно тому, как Фатиха состоит из семи стихов, так и лицо Человека обладает семью чертами. Нумерация их хотя и варьируется, но только в таких пределах: волосы, брови и четыре ряда ресниц.

يوم الحساب 'Судный День'. Уподобление вполне уместно, ибо в Фатихе Аллах провозглашается Владыкой «Судного Дня» (стр. 91—92).

К. Барил можно, к сожалению, упрекнуть в неточности перевода некоторых четверостиший. Строки из четверостишия № 10 на стр. 100 вместо

*O, willingly have I become a slave to thee  
 What need of airs and graces?*

следовало бы перевести

*O (sweet) heart, I have become a slave to thee  
 What need of airs and graces, that you make.*

В 26-м рубай в последней строке первое слово автором переводится: «роза» — gül, в то время как оно должно быть прочитано gäl и соответственно переведено come, то есть «приди»:

گل که ویردی حسنکا تابان قمر

*It is the rose [?] which gave radiance to thy beauty,  
 O, moon (стр. 117).*

В рубай № 27 последнюю строку عمزه جاوز لوف وخالک فتنه در точнее было бы перевести не *Thy glance, eye, lock, thy mole are temptation, a Thy glance is wizard, thy lock and mole are temptation* (стр. 118).

Как известно, повелительное наклонение нередко образуется с помощью деепричастной формы основного глагола на -а в сочетании с глаголом gōr- в качестве вспомогательного. Поэтому в переводе 49-го рубай گل محیط عشقه بیرگز طاله گور tālā gōr должно быть переведено не как *see that you plunge*, а как *plunge* (стр. 140). На стр. 142 перевод 3-й строки рубай также неточен: شاه اکم, عالمده انسانی قلور правильнее не *The King makes mankind in the two worlds, a (The Truth) makes mankind a king in the two worlds*.

На стр. 172 рубай № 82 переведено неверно только потому, что редифное слово gārāk (*it must be*) автором прочитано gōrūn.

На стр. 173 в рубай № 83 первое слово последней строки прочитано ошибочно gōrinze и, соответственно, переведено *when one sees it*, что неверно. Следовало перевести «Lo, what...».

На стр. 187 в третьей и четвертой строках поэт обращается к сердцу:

Dārdimā hāmdām nā jar oldu, kōñül,  
 Gōr nā zaje ruzigar oldu, kōñül  
 'A constant companion for my affliction did not become  
 a friend, o heart,  
 Lo, what wasted fortune is, o heart'

Однако автор переводит:

*A constant companion for my afflictions fell the heart,  
See what wasted fortune become the heart.*

На стр. 188 (рубан № 99) строку *التي درك طاسنه دوشدى كوكل* автор переводит *Into the bowl of the six afflictions fell the heart*, тогда как второе слово в данной строке не *därd*, а *dörd*.

На стр. 194—195 автор отказывается от анализа строки *caru pānžū häft ilā šeš gāl-mišām* и пишет: «Все эти числа имеют специальное значение. Однако непонятно, что конкретно имеет в виду Насими. Употребление им во второй строке (слов) «вода», «огонь» является намеком на четыре элемента. В третьей строке обращение к хранимому табло могло предполагать 4, 5, 6 святых книг с семью стихами Фатихи». Добавим, что в данной строке Насими в своем лице воспевает величие и бессмертие Человека вообще. В первом случае поэт действительно намекает на четыре материальных элемента; под числом пять имеются в виду пророк Мухаммед и четверо его сподвижников; число шесть соответствует шести измерениям; под числом же семь подразумевается первая сура Корана.

На стр. 220 первая строка *جانمك لعلى مینر جام ايله* переводится *The lip of my beloved is his wine, with the cup*, тогда как правильнее было бы перевести ее *Her ruby (lips) are my soul's wine with the cup*. На стр. 232 перевод строки *شول بوى*

*شول بوى* получился неверным из-за неправильного прочтения слова *boj* 'рост', 'стан'. *To this one with exquisite aroma, did I give my heart*, откуда явствует, что данное слово автор интерпретировал как *buj* 'аромат'. Судя по всему, К. Барил хорошо знает персидский язык, ведь в персидском языке слово *buj* никогда не образует изафета с *gā'na*, имеющим значения «миловидный», «стройный», «изящный».

Словарь, составленный автором, занимает стр. 263—308, в него включены все слова, встречающиеся в 173 исследованных четверостишиях.

На стр. 311—357 приводится факсимиле рубан.

Следует отметить, что на стр. 359—361 даются некоторые хуруфитские значения чисел от одного до семи. Ввиду того, что они могут представить определенный интерес, мы считаем возможным поместить ниже их перевод на русский язык.

*Один.* Аллах. Арабская буква. Число на игральной кости. Точка под буквой *ba*.

*Два.* Арабская буква *ba*. Два мира. *Hal* и *ṭaḥal*. Число на игральной кости.

*Три.* Арабская буква *djim*. *Mevalid-i selase* «Три мира» (мир растений, минералов, животных). Три измерения. Число на игральной кости.

*Четыре.* Арабская буква *dal*. Буквы слова *Allah*. Четыре дополнительных буквы в персидском алфавите (добавляемые к 28 арабским буквам). *Apasir-i erbaa* «Четыре элемента». *Tabaui-i erbaa* «Четыре естества (теплый, холодный, влажный, сухой)». Четыре друга Мухаммеда (и Фазлуллаха). Архангелы. Правоверные халифы. Четыре гиба шапки Бекташита, соответствующие «четырем воротам», и четыре соответствующих сословия людей. Книги (священные): Пятикнижие, Псалом, Евангелие, Коран. Реки рая. Горы рая. Число на игральной кости.

*Пять.* Арабская буква *hā*. Чувства. Компоненты Плаща. Ежедневные молитвы. Предписанные обязательства. Книги (Пятикнижие, Псалмы, Евангелие, Коран, Джавиданнаме). Диакритические знаки 14 изолированных букв в Коране. Число на игральной кости.

*Шесть.* Арабская буква *shaw*. Дни сотворения. Шесть морей. Шесть планет (Сатурн, Юпитер, Марс, Венера, Меркурий, Луна). Направления. Стороны куба. Концы шестигульника. Виды добрых деяний. Отверстия на лице человека: глаза, уши, нос, рот. Полосы волос, связанные с глазами. Число на игральной кости.

*Семь.* Арабская буква *ze*. Небеса. Земля. Ад. Ворота ада (смертный грех). Моря. Страны (климат). Семь планет (Сатурн, Юпитер, Марс, Венера, Меркурий, Луна, Солнце). Слова мусульманской формулы веры. Стих в Фатиха. Черты на человеческом лице. Кругооборот Каабы. Чтение Корана.

Как известно, о творчестве Насими много пишут и у нас, и за рубежом. Все исследователи единодушно признают тот факт, что многие строки великого поэта таят в себе глубокий философский смысл, завуалированный суфийско-хуруфитской символикой, и по этой причине с трудом поддаются философскому и филологическому анализу. Не секрет, что филологи и философы, обращающиеся к творческому наследию Насими, как правило, подвергают анализу лишь те строки его стихов, толкование значений которых не представляет особой трудности, отказываясь от анализа других, более сложных бейтов, рубан, нередко даже целых газелей, несомненно, выражающих сущность пантеистического миропонимания великого поэта-философа. В этом смысле монография К. Барил выгодно отличается от многих других.

Ценность рецензируемой книги заключается не только в том, что в ней дан глубоко-научный и в целом весьма удачный анализ поэтического творчества и философских взглядов Насими, но и в том, что к историко-филологическому анализу привлечены все четверостишия поэта, включенные в список «Дивана», некогда принадлежавшего Хеким-оглу Али Паше. Монография К. Барил является, несомненно, одной из лучших исследовательских работ в насимиведении.

В. И. Асланов

## КАЮМ НАСЫРИ. ЭНМЮЗЭЖ.

КАЗАН, 1975

В ознаменование 150-летия со дня рождения выдающегося татарского ученого-энциклопедиста Каюма Насыри в Казани вышло в свет второе издание его грамматики «Энмюзэдж».

Каюм Насыри многие годы своей жизни посвятил изучению грамматического строя<sup>1</sup> татарского языка, исследованию его лексических богатств, составлению словарей<sup>2</sup> и т. д.

«Энмюзэдж» — итоговая работа ученого, составившая новый этап<sup>3</sup> в развитии татарского языкознания, вышла в свет в 1895 году<sup>4</sup>.

<sup>1</sup> «Кыскача татар нэхүе» («Краткая татарская грамматика»). Казан, 1860; «Қавағыйде кыйраэте рус» («Правила чтения русского языка»). Казан, 1889; «Нәмүне яки энмюзэж» («Грамматика русского языка по образцу арабской грамматики»). Казан, 1892; «Энмюзэдж» *أموزج* Казан, 1895.

<sup>2</sup> «Татарча-русча лөгатъ» («Татарско-русский словарь»). Казан, 1875; «Лөгате рус китабы» («Русско-татарский словарь»). Казан, 1892; «Ләһжәи татари» («Толковый словарь татарского языка»), т. I. Казан, 1895; т. II. Казан, 1896.

<sup>3</sup> В 1778 году вышла в свет «Азбука татарского языка» Сагита Халфина. И. Гиганов опубликовал в 1801 году «Грамматику татарского языка» и в 1804 г. — «Словарь российско-татарский». В 1809 году Ибрагим Халфин издал «Азбуку и грамматику татарского языка». В 1814 и 1833 гг. вышли работы А. Троянского «Краткая татарская грамматика» и «Словарь татарского языка» и т. д.

<sup>4</sup> «Энмюзэдж» Каюма Насыри посвящены следующие статьи: Р. А. Хакимова. К. Насыров как языковед. — «Каюм Насыри». Материалы научных сессий, посвященных 120-летию со дня рождения. Казань, 1948; В. Н. Ханильдин. Татарская грамматика Каюма Насырова «Энмюзэдж». — «Вопросы языкознания», 1956, № 4; Я. С. Ахметгалеева, Р. С. Газизов. Предисловие к новому изданию «Энмюзэдж» (Казань, 1975).

«Энмюзэдж» состоит из следующих четырех глав: I — Звуковой строй языка и имена («Кәлимә вә сүз») — стр. 3—15<sup>5</sup>; II — Глаголы («Фигильләр») — стр. 16—57; III — Буквы<sup>6</sup> («Хәрефләр») — стр. 16—60; IV — Способы связи слов («Тәркиб вә тәснүиф кағидәләре») — стр. 60—86.

При описании звукового состава татарского языка Каюм Насыри выделяет десять гласных. Так как имеющиеся в арабском алфавите три знака, передающие гласные звуки, не охватывают вокализма татарского языка, ученый разрабатывает на основе арабской графики дополнительную систему знаков, используя ее в разделе, посвященном фонетическому строю татарского языка. Записанные с помощью этих знаков слова получили более точное звуковое отображение, например: *уч* *اوج* 'горсть', *оч* *اوج* 'конец', *өч* *اوج* 'три'. В старой графике они писались одинаково.

При описании согласных Каюм Насыри пользуется научными терминами, принятыми в русской лингвистике его времени: губные, гортанные, шипящие, свистящие, небные, зубные, носовые. В общем перечне согласных им приводится 29 знаков, однако, подразделяя согласные звуки на классификационные группы, ученый выделяет лишь 24 звука.

На стр. 115—116 нового издания приведены наблюдения Каюма Насыри над изменениями, происходящими с гласными и согласными звуками в потоке речи.

Особое место в системе вокализма татарского языка занимает гармония гласных,

<sup>5</sup> Здесь и далее указаны страницы по новому изданию.

<sup>6</sup> Р. С. Газизов название III главы *حرف* перевел словом «Буквы». Исходя из содержания главы, ее лучше было бы назвать «Частицы», как это сделано П. М. Мелиоранским. См.: П. М. Мелиоранский. Араб-филолог о турецком языке. СПб., 1900, стр. V.

последовательно отраженная ученым в приводимых им примерах: *ата* آتا 'отец', *өләч* انهچ 'петух', *коро* قورو (в соврем. орфографии *коры*) 'сухой', *йөрөш* يوروش (в соврем. орфографии. *йөреш*) 'ходьба', *очкон* اوچقون (очкын) 'искра', *орлок* اورلوق (орлык) 'зерно' и т. д.

В разделе морфологии автором используется арабская лингвистическая терминология, утвердившаяся в его время и в татарском языкознании. Как и арабские грамматики, Каюм Насыри части речи подразделяет на имя *اسم*, глагол *فعل* и буквы *حرف*. Различия между именем и глаголом автор видит в том, что «имя имеет самостоятельное значение, но не выражает времени», а глагол «имеет самостоятельное значение, но выражает и время» (стр. 117).

В основу определения частей речи (существительного, прилагательного, числительного) в одних случаях положена форма, в других — значение. Подробно анализируются автором различные грамматические категории, относящиеся к именам.

Каюмом Насыри в татарском языке конца XIX века зафиксировано около восьмисот активных глаголов, некоторые из них в настоящее время уже вышли из употребления; например, *усанмак*, *нурланышмак* и др.

Центральное место в разделе занимает рассмотрение залогов. Каюм Насыри выделяет 5 залогов: основной, переходный, взаимный, страдательный и возвратный.

Глава «Буквы» написана в традициях арабской лингвистики. В эту главу Каюм Насыри включил все, что с его точки зрения не относится ни к именам, ни к глаголам. Таким образом, сюда вошли послелоги, словообразовательные и словоизменительные аффиксы, союзы, междометия, наречия и т. д. В этой же главе представлены образцы склонения имен, спряжения глаголов, а также причастия и деепричастия.

Каюм Насыри приводит не только склонения имен существительных, прилагательных и местоимений, но также парадигмы изафетных и определительных словосочетаний. В системе склонения ученый называет шесть падежей: начальный, притяжательный, винительный, направительный, совместно-инструментальный и местно-временной.

В качестве неопределенной формы глагола Каюм Насыри принимает форму на -тац, -тәк. Он указывает три времени глагола (настоящее, прошедшее и будущее) и определяет его наклонения (условное, желательное, повелительное и, надо полагать, изъявительное, хотя в работе последнее не имеет специального названия).

Значительное место в исследовании Каюма Насыри отводится именному и глагольному словообразованию (стр. 149—161).

В IV главе книги (стр. 60—86) «Способы связи слов» автором выделяются четыре типа словосочетаний: изафетное словосочетание (существительное+существительное), сочетание определения с определяемым (прилагательное+существительное), именное предложение и глагольное предложение.

Каюм Насыри подробно говорит о том, какие части речи могут выступать в роли подлежащего, и указывает, что эту функцию могут выполнять имена существительные, местоимения, инфинитивы и изафетные словосочетания.

Анализируя глагольные предложения, то есть предложения с глаголом в функции предиката, Каюм Насыри обращает внимание на место сказуемого в татарском предложении.

Оригинальный языковой материал приведен исследователем на стр. 185—192. Здесь представлены фразеологические словосочетания татарского языка.

На Каюма Насыри — грамматиста — оказали влияние две совершенно различные лингвистические школы: арабская и русская. Ни одной из них он не следует слепо, а, синтезируя их, извлекает из каждой наиболее соответствующее системе его родного языка.

Каюм Насыри строго различает народно-разговорный — предмет его исследования — и книжный татарский язык, а также так называемый чагатайский язык, из которого он приводит ряд иллюстративных примеров (стр. 113, 147). Значение данного труда Каюма Насыри заключается также и в том, что собранный в нем лексический материал содержит большое количество примеров татарского народно-разговорного языка второй половины XIX века.

К. Насыри широко использует фольклорные образцы: отрывки из песен, пословицы, поговорки и т. д. Язык автора, в свою очередь, представляет несомненный интерес для историков языка как образец научного стиля того времени.

Издание книги Каюма Насыри (изд. 1975 г.) состоит из двух частей: первая часть (стр. 3—111) представляет собой переложение и частичную транслитерацию текста «Энмюзядж» 1895 года издания, приведенного в соответствие с письменностью современного татарского языка; вторая часть — русский перевод (стр. 112—195). Переложение текста и его перевод на русский язык осуществлены Р. С. Газизовым. Ответственный редактор нового издания Я. С. Ахметгалеева.

Примеры, представленные в арабской графике, являются копией иллюстративного материала «Энмюзядж». Все они транскрибированы как в первой, так и во второй части, в последней они снабжены еще и переводами.

В татарской части нового издания сохранена арабская терминология. При некоторых заголовках приводится в скобках тер-

минология, принятая в современном татарском языкознании.

К книге приложен небольшой арабско-татарско-русский словарь лингвистических терминов, использованных в «Энмюзядж».

Издание «Энмюзядж» К. Насыри открывает серию планируемых к публикации трудов, рекомендуемых в качестве учебного

пособия для студентов вузов и аспирантов по курсу «Введение в татарское языкознание». По нашему мнению, книга представляет несомненный интерес и для исследователей грамматического строя всех других тюркских языков.

*И. Баширова*

---

## НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

### НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ, ПОСВЯЩЕННАЯ 150-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ТАТАРСКОГО УЧЕНОГО-ПРОСВЕТИТЕЛЯ КАЮМА НАСЫРИ

11—12 февраля 1975 года в Казани состоялась научная конференция, посвященная 150-летию со дня рождения известного татарского ученого-просветителя Каюма Насыри. Конференция была созвана Институтом языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова Казанского филиала Академии наук СССР, Казанским государственным университетом им. В. И. Ульянова-Ленина и Казанским государственным педагогическим институтом.

В работе конференции, помимо научных сотрудников упомянутых института и вузов, приняли участие также сотрудники Казанского государственного медицинского института, Татарского филиала института национальных школ Академии педагогических наук СССР, Дагестанского филиала института национальных школ, Государственного музея ТАССР.

На конференции было заслушано свыше двадцати докладов и сообщений по различным вопросам языкознания, философии, литературоведения, истории, археологии, этнографии, фольклористики, медицины и просвещения.

Первое заседание открыл секретарь Татарского областного комитета КПСС, кандидат исторических наук *М. Ф. Валеев*. В своем вступительном слове он отметил большие заслуги ученого и просветителя Каюма Насыри в развитии культуры татарского народа и сближении его с русским народом.

*М. К. Мухарямов* (директор ИЯЛИ) в докладе «Каюм Насыри и его эпоха» охарактеризовал историческую обстановку, в которой жил и работал ученый-энциклопедист, писатель и просветитель Каюм Насыри, воспитанник Казанского университета — этого замечательного учебного заведения, являвшегося научным и просветительным центром для всех народов Поволжья.

С докладом «Видный татарский ученый и писатель» выступил *М. Х. Гайнуллин* (ИЯЛИ). Он отметил значение литературной и переводческой деятельности Каюма

Насыри, в которой нашли свое выражение демократические и патриотические идеи писателя.

Представленный на конференции доклад академика *А. Н. Кононова* (Ленинград) «Из истории тюркского языкознания в России» был посвящен анализу «Грамматики татарского языка» *И. Гиганова*, одного из предшественников Каюма Насыри в татарском языкознании. Эта работа содержит наиболее полное для того времени (1801 г.) описание грамматической структуры татарского языка.

*М. З. Закиев* (КГПИ) выступил с докладом «Каюм Насыри у истоков татарского национального языка». Ученый жил в эпоху формирования татарского литературного языка. Разрабатывая его фонетические, грамматические и лексико-семантические нормы, он подготовил теоретические основы татарского языкознания.

*С. Акбиев* (Дагестан) в докладе «Каюм Насыри и А. Акаев» рассказал о сильном влиянии, оказанном идеями К. Насыри на деятельность дагестанского просветителя.

*И. А. Абдуллин* (ИЯЛИ) выступил с докладом «Роль Каюма Насыри в развитии и демократизации татарского литературного языка». Отметив, что Каюм Насыри как ученый прежде всего был языковедом, докладчик подробно остановился на его деятельности, связанной с разработкой норм национального литературного языка.

*Я. С. Ахметгалеева* (ИЯЛИ) в докладе «Каюм Насыри и татарская грамматика» дала анализ обобщающей работы ученого, посвященной грамматике татарского языка «Энмюзядж», в которой ярко проявилось влияние двух лингвистических школ: арабской и русской. Докладчик охарактеризовала «Энмюзядж» как грамматику нового типа и сопоставила ее с исследованиями предшественников Каюма Насыри в татарском языкознании — *Г. Махмудова*, *А. Троянского*, *И. Гиганова*.

*В. Х. Хаков* (КГУ) в докладе «Традиции Каюма Насыри в татарском языкознании» подчеркнул заслуги Каюма Насыри в татар-

ском языкознании и указал на влияние его прогрессивных идей на последующих татарских языковедов.

С докладом «Каюм Насыри об изучении русского языка» выступил *А. Ш. Асадуллин* (Тат. фил. АПН СССР). Отметив, что интерес к изучению русского языка у Каюма Насыри возник еще в детстве, докладчик рассказал о том, как этот выдающийся просветитель всю свою жизнь боролся за овладение ценностями русской культуры, за изучение татарами русского языка. Им были разработаны первые методические указания по овладению русским языком.

Доклад *Ф. С. Фасеева* (ИЯЛИ) был посвящен разработке Каюмом Насыри татарской научной и учебно-педагогической терминологии.

*Ш. С. Ханбикова* (ИЯЛИ) в докладе «Первый толковый словарь татарского языка» охарактеризовала словарь «Лэхжэи татари», составленный Каюмом Насыри в двух томах, изданных соответственно в 1892 и 1896 гг. В этом словаре, содержащем свыше 10.000 слов, широко представлена лексика татарского языка. Особое внимание докладчик уделила терминам, включенным в словарь.

*К. С. Фасеев* (КГУ) в докладе «Поборник идеи дружбы народов» отметил, что Каюм Насыри придавал большое значение изучению русской культуры, науки и искусства, всеми силами стремился содействовать сближению и взаимопониманию татарского и русского народов.

Докладчик указал на необходимость правдивого освещения фактов истории народов, населявших Россию, не только в научных трудах, но и в школьных учебниках, ибо ошибочное смещение в некоторых из последних татаро-монгол и современных татар дезориентирует учащихся и не способствует их интернациональному воспитанию.

*Я. Г. Абдуллин* (ИЯЛИ) в докладе «Роль Каюма Насыри в развитии татарской общественно-философской мысли» отметил большое значение трудов татарского просветителя в борьбе против средневековой мусульманской идеологии. Он подчеркнул огромное значение Каюма Насыри в просвещении татарских народных масс, популяризации демократических идей представителей лучшей части русского общества. Докладчик отметил ведущее положение ученого в ряду видных татарских просветителей второй половины XIX века.

*А. Г. Каримуллин* (ИЯЛИ) в докладе «Издательская деятельность Каюма Насыри» охарактеризовал ежегодно выпускавшиеся Каюмом Насыри календари, которые использовались ученым для популяризации научных и литературных материалов среди татарского населения.

В докладе «Вклад Каюма Насыри в исследование древней истории и археологии казанских татар» *Р. Г. Фахрутдинов* (ИЯЛИ) отметил значение Каюма Насыри как собирателя и интерпретатора историко-эпиграфических памятников казанских та-

тар, расселенных в Северном Предволжье. Научную ценность представляют обнаруженные исследователем материалы по истории сел Нагорной стороны ТАССР и по средневековой истории города Казани. Докладчик подчеркнул также, что Каюм Насыри был одним из первых просветителей, знакомивших татарский народ с русской историей.

*Р. К. Уразманова* (ИЯЛИ), выступившая с докладом «Каюм Насыри как этнограф», подчеркнула, что ценность этнографических работ ученого заключается в том, что он собранные им материалы смело ввел в научный обиход, в то время как другие, даже наиболее передовые представители татарского народа, старались скрыть народные обычаи татар от «посторонних» глаз.

*Х. Ш. Махмудов* (ИЯЛИ) в докладе «Место Каюма Насыри в истории татарской фольклористики» ознакомил собравшихся с деятельностью замечательного татарского просветителя в области собирания, систематизации и издания произведений народного творчества. Докладчик уделил особое внимание анализу эстетических взглядов ученого.

*М. В. Гайнутдинов* в докладе «Литературный процесс XIX века и Каюм Насыри» показал место, занимаемое творчеством Каюма Насыри в литературном процессе второй половины XIX века. Выделив четыре этапа в творческой эволюции писателя, докладчик подробно охарактеризовал каждый из них. М. В. Гайнутдинов отметил общность поэтики Каюма Насыри с фольклорной поэтикой, назвав творческий метод писателя «просветительским романтизмом».

*Ф. Ф. Исламов* (Тат. фил. ин-та национальных школ) в докладе «О патриотическом и интернациональном воспитании учащихся в процессе изучения жизни и творчества Каюма Насыри» подчеркнул, что в многочисленных трудах ученого ярко проявилось стремление приобщить татарский народ к русской демократической культуре, достигшей в шестидесятые годы XIX века своего расцвета.

Совместный доклад *Р. М. Шарфутдиновой* (КГМИ) и *А. Н. Хайруллина* (ИЯЛИ) был посвящен специальным трудам Каюма Насыри о лекарственных свойствах растений, рецептах народной медицины и вопросах гигиены. Кроме публикаций, докладчики привлекли также в качестве источников архивные материалы и рукописи ученого.

*Д. Б. Багаутдинова* (Гос. музей ТАССР) в докладе «Фонд Каюма Насыри в Государственном музее ТАССР» высказала ряд предположений относительно причастности Каюма Насыри к организации этого музея. По мнению докладчика, хранящиеся в музее материалы фонда ученого нуждаются в дальнейшем изучении.

*Л. Т. Махмутова* (ИЯЛИ) в своем выступлении отметила, что ко времени создания лингвистических трудов Каюма Насыри татарское языкознание имело уже более чем вековую историю. Она высказала

мнение, что для более полной и правильной оценки научного наследия ученого необходимо проводить сопоставительный анализ работ Каюма Насыри и его предшественников.

Взаимоотношениям Каюма Насыри и Ш. Марджани посвятил свое выступление *А. Н. Хайруллин* (ИЯЛИ).

Во всех докладах единодушно подчеркивалась высокая оценка, данная научной деятельности Каюма Насыри не только его современниками, но и учеными нашего времени.

В заключительном слове *М. К. Мухарямов* сообщил, что 150-летие со дня рождения Каюма Насыри широко отмечалось в перио-

дической печати. Ученые ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова приурочили к юбилейной дате выход в свет I тома собрания сочинений Каюма Насыри и отдельного издания его грамматики татарского языка «Эмъюздж». Доклады, прочитанные на конференции, показали, что ученые Татарии и других научных центров страны проделали большую работу в области изучения разносторонней деятельности татарского просветителя Каюма Насыри, труды которого до сих пор не утратили своей научной ценности.

*Я. С. Ахметгалеева*

## КОНФЕРЕНЦИЯ ПО ТЮРКСКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

17—19 марта 1975 года Сектором тюркских языков Института языкознания Академии наук СССР, Советским Комитетом тюркологов и Научным советом лексикологии и лексикографии Отделения литературы и языка Академии наук СССР была организована конференция по тюркской лексикографии, приуроченная к 70-летию со дня рождения и 45-летию научно-педагогической деятельности одного из крупнейших советских лексикографов, заслуженного деятеля науки РСФСР, Казахской ССР, Туркменской ССР и Каракалпакской АССР, доктора филологических наук, профессора Николая Александровича Баскакова.

Основная задача конференции — обобщение и критическая оценка опыта составления переводных тюркско-русских, русско-тюркских, толковых, исторических, этимологических, диалектологических, терминологических, топонимических и антропонимических словарей в целях повышения их практической ценности и научного уровня.

В работе конференции приняли участие ученые Абакана, Ашхабада, Баку, Горно-Алтайска, Донецка, Елабуги, Казани, Кызыла, Ленинграда, Москвы, Махачкалы, Нальчика, Нукуса, Ташкента, Уфы, Фрунзе, Чебоксар, Черкесска, Якутска, Ярославля и других городов.

Открывая конференцию, заведующий Сектором тюркских языков Института языкознания Академии наук СССР, заместитель председателя Советского Комитета тюркологов проф. *Э. Р. Тенишев* отметил, что лексикография — одна из развитых отраслей тюркского языкознания, имеющая богатые традиции. Первые словари тюркских языков, созданные в XIX в. О. Бётлингком, Л. Будаговым и др., в настоящее время не утратили своего огромного научного значения.

Однако особенно интенсивно лексикографическая наука стала развиваться после Великой Октябрьской социалистической революции. Уже в первые годы Советской власти начали выходить в свет учебные пособия и переводные словари. Одним из первых был издан «Русско-киргизский словарь» К. К. Юдахина (М., 1940).

Значительным событием в тюркологии последних лет стал выход в свет «Этимологического словаря тюркских языков» Э. В. Севортыана (М., 1974). Для развития лексикографической науки важное значение имело также издание работы А. А. Юлдашева «Принципы составления тюркско-русских словарей» (М., 1972), в которой подводится итог всей лексикографической работе в тюркологии, освещаются ее узловые вопросы, выдвигаются проблемы, требующие дальнейшего изучения. Большой вклад в развитие тюркской лексикографии внес Н. А. Баскаков, с 40-х гг. активно участвующий в составлении переводных словарей.

В работе конференции были освещены лексикологические и лексикографические проблемы составления этимологических, толковых, фразеологических, переводных, терминологических и других словарей.

Состоянию работы тюркологов над этимологическими словарями посвятил свой доклад *А. М. Щербак* (Ленинград). Охарактеризовав пути развития этимологических исследований и, в частности, этимологические словари Вамбери, Рясанена и других, докладчик подробно остановился на методах и принципах этимологизации исконной тюркской лексики. А. М. Щербак отметил также, что идею составления полного этимологического словаря, высказанную Н. К. Дмитриевым, ныне успешно претворяет в жизнь Э. В. Севортыан, и охарактеризовал основные положительные сторо-

ны I тома его «Этимологического словаря тюркских языков».

Обстоятельный анализ исторических словарей, изданных в нашей стране и за рубежом, дал в своем докладе Э. Н. Наджип (Москва). Он подчеркнул, что до последнего десятилетия мы фактически не имели исторических словарей, кроме словарей В. В. Радлова и Л. Будагова, лексический материал которых, взятый из исторических памятников, достаточно скуден.

Оценив издание «Древнетюркского словаря» (М.—Л., 1969) как большой вклад в историческую лексикографию, Э. Н. Наджип подчеркнул необходимость повторного и более полного его издания с включением части лексики из таких источников, как словарь Махмуда Кашгари и «Кутадгу билиг». Как большой успех казахских языковедов, докладчик отметил издание А. К. Курышжановым «Исследований по лексике тюркско-арабского словаря» и Г. Айдаровым «Орхонских памятников».

Наряду с успехами, достигнутыми тюркской лексикографией, Э. Н. Наджип отметил и некоторые имеющиеся недостатки. Так, например, словарь П. Шамсиева и С. Ибрагимова, выпущенный в Ташкенте в 1970 году к юбилею Алишера Навои, представляет собой скорее словарь арабских и персидских заимствований в произведениях узбекского классика, а не словарь языка его произведений.

Э. Н. Наджип кратко остановился на характеристике готовящихся к печати историко-сравнительных словарей, выдвинув при этом следующие предложения: 1) необходимо создать словарь XI—XIV вв., осуществив предварительно тщательную текстологическую работу по изученным спискам; 2) создать полный исторический словарь произведений среднеазиатских классиков XI—XIX вв., положив в основу словарь произведений Алишера Навои; 3) выпустить отдельным изданием словарь XVII в. по произведениям Абул-Газы «Шажараи тарокима» и «Шажараи турк».

Э. И. Фазылов (Ташкент) в своем докладе остановился на принципах составления словарей по литературным памятникам тюркоязычных народов. При этом он исходил из собственного опыта лексикографирования староузбекских текстов, в частности составления «Словаря староузбекского языка».

С докладом о «Проблемах филологической достоверности слова в тюркских словарях» выступил И. Г. Добродомов (Москва). Он затронул причины возникновения ошибок в русско-тюркских и тюркско-русских словарях и привел примеры включения в словари несуществующих так называемых «призрачных» слов, неверной огласовки лексем, а также неточного их толкования. Например, в чувашской части «Сравнительных словарей всех языков и наречий, собранных десницею высочайшей особы» (ч. 1—2. СПб., 1787—1789), издававшихся по указанию Екатерины II под

редакцией П. С. Палласа, русскому слову «чудо» соответствует «куминскерь». Далее докладчик указал на некоторые неточности в словаре Махмуда Кашгарского, возникшие из-за ошибок переписчиков.

В докладе О. А. Мизина (Елабуга, ТАССР) была рассмотрена небольшая группа русской лексики, вошедшей в русский язык через тюркские языки и восходящей к китайскому источнику. Докладчик показал, что наиболее древние китайизмы проникли в русский язык устным путем через посредство тюркских языков и составили три пласта, что должно учитываться при лексикографической обработке: 1) общелитературные слова: чай, книга; 2) слова локального (среднеазиатского) употребления манты, лагман; 3) диалектизмы и устаревшие слова: мога 'сушеные грибы' (ср. бурят. мээгэ). О. А. Мизин предложил этимологию слов утюг и манты: ü-dou → üdu → тюркское ütü → ütük (у Махмуда Кашгарского и в современном афганском *آتو*): различные фонетические варианты его имеются в тюркских и нетюркских языках Средней Азии, Кавказа и Поволжья. Были прослежены докладчиком также семантические изменения и географическое распространение слова манты, первоначально обозначавшего ритуальные кушанья.

Рассмотренные заимствования О. А. Мизин отнес к именам четырех лексико-семантических групп: наименованиям растений, кушаний, тканей, некоторых хозяйственно-бытовых предметов; все они структурно представлены двуслогами, что является важнейшим признаком их китайского происхождения.

Э. Р. Тенишев (Москва) посвятил доклад одному из малоизученных вопросов тюркской ономастики: принципам подачи собственных имен в древнетюркских словарях. Докладчик предложил подачу собственных имен, отличающуюся от принятой в словаре Дж. Кюсона, подробно остановился на составе древнетюркских имен и принципах их классификации.

Н. А. Баскаков (Москва), выступивший с докладом «Принципы и методика составления словарей профессиональной лексики», обратился ко всем лексикографам с призывом уделять особое внимание включению в словари той части народно-отраслевой лексики, в которой нашла отражение этнография народа, профессиональная лексика, связанная с различными ремеслами, и т. п., что до последнего времени недооценивалось составителями. Докладчик остановился также на методике составления словарей профессиональной лексики.

Г. Д. Санжеев (Москва) выступил по вопросу проникновения некоторых монгольских элементов в тюркскую лексическую систему через посредство других языков. Он подчеркнул, что необходимо объединить усилия тюркологов и монголоведов для исследования взаимопроникновения тюркских и монгольских элементов соответственно в тюркские и монгольские языки.

В докладе *Л. В. Дмитриевой* (Ленинград) приводилась авторская этимология некоторых общих названий растений в алтайских языках.

С сообщением о происхождении слова *ötükän* выступил *Б. И. Татаринцев* (Кызыл). На основе анализа данных древнетюркских памятников и ряда современных тюркских языков докладчик пришел к заключению, что первоначально слово *ötükän*, вопреки распространенному мнению, не обозначало женского божества Земли, а являлось особым географическим (орографическим) термином.

*М. В. Лазова* (Москва) рассказала о деятельности издательства «Советская энциклопедия» в области издания словарей. Она отметила достигнутые в этом успехи: начиная с 1931 г. издательством выпущено 47 названий словарей по 19 тюркским языкам. *М. В. Лазова* подробно остановилась на перспективном плане издательства.

*З. Б. Мухамедова* (Ашхабад) проанализировала работу над русско-тюркскими словарями, сосредоточив внимание на трудностях, в основном методологического характера, возникающих при их составлении. Большое место в докладе было отведено принципам перевода слов, не имеющих эквивалента в русском языке.

С докладом «Производное значение слова, обусловленное его грамматической формой и уникальной лексической сочетаемостью» выступил *А. А. Юлдашев* (Москва). Он отметил, что производное значение типа башк. (*тау*) *итәге* 'подножие (горы)' функционирует только в форме 3-го лица единственного числа категории принадлежности, причем лишь в соотношении с единственным словом *тау*, но теоретически возможно и *кая итәге* 'подножие скалы'. В словарях это не находит отражения: в большинстве случаев такое значение неправомерно приписывается словарной форме слова (*итәк*); нередко оно приводится как неотъемлемая часть всего данного словосочетания (*тау итәге*). Оспаривая последнее решение, докладчик отметил возможность замены слова *тау* местоимением: *Каршыбызда бөйөк тау. Итәгендә үсә бөзрә тал* 'Перед нами высокая гора. У его подножия растет ива'. По мнению *А. А. Юлдашева*, здесь выполняет свою функцию и аффикс принадлежности *-е*. Исходя из этого, докладчик заключает, что лексическое значение в данном случае соотносится лишь с основой слова (*итәк*), но практически проявляется только в единственной его словоформе (*итәге*) в сочетании со строго определенным словом. Поэтому, считает докладчик, такой структурный тип значения, широко представленный в тюркских языках, в словарях должен быть разработан особо. В порядке опыта *А. А. Юлдашев* предлагает подобные значения лексикографировать следующим образом:

1. Значения с уникальной лексической соотносительностью *итәк* 1) 'подол', 2) (*тау, кая*) *итәге* 'подножие (горы, скалы)'; *күз* 1) 'глаз', 2) (*эна*) *күзе* 'ушко (иголки)';

2. Значения с крайне ограниченной закрытой лексической соотносительностью: башк. *һырт* 1) 'спина', 2) (*тау, үр, кәбан*) *һырты* 'хребет (горы, возвышенности, стога)'; 3. Значения с закрытой, но широкой лексической соотносительностью (приводится лишь типичное показательное окружение): башк. *буй* 1) 'длина', 2) 'рост', ...7) (*юл, йылга, тау* и т. п.), *буйы* 'пространство, прилегающее к тому, что обозначено предыдущим названием местности (дорога, река, гора)', например: придорожная полоса, долина реки, подножие горы.

Об опыте составления трехязычных словарей тюркских языков рассказала в своем докладе *Л. А. Покровская* (Москва). Вышедшие в последние годы «Гагауско-руско-молдавский» и «Караймско-руско-польский» словари являются, как отмечалось в докладе, первым опытом составления трехязычных словарей. Для народов, не имевших до последнего времени своей собственной письменности, появление таких словарей имеет большое практическое и научное значение.

Лексикографической разработке глаголов, выражающих способ действия, был посвящен доклад *Д. М. Насилова* (Ленинград). Лексикографирование таких глаголов должно определяться, по мнению докладчика, продуктивностью и регулярностью образований аффиксальных и аналитических (с помощью служебных глаголов) форм, выражающих способ действия.

С докладом «Насущные задачи лексикографии современного уйгурского литературного языка» выступил *Т. Р. Рахимов* (Москва). Он подробно осветил вопрос о путях зарождения уйгурской лексикографической науки, основы которой были заложены *Н. А. Баскаковым*. Первый «Уйгурско-русский словарь», составленный *Н. А. Баскаковым* и *В. М. Насиловым* (М., 1939), давно уже стал библиографической редкостью. На основе этого словаря был выпущен трехязычный «Уйгурско-китайско-русский словарь» (1952), составленный *Бурханом Шахиди*. В заключение *Т. Р. Рахимов* внес предложение: переиздать «Уйгурско-русский словарь» *Э. Н. Наджица* (М., 1968), дополнив его новой лексикой и упорядочив орфографию.

Выступление *Ш. Сарыбаева* (Алма-Ата) было посвящено лексикографической разработке диалектной лексики в толковом словаре казахского языка. Им были прослежены пути проникновения диалектных слов через диалектно-литературный класс. Докладчик провел различие между так называемыми «прогрессивными» словами (впоследствии могущими стать литературной нормой) и «регрессивными» (имеющими лексические эквиваленты в литературном языке); последние, по его мнению, лишь засоряют литературный язык.

*Ф. А. Ганиев* (Казань) в докладе «О подаче сложных глаголов в тюркских толковых и переводных словарях» подчеркнул целесообразность и необходимость широкого

охвата в толковых и переводных словарях сложных глаголов, которые до сих пор отражались в них недостаточно. Эти глаголы, по мнению докладчика, должны подаваться в самостоятельных словарных статьях.

*В. Н. Тадыкин* (Горно-Алтайск) в докладе «Глагольная форма на *-арга* в словарях алтайского языка» высказал мнение о целесообразности использования данной формы в словарях в качестве глагольной в связи с тем, что она соответствует инфинитиву других языковых групп.

«О целесообразности включения глагольно-именных форм на *-таҕ/-тааҕ/-таҕа/-тага* в словник гагаузского, караимского, крымско-урумского, армяно-кыпчакского словарей» — так назывался доклад *А. Н. Гаркавца* (Киев). По мнению автора, названные языки в условиях субординативного славянско-тюркского двуязычия их носителей выработали неопределенную форму глагола, благодаря контаминативной синтаксической, а затем и морфологической трансформации глагольно-именных форм на *-та*, *-таҕ* (в караимском, армяно-кыпчакском и крымско-урумско-кыпчакском) и *-тага*, *-таа* (в крымско-урумско-огузском и гагаузском) в инфинитив. Поэтому представляется возможным включение их в словник словарей соответствующих языков в качестве тематических форм при условии, что словари имеют целью дать синхронное представление о результатах эволюции этих языков.

В своем докладе «Заметки о „Словаре якутского языка“ Э. К. Пекарского» *Е. И. Оконешиков* (Якутск) высоко оценил данный словарь, отметив при этом, что по своему характеру он может быть определен как толково-переводной. По мнению автора, метод краткого, описательного и энциклопедического толкования оказался более подходящим для полного раскрытия семантического объема многочисленных якутских слов, не имеющих эквивалентов, и частично эквивалентных русских слов. Приемы и методы, примененные Э. К. Пекарским при составлении «Словаря», как показала последующая лексикографическая практика, полностью оправдали себя.

*М. Ш. Гасымов* (Баку) в докладе на тему «О словнике двуязычных русско-азербайджанских, азербайджанско-русских терминологических словарей» условно разделил изданные в Азербайджане двуязычные отраслевые терминологические словари на четыре группы: а) переводные, б) переводно-полнотолковые, в) переводно-толковые, г) переводные энциклопедические.

Словари первого типа представляют собой по существу двуязычный словник без какого-либо толкования терминов. Составление таких словарей по сравнению с другими требует сравнительно небольшого времени. В так называемых «переводных полнотолковых» терминологических словарях наряду с конкретными эквивалентами даются краткие толкования и даже определения

терминов. В переводных толковых терминологических словарях соответствующий эквивалент того или иного термина сопровождается его полным толкованием. В переводных энциклопедических словарях конкретные эквиваленты и толкования сопровождаются и иллюстративными материалами.

Вопрос о словнике для терминологических словарей решается значительно проще, нежели для общих словарей, так как терминология представляет собой не простой перечень слов, а систему терминов, отражающую соответствующие области понятий науки и техники.

Далее докладчик отметил, что разработка единого словника для терминологических словарей всех типов не представляется возможной и вряд ли целесообразна. *М. Ш. Гасымов* рекомендует создавать три типа словарей, различающихся по широте охвата научно-технической терминологии: а) словники, включающие термины (математика, физика, биология, химия и др.) в объеме программы высшей школы; б) словники терминов, соответствующие программам средних школ и средних специальных учебных заведений; в) словники, предназначенные для переводчиков, работников печати, научных и инженерно-технических работников, то есть словники общего характера.

О значении двуязычных словарей в условиях работы национальной школы говорила в своем докладе *Р. И. Цаплина* (Москва). Общие словари русско-национальные и национально-русские не ставят задачи выработать у учащихся билингвизм. Эту цель преследуют специальные школьные словари, отличающиеся от общих лишь малым объемом. Примеры к различным значениям слов, помещенные в словарных статьях, раскрывают недоступные, на первый взгляд, специфические особенности данного языка. Так, примеры к категории грамматического рода или глагольного вида, залога и т. д. в русском языке и способы их передачи в родном языке в русско-национальных словарях помогают учащимся усвоить данные категории, овладеть русским языком в целом и стать билингвами.

*О. Т. Молчанова* (Ярославль) в докладе «„Цветовые“ прилагательные в составе тюркских географических имен Горно-Алтайской автономной области» указала, что наименования 14,7% географических объектов, расположенных на территории этой области, включают «цветовое» прилагательное. К прилагательным, участвующим в образовании географических имен, относятся: *ак*, *ала*, *бараан*, *боро*, *бурул*, *јеерен*, *кара*, *карангуй*, *конгыр*, *көк*, *куба*, *куу*, *кызыл*, *сары*, *сур* и другие. Наиболее распространенными цветовыми прилагательными в тюркской топонимии Горного Алтая, составляющими основную систему цветообозначений, являются *кара*, *ак*, *сары*, *кызыл*, *көк*. Точность в обозначении цвета достигается передачей самых разнообразных оттенков через подси-

стемы цветовых обозначений. При составлении толковых словарей географических названий того или иного региона приходится учитывать словарные, апеллятивные местные названия, к которым добавляются еще топонимические, приобретенные в результате соотношения с конкретными географическими реалиями.

О лексикографической разработке тюркских и монгольских сложных слов доложил Ф. С. Циплин (Москва). Лексикографирование сложных слов, по мнению докладчика, является одной из трудных проблем, требующих объединения усилий тюркологов и монголоведов.

Э. Абдуллаев (Фрунзе) сделал доклад «О принципах отбора и подачи сложных слов в толковом словаре». В толковые словари, сказал докладчик (например, в казахский), часто неправомерно включаются в качестве сложных слов устойчивые, но свободные словосочетания, выражающие одно понятие и передаваемые в других языках, в данном случае в русском, отдельным словом. При этом каждый из компонентов таких словосочетаний дается в своем алфавитном месте, в том же значении, в котором он выступает в составе устойчивых свободных словосочетаний. В подаче же собственно сложных слов наблюдается полный разнобой. Этому во многом способствует далеко не совершенное правописание сложных слов: сложные слова со слитным написанием компонентов подаются на общих основаниях в алфавитном порядке. Сложные же слова с раздельным написанием компонентов, во многих случаях не отличающиеся от первой группы ни структурно, ни по характеру выражаемых значений, даются внутри словарной статьи по одному из их компонентов, без шрифтового выделения, что крайне затрудняет их отыскание. С точки зрения лингвистической, это, конечно, неверно, поскольку данные слова являются обычными полноправными лексическими единицами.

О работе над двухтомным «Толковым словарем туркменского языка» говорилось в совместном докладе С. Алтаева и Б. Чарырова (Ашхабад). Как подчеркнули докладчики, задача толкового словаря туркменского языка заключается в возможно более полном охвате лексики современного туркменского языка от Махтумкули до наших дней. При этом необходимо также предложить нормы употребления слов, входящих в словарный состав литературного языка. В докладе говорилось также, что в «Толковый словарь туркменского языка» не были включены непонятные современному читателю архаизмы, узкоспециальные термины, диалектизмы, арабские и персидские слова и выражения, не употребляющиеся в речи современных туркмен, исконные имена собственные, топонимы.

Свое сообщение на тему «Подача арабских и персидских заимствований в „Толковом словаре азербайджанского языка“» Б. Т. Абдуллаев (Баку) посвятил принци-

пам подачи заимствованных лексических единиц в толковом словаре. Отбор единиц при этом, по мнению докладчика, должен производиться выборочно. Б. Т. Абдуллаев подробно остановился на вопросе подачи в двуязычных словарях омонимов и критериях их включения в двуязычные словари.

Об «Обратном словаре башкирского языка» сделал сообщение М. Х. Ахтямов (Уфа), по мнению которого создание обратного словаря должно облегчить сбор соответствующего материала при изучении словообразования и морфологических типов слов башкирского языка. Несомненно определенное значение такого словаря и для исследования конкретных малоизученных проблем башкирского языкознания — омонимии и синонимии аффиксов, состава аффиксов, сочетаемости аффиксов с различными типами основ, продуктивности и непродуктивности аффиксов, насущных вопросов морфологии и т. д. М. Х. Ахтямов считает, что словарь значительно облегчит создание сравнительной грамматики тюркских языков и окажет помощь в типологических исследованиях башкирского и других языков тюркской семьи.

Э. М. Мурзаев (Москва) выступил с докладом «К семантике некоторых тюркских топонимов». Докладчик остановился на двух топонимических сюжетах: киргизском названии озера Иссык-Куль и азербайджанских географических названиях с компонентом *томба*, *домба*, *тумб* 'холм': *Домбалина*, *Каравултомба*, *Параватумб*.

Докладчик, так же как и киргизский географ С. У. Умурзаков, считает этимологию названия «Иссык-Куль» 'горячее озеро' народной, так как значение его не соответствует географическим реалиям, природным особенностям водоема. Не может быть принята также версия *ысык* 'милый, приятный, симпатичный', как непродуктивная.

Вероятнее всего, «Иссык-Куль» восходит к *ызык*, *ызык*, *ыдык*, *ыйык* 'святой, священный, посвященный богу, жертва' и т. д. Культ «земли — воды» был весьма популярен у древних тюрков, что подтверждается названиями многих географических объектов: озер, рек, гор. Известно, что в любых топонимических системах распространены культовые названия со значением 'святой, священный'.

Географический термин *томба*, *домба*, *тумб* 'холм' оказался весьма продуктивным в топонимии, ср. каз. *төмпө* 'кочки на болоте, на лугу', узб. *дўмбок* 'желвак, шишка, бугорок, выпуклость', кирг. *дөмпөк* 'горка, бугор'. В угорских языках: у манси *тумп* 'отдельная гора, остров, лесной участок круглой формы'; *томп* 'холм', в венг. *domb* 'холм'. Названия многих вершин Северного Урала включают этот термин. В индоевропейских языках: арм. *тумб* 'бугор, насыпь, курган', перс. *томп*, *томб*, *том*, *тум* 'холм, гора'; этот термин прослеживается во многих европейских языках: греч. *tumbos* 'курган, холм', латинск. *tumulus* 'возвышение, бугор, холм, курган, могильная на-

сыпь'. Данный термин встречается и в современных романских, германских языках: французском, итальянском, немецком и английском в тех же значениях «холм, курган», а также «могила, яма, пещера». Последние значения характерны и для немецкого языка. К этому же ряду относится и русское *тумба*, представляющее собой сравнительно позднее заимствование из немецкого. Во многих странах этот термин весьма активен в формировании собственных географических имен: Яныг-Тумп (*яныг* 'большой, великий, главный') — гора на Урале и острова, расположенные у входа в Персидский залив, Томбе-Бозорг и Томбе-Кучек, т. е. Большой Томб и Малый Томб.

В сообщении С. М. Моллазаде (Баку) «Топонимические словари тюркских языков» говорилось о специфике историко-географических названий в Азербайджане. Известно, что длительное нахождение Азербайджана под властью иранских династий, арабского халифата, тюркских племен и народностей исторически обусловило пестроту топонимии Азербайджана, особенно его северных районов. С. М. Моллазаде остановилась на вопросах взаимовлияния и взаимосвязи разносистемных языков: азербайджанского, кавказских и иранских, благодаря чему в последних сохранились многие древние формы топонимов с их первоначальными лексическими значениями.

В докладе З. Г. Ураксина (Уфа) «Фразеологические словари тюркских языков» были проанализированы принципы отбора и описания фразеологических единиц в русско-тюркских, тюркско-русских и одноязычных фразеологических словарях. По мнению докладчика, фразеологические единицы в отличие от сходных образований, семантически неделимы, целостны, идиоматичны и имеют образное значение. З. Г. Ураксин рекомендует в словарной статье размещать их в алфавитном порядке от первого до последнего компонента.

В докладе были рассмотрены также вопросы отражения в специальных фразеологических словарях лексико-грамматической структуры, стилистической квалификации, речевого окружения и системных связей фразеологических единиц.

С. Т. Наурузбаева (Нукус) рассмотрела в своем докладе принципы лексикографирования фразеологического материала в «Каракалпакско-русском словаре», подчеркнув необходимость четкого определения лексического состава, структуры и грамматического значения фразеологизмов, строгого ограничения их в словаре от составных слов, терминов и других видов устойчивых словосочетаний.

Вопросу определения идиомы (в связи с составлением идиоматического словаря чувашского языка) было посвящено сообщение М. Ф. Чернова (Чебоксары). Сочетания слов чувашского языка, в зависимости от их структурно-семантических особенностей,

докладчик подразделяет на два типа: 1) грамматико-фразеологический и 2) идиоматический. По мнению исследователя, грамматико-фразеологические сочетания слов одновременно являются объектом грамматики и фразеологии, идиоматические же сочетания — объектом идиоматики или идиомалогии. М. Ф. Чернов уделил большое внимание разграничению идиоматических сочетаний и так называемых несвободных (устойчивых) сочетаний слов. Сопоставляя в структурно-семантическом плане особенности идиом и других единиц языка (слов, сочетаний слов грамматико-фразеологического типа), он дает следующее определение: идиома — это воспроизводимая семантически целостная единица языка, состоящая из двух или более компонентов лексемного характера, между которыми отсутствуют лексико-семантические и грамматические отношения.

Один из интересных в тюркском языкознании и слабо разработанных в лексико-семантическом плане вопросов осветил в своем докладе «Цветовая символика у тюркских народов» академик А. Н. Кононов. Хотя доклад и был назван докладчиком «семасиологическим этюдом», в нем были тонко и тщательно прослежены и раскрыты на богатом фактическом материале различных тюркских языков многочисленные семантические оттенки таких простых, на первый взгляд, цветовых символик, выражаемых широко распространенными прилагательными, как *красный, белый, черный, голубой, желтый*, употребляемых различными народами мира для определения стран света. Наиболее подробно докладчик остановился на вопросе раскрытия семасиологических оттенков и символических значений таких цветовых прилагательных, как *қаға* и *ақ*. А. Н. Кононов отметил, что значения многих цветовых символов отчасти сохранились в древнетюркских собственных именах.

С сообщением о «Тувинско-русском фразеологическом словаре», составленном Я. Ш. Хертеком, выступил Ш. Ч. Сат (Кзыл). Каждая словарная статья, подчеркнул докладчик, написана по всесторонне продуманной схеме. Смысловой дословный перевод тувинского фразеологизма и сопоставление его с идентичным русским делает словарь доступным широкому читателю. Фразеологический материал словаря хорошо документирован. К недостаткам словаря Ш. Ч. Сат относит малочисленность в нем пометок и ссылок, поясняющих системный характер фразеологизмов, выделенность фразеологизмов-эвфемизмов и некоторые другие. В целом словарь Я. Ш. Хертека представляет значительный теоретический и практический интерес как первый опыт составления фразеологического словаря тувинского языка.

Некоторые вопросы классификации фразеологических, а также идиоматических со-

четаний в татарском языке рассмотрел в своем выступлении Г. Х. Ахундзянов (Казань). Докладчик выдвинул ряд интересных проблем, важных как в теоретическом, так и в практическом отношении, причем не только для татарского, но и всего тюркско-языкознания.

А. Г. Шайхулов (Москва) выступил с сообщением «Некоторые трудные вопросы составления антропонимических словарей тюркоязычных народов», в основу которого был положен анализ антропонимических систем башкирского и татарского языков. Отметив, что у большинства тюркоязычных народов (кроме узбеков, казахов, азербайджанцев и татар) по сей день отсутствуют словари личных имен, докладчик подробно остановился на некоторых лингвистических методах и методологических принципах, применяемых при составлении антропонимических словарей. Он особо подчеркнул, что тюркологи-лексикографы до сих пор слабо разрабатывают тюркский антропонимический материал, и предложил указать в резолюции конференции на необходимость усиления разработки насущных проблем ономастики как одной из важных областей тюркского языкознания.

В выступлении Р. Я. Рассудовой (Ленинград) на тему «Древние компоненты среднеазиатской топонимии» была сделана попытка связать широко распространенный в Средней Азии термин *тура* — *тура* — *тору* — *тору* с этническим названием небольшой группы населения, проживающей в низовьях Амударьи. По мнению докладчика, материалы, относящиеся к этнической среднеазиатской группе *тура*, дают основание предположить, что предки ее проживали на территории Средней Азии, возможно, еще в домонгольский период, что указывает также на древность топонима *тура*.

\* \* \*

В резолюции, принятой конференцией, отмечалось, что в последние десятилетия отечественная тюркская лексикография развивается интенсивно по всем основным направлениям. Успешно завершилось первичное лексикографирование всех тюркских языков (многие из которых вплоть до наших дней не располагали словарями), а также значительной части их диалектов и письменных памятников.

Особенно заметные результаты достигнуты в области составления двуязычных тюрко-русских и русско-тюркских словарей (один из них — «Киргизско-русский словарь» К. К. Юдакина был удостоен Государственной премии СССР).

Широко развернулась работа над составлением толковых, диалектологических, терминологических, исторических и этимологических словарей тюркских языков. Высокую оценку и широкое признание научной общест-венности получили: «Древнетюркский словарь» (Л., 1969), «Этимологический словарь тюркских языков» Э. В. Севортяна (М., 1974), словари средневековых лите-

ратурных памятников тюркоязычных народов Э. Н. Наджиба, «Словарь староузбекского языка» (Ташкент, 1965—1971) Э. И. Фазылова.

Начали выходить в свет фразеологические, синонимические, топонимические, антропонимические, антонимические и инверсионные словари тюркских языков. Многие из этих словарей были подвергнуты на конференции всестороннему лингвистическому анализу, что должно способствовать их улучшению и совершенствованию при переизданиях.

Наряду с этим в докладах большое внимание уделялось актуальным теоретическим и практическим вопросам тюркской лексикографии, в частности, проблемам словника, толковых и переводных словарей, наиболее трудным и спорным вопросам, связанным с лексикографированием тюркской фразеологии, сложных и составных слов, лексических диалектизмов, топонимов, антропонимов и отдельных типов производных значений исконно тюркских слов.

Участниками конференции был внесен целый ряд практических рекомендаций, направленных на повышение лингвистического уровня составляемых словарей тюркских языков. Главными из них являются ниже-следующие:

1. Необходимо расширить словники толковых и переводных тюркско-иноязычных словарей за счет, во-первых, народной отраслевой лексики, представленной главным образом в разговорной речи и поэтому не получившей в существующих словарях соответствующего отражения, и, во-вторых, сложных и составных слов и собственно фразеологических единиц, бытующих на правах отдельного слова, как его стилистический синоним, или вовсе не имея лексического эквивалента (то есть в качестве уникального термина).

2. Следует упорядочить отбор для общего словаря лексических диалектизмов с учетом возможностей их последующего литературного нормирования.

3. Размещение в словаре сложных и составных слов с раздельным написанием их компонентов целесообразно привести в соответствие с интересами массового читателя и современными требованиями лингвистики, а именно — подавать их либо самостоятельными словарными статьями, исходя из общего принципа размещения слов в словаре, как это уже делается, либо внутри статьи их первого компонента с обязательным шрифтовым выделением, облегчающим их отыскание, а главное — ставящим их в один ряд с обычными (однокомпонентными) словами, что соответствовало бы их природе и коммуникативной значимости.

4. Необходимо упорядочить и по возможности дифференцировать разработку разных типов производных значений слова, сосредоточив внимание на определении реального соотношения между значениями многозначного слова с учетом их коммуни-

кативной роли и зависящей от этого степени употребительности в современном языке.

5. Следует также по возможности унифицировать принципы составления исторических словарей сообразно современным строгим требованиям.

6. Принять соответствующие меры для интенсификации теоретической разработки актуальных вопросов тюркской практической лексикографии, настойчивее внедрять в нее реальные достижения в этой области.

7. Необходимо усилить лексикографирование литературных памятников, диалектов, топонимии и антропонимии тюркоязычных народов.

8. Следует ускорить редактирование и издание подготовленных словарей, потребность в которых непрерывно возрастает, в частности, казахско-русского и турецко-русского словарей, фразеологического словаря татарского языка, обратных словарей башкирского и чувашского языков.

В связи с обширностью тематики конференции многие затронутые на ней актуальные и сложные вопросы не могли быть

достаточно полно и всесторонне обсуждены. Таковы, в частности, круг проблем, связанных с тюркской фразеологией в ее отношении к сложным и составным словам сходной с ней по структуре, и вопросы тюркского сложного слова. Эта проблематика могла бы стать предметом специальной конференции. Не менее важна также и проблема семасиологической обработки в словарях тюркских многозначных и многофункциональных слов, чему на данной конференции, к сожалению, также не было уделено достаточного внимания.

Необходимость и полезность периодического созыва конференций по конкретным вопросам тюркской лексикографии вполне очевидна. Следующая конференция, например, могла бы быть созвана в одной из союзных или автономных тюркоязычных республик хотя бы на такую актуальную тему, как «Лексикографическая разработка и теоретическое осмысление тюркских сложных и составных слов».

*Л. Ж. Жабелова,  
А. Г. Шайхулов*

PERSONALIA

НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ БАСКАКОВ

(К 70-летию со дня рождения)

Ученый совет Института языкознания Академии наук СССР совместно с представителями научной общественности тюркоязычных республик и областей недавно отметил 70-летие со дня рождения и 45-летие научно-педагогической деятельности видного ученого-востоковеда, доктора филологических наук, профессора Николая Александровича Баскакова.

Н. А. Баскаков принадлежит к тому поколению отечественных тюркологов, начало деятельности которых приходится на конец 20-х — начало 30-х гг. — период становления советской тюркологии, когда определялись ее цели и задачи, во многом отличные от дореволюционных. Н. А. Баскаков был одним из первых и активных участников этой новой по своему характеру востоковедной работы на всех ее этапах. Н. А. Баскаков, можно сказать, олицетворяет собой живую историю тюркского языкознания послереволюционных лет, и по его научной биографии можно проследить основные этапы развития советской тюркологии, ибо в течение всех этих десятилетий ученый всегда находился в самой гуще тюркологической работы, неизменно откликаясь на все ее запросы. Постоянная готовность поделиться с коллегами мыслями и соображениями по вопросам, находящимся в центре внимания научной общественности, позволила Н. А. Баскакову снискать всеобщее доверие тюркологов, завоевать высокий научный авторитет.

В ограниченных рамках журнальной статьи не представляется возможным охватить все сферы деятельности Н. А. Баскакова. Поэтому целесообразно сосредоточить внимание на ее важнейших направлениях и главных моментах.

Научный стиль Н. А. Баскакова характеризуется многогранностью, интересом ко всем областям тюркского языкознания, инициативностью и смелостью в выборе предмета исследования и в постановке научных задач. Н. А. Баскакова привлекают преимущественно обобщающие темы по всем разделам тюркологии, однако особым внима-



нием у него пользуются проблемы классификации. Н. А. Баскаков обладает большой работоспособностью, о чем свидетельствует пространный список его научных работ, выступлений и заявок. Н. А. Баскаков активно участвует в научной жизни целого ряда академических учреждений — Института языкознания, Института востоковедения, Института этнографии и др. Он — член Ученого совета Института языкознания, заместитель председателя научных советов по лексикографии и лексикологии и закономерностям развития языков. Н. А. Баскаков — постоянный участник большинства лингвистических сессий, конференций, симпозиумов, совещаний и дискуссий.

Как и большинство тюркологов его поколения, Н. А. Баскаков начинал свою деятельность с исследования вопросов письменности, которые с середины 20-х гг. в течение многих лет привлекали особое внимание тюркологов. Н. А. Баскаков постоянно и активно участвовал в работе Весо-

юзного центрального комитета нового алфавита, будучи его научным сотрудником, выступал в печати по вопросам, связанным с каракалпакским, шорским и хакасским алфавитами, орфографией каракалпакского, казахского и уйгурского языков. По истечении нескольких лет ему вновь пришлось вернуться к этим вопросам в связи с переходом тюркских алфавитов на русскую графическую базу. Интерес и внимание к вопросам алфавита и орфографии не ослабевал у Н. А. Баскакова и в последующие годы. Сравнительно недавно он выступил с рядом работ, подводящих итог разработке тюркских алфавитов в нашей стране<sup>1</sup>.

Одновременно с научной и научно-организационной работой в области усовершенствования тюркской письменности Н. А. Баскаков приступил к исследованиям в сфере грамматики — вначале морфологии, а вслед за тем — синтаксиса и диалектологии. Н. А. Баскакову принадлежит одна из первых, изданных в советское время, грамматик по неизученным тюркским языкам — «Краткая грамматика каракалпакского языка»<sup>2</sup>, материал для которой был собран им еще в студенческие годы, и одна из наиболее ранних в советской тюркологии, но вполне зрелая работа по тюркской диалектологии — «Ногайский язык и его диалекты»<sup>3</sup>. Публикации Н. А. Баскакова по проблемам грамматики и диалектологии вместе с его диалектологическими работками широко известны в тюркологии. Эти дисциплины вместе с лексикографией составляют три главных направления его научной деятельности.

Н. А. Баскаков основательно пополнил достаточно богатый фонд научных исследований в области грамматики тюркских языков как своим известным капитальным трудом «Каракалпакский язык. II. Фонетика и морфология»<sup>4</sup>, так и обширными, нередко первыми в истории тюркологии, очерками грамматик ряда тюркских языков: хакасского, ногайского, алтайского, тюркских языков Южной Сибири. Особое внимание уделял Н. А. Баскаков узловым вопросам и кардинальным проблемам тюркской морфологии и синтаксиса, а именно:

<sup>1</sup> Н. А. Баскаков. Современные тюркские алфавиты, их унификация и совершенствование. — «Вопросы языкознания», 1967, № 5; *его же*. О современном состоянии и дальнейшем совершенствовании алфавитов тюркских языков СССР. — В сб.: «Вопросы совершенствования алфавитов тюркских языков СССР», М., 1972; *его же*. Из опыта разработки латинизированных алфавитов тюркских языков народов СССР. — Там же.

<sup>2</sup> Н. А. Баскаков. Краткая грамматика каракалпакского языка. Турткуль, 1932.

<sup>3</sup> Н. А. Баскаков. Ногайский язык и его диалекты. М.—Л., 1940.

<sup>4</sup> Н. А. Баскаков. Каракалпакский язык, т. II. Фонетика и морфология. М., 1952.

категории времени и наклонения<sup>5</sup>, системе спряжения или изменения слов по лицам в тюркских языках<sup>6</sup>, залогом в каракалпакском языке<sup>7</sup>. К некоторым важнейшим вопросам тюркской морфологии Н. А. Баскаков возвращался несколько раз, исследуя их в различных аспектах: например, морфологическое строение слова в его отношении к частям речи и с точки зрения иерархии аффиксов; личные и лично-притяжательные показатели; личные местоимения в связи с местоимениями указательными в тюркских языках<sup>8</sup>.

Во всех этих работах, как, впрочем, и в остальных исследованиях, Н. А. Баскаков постоянно стремится по-новому подойти и по-новому осветить уже известные в науке явления и факты, свести результаты своих поисков в стройную классификационную схему.

Все морфологические работы Н. А. Баскакова построены на разработанной им теории частей речи в тюркских языках, которая по-новому интерпретирует классификацию словоформ, более тесно связывает морфологию с синтаксисом.

Много времени и сил отдал Н. А. Баскаков изучению тюркского синтаксиса во всех его подразделениях. Начаты почти два десятилетия назад, синтаксические исследования Н. А. Баскакова развивались планомерно и систематически: сначала им было исследовано простое предложение<sup>9</sup>, затем словосочетание<sup>10</sup>, далее — предложение

<sup>5</sup> Н. А. Баскаков. О категориях наклонения и времени в тюркских языках. — В сб.: «Структура и история тюркских языков». М., 1971.

<sup>6</sup> Н. А. Баскаков. Система спряжения или изменения слов по лицам в языках тюркской группы. — В кн.: «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков, II. Морфология». М., 1956.

<sup>7</sup> Н. А. Баскаков. Залоги в каракалпакском языке. Ташкент, 1951.

<sup>8</sup> Н. А. Баскаков. Личные и лично-притяжательные местоимения в каракалпакском языке. — «Тюркологический сборник», I. Л., 1951; *его же*. О соотношении значений личных и указательных местоимений в тюркских языках. — «Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР», № 1. М., 1951.

<sup>9</sup> Н. А. Баскаков. Структура простого предложения в тюркских языках. — «Труды Института языка и литературы Академии наук Киргизской ССР». Фрунзе, 1956; *его же*. Простое предложение в каракалпакском языке. — «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков, III. Синтаксис». М., 1961.

<sup>10</sup> Н. А. Баскаков. Типы атрибутивных словосочетаний в каракалпакском языке. — «Вопросы языкознания», 1956, № 6; *его же*. Словосочетание в каракалпакском языке. — «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков, III. Синтаксис». М., 1961.

с развернутыми членами<sup>11</sup> и, наконец, сложное предложение<sup>12</sup>. Синтаксические работы Н. А. Баскакова, как и другие его исследования по грамматике тюркских языков, исходят из определенных теоретических посылок. Так же как и некоторые другие тюркологи, Н. А. Баскаков основными единицами синтаксиса считает предложение и словосочетание. Структурным ядром предложения, по Н. А. Баскакову, является предикативная связь подлежащего со сказуемым, которую Н. А. Баскаков стремится истолковать как акт обобщения в отличие от словосочетания, представляющего собой, по его мнению, акт конкретизации. Проблемам синтаксиса посвящен ряд статей ученого в упоминавшихся «Исследованиях по сравнительной грамматике тюркских языков», в журналах «Вопросы языкознания»<sup>13</sup>, «Советская тюркология»<sup>14</sup>, в различных сборниках<sup>15</sup>.

Весомый вклад внес Н. А. Баскаков также в тюркскую диалектологию и диалектологию, создав соответствующие монографии по каракалпакскому языку<sup>16</sup>, диалекту черневых татар (северным диалектам алтайского языка)<sup>17</sup>, диалекту кумандинцев<sup>18</sup>.

Во многом Н. А. Баскаков должен быть признан здесь пионером. Диалектографические труды его обычно включают обширный и разнообразный, нередко уникальный материал по тюркским диалектам, составляющий основу обобщающих работ Н. А. Баскакова по тюркской диалектологии, созданных им в последние годы. В этом же ряду стоят исследования по классификации и

описанию строя диалектных систем тюркских языков<sup>19</sup>.

Весьма обширна область лексикографических изысканий Н. А. Баскакова, одного из самых опытных специалистов в области тюркской лексикографии. Он по праву может считаться одним из пионеров лексикографии малоизученных и вовсе неизученных тюркских языков. С его именем связано создание первых советских двуязычных тюркско-русских и русско-тюркских словарей: по уйгурскому<sup>20</sup>, алтайскому (ойротскому)<sup>21</sup>, хакасскому<sup>22</sup> языкам, первых в истории тюркологии гагаузско-русско-молдавского<sup>23</sup> и караимско-русско-польского словарей<sup>24</sup>.

Ряд словарей составлен Н. А. Баскаковым в содружестве со специалистами из тюркских республик и областей, а также под его руководством и редакцией. Под его руководством вышли, кроме уже названных выше, ногайско-русский<sup>25</sup>, русско-алтайский<sup>26</sup>, русско-каракалпакский<sup>27</sup>, туркменско-русский (соредактор)<sup>28</sup> словари. Н. А. Баскакову принадлежит разработка установок для составления трехязычных словарей<sup>29</sup>, о которых можно судить по упомянутым трехязычным словарям для гагаузского и караимского языков.

<sup>19</sup> Н. А. Баскаков. Этнолингвистическая классификация диалектных систем современных тюркских языков. — «Труды VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук», т. V. М., 1970; *его же*. Различные структуры диалектных систем тюркских языков и характер изоглосс общетюркского атласа. — «Советская тюркология», 1972, № 5.

<sup>20</sup> Н. А. Баскаков (в соавторстве с В. М. Насловым). Уйгурско-русский словарь. М., 1939. Словарь переведен на китайский язык и издан в Пекине в 1952 г.

<sup>21</sup> Н. А. Баскаков (в соавторстве). Ойротско-русский словарь. М., 1947.

<sup>22</sup> Н. А. Баскаков (в соавторстве с А. И. Инкижековой-Грекул). Хакасско-русский словарь. М., 1953.

<sup>23</sup> «Гагаузско-русско-молдавский словарь». Под редакцией Н. А. Баскакова. М., 1973.

<sup>24</sup> «Караимско-русско-польский словарь». Под редакцией Н. А. Баскакова, А. Зайончковского, С. М. Шапшала. М., 1974.

<sup>25</sup> «Ногайско-русский словарь». М., 1963.

<sup>26</sup> «Русско-алтайский словарь». М., 1964.

<sup>27</sup> «Русско-каракалпакский словарь». М., 1967.

<sup>28</sup> «Туркменско-русский словарь». М., 1968.

<sup>29</sup> Н. А. Баскаков. Основные принципы составления трехязычных словарей (на материале гагаузско-русско-молдавского словаря). — «Лимба ши литература молдовеняскэ», XI, № 1. Кишинэу, 1968; *его же*. Основные принципы составления трехязычных словарей. — В сб.: «Тюркская лексикология и лексикография». М., 1971 (соавтор).

<sup>11</sup> Н. А. Баскаков. Предложение с развернутыми членами в каракалпакском языке. — «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков, III. Синтаксис». М., 1961.

<sup>12</sup> Н. А. Баскаков. Сложное предложение в каракалпакском языке. — «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков, III. Синтаксис». М., 1961.

<sup>13</sup> Н. А. Баскаков. Типы атрибутивных словосочетаний...

<sup>14</sup> Н. А. Баскаков. Бинарные оппозиции в структуре синтаксиса тюркских языков. — «Советская тюркология», 1970, № 6.

<sup>15</sup> Н. А. Баскаков. Предложение и словосочетание в тюркских языках. — В сб.: «Вопросы составления описательных грамматик». М., 1961.

<sup>16</sup> Н. А. Баскаков. Каракалпакский язык, т. I (материалы по диалектологии). М., 1951.

<sup>17</sup> Н. А. Баскаков. Северные диалекты алтайского языка. Диалекты черневых татар (туба-кижи), т. II. Грамматика и словарь. М., 1966.

<sup>18</sup> Н. А. Баскаков. Диалект кумандинцев. Грамматический очерк, тексты, переводы и словарь. М., 1972.

В последние годы Н. А. Баскаков обратился к новой для него дисциплине — лексикологии, а именно: к ономастике, этнонимии и — традиционному для отечественной тюркологии — исследованию тюркских элементов русского словаря. Исследования Н. А. Баскакова в этих областях в настоящее время носят уже систематический характер, о чем свидетельствует опубликованная им большая серия статей «Русские фамилии тюркского происхождения»<sup>30</sup>. В изучении тюркизмов русского языка, его многочисленных диалектов и говоров в последнее время начинают участвовать руссисты и тюркологи РСФСР, Украины и Белоруссии. Уже состоялось несколько встреч специалистов, работающих по этой теме. Исследования по выявлению тюркских элементов в словарях восточнославянских языков ведутся в настоящее время систематически и регулярно. Инициатива, организаторская деятельность и настойчивость Н. А. Баскакова сыграли весьма существенную роль в оживлении и расширении этой работы среди языковедов названных республик.

Краткий очерк научного творчества Н. А. Баскакова был бы неполон без упоминания его синтезирующих исследований, прежде всего его хорошо известной в тюркологии новой классификации тюркских языков, разработанной им более двадцати лет тому назад и построенной на принципах, отличных от предложенных его предшественниками<sup>31</sup>. Новым в этой классификации является стремление увязать формирование ареальных подразделений тюркских языков с историей их носителей. Число последователей этой классификации постепенно растет, что говорит о наличии рационального зерна в авторском построении. Классификация Н. А. Баскакова в 1958 г. была переведена на китайский язык.

К синтезирующим работам Н. А. Баскакова с полным правом следует отнести также его дважды переиздававшееся «Введение в изучение тюркских языков» — весьма

полезное пособие для подготовки молодых специалистов-тюркологов<sup>32</sup>.

Сравнительно недавно Н. А. Баскаков начал разработку новой в тюркологии темы — историко-типологического освещения строя тюркских языков. Это — в сущности «поисковая» тема, и исследователь здесь выступает в роли первопроходца. Впервые к историко-лингвистической тематике Н. А. Баскаков обратился еще в начале 50-х гг., написав этюд о происхождении условной формы на *-ca-* в тюркских языках<sup>33</sup>. Что касается упомянутой выше новой темы, начатой Н. А. Баскаковым, то часть ее уже разработана и в самое ближайшее время тюркологи получат возможность ознакомиться с книгой Н. А. Баскакова «Историко-типологическая характеристика структуры тюркских языков».

Осуществление как историко-лингвистических разработок, так и синтетических построений, о которых говорилось выше, невозможно без особого внимания к вопросам фонетики. В этой старейшей области тюркского языкознания Н. А. Баскаков работает постоянно. Им, например, опубликованы совместно с А. И. Инкижековой-Грекул исследования по хакасской фонетике<sup>34</sup>, статьи по уйгурскому<sup>35</sup> и караимскому вокализму<sup>36</sup>, создан капитальный труд «Каракалпакский язык».

Говоря о деятельности Н. А. Баскакова в различных областях тюркологии, уместно также вспомнить, что начиная с 1935 г. он более двадцати лет сотрудничал в «Большой Советской Энциклопедии», написав для этого издания статьи обо всех тюркских языках — живых и мертвых, а также очерки о классиках отечественной тюркологии — Н. И. Березине и П. М. Мелиоранском.

Нельзя не упомянуть и о многократных печатных и устных выступлениях Н. А. Баскакова в защиту теории родства алтайских, то есть тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков.

<sup>30</sup> Н. А. Баскаков. Русские фамилии тюркского происхождения. — В сб.: «Ономастика». М., 1969; следующие статьи этой серии были опубликованы: в «Известиях отделения литературы и языка Академии наук СССР», XXVIII, № 4. М., 1969; в сб.: «Ономастика Поволжья». Ульяновск, 1969; в журн.: «Советская этнография», 1969, № 4; в сб.: «Антропонимика». М., 1970; в сб.: «Восточнославянская ономастика». М., 1972; в сб.: «Этнография имен». М., 1971; в журн.: «Русская речь», 1970, № 6.

<sup>31</sup> Н. А. Баскаков. К вопросу о классификации тюркских языков. — «Известия отделения литературы и языка Академии наук СССР», 1952, № 2; его же. Классификация тюркских языков в связи с исторической периодизацией их развития и формирования. — «Труды Института языкознания Академии наук СССР», т. I. М., 1952.

<sup>32</sup> Н. А. Баскаков. Тюркские языки. Введение в изучение тюркских языков. М., 1962; его же. Введение в изучение тюркских языков. М., 1969.

<sup>33</sup> Н. А. Баскаков. О происхождении условной формы на *-ca/-ce-* в тюркских языках. — В сб.: «Академику В. А. Гордлевскому к его 75-летию». М., 1953.

<sup>34</sup> Н. А. Баскаков, А. И. Инкижекова-Грекул. Фонетические особенности хакасского языка и диалектов. — «Труды Института языкознания Академии наук СССР», т. IV. М., 1953.

<sup>35</sup> Н. А. Баскаков. Уйгурский вокализм. — В кн.: «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков, I. Фонетика». М., 1955.

<sup>36</sup> Н. А. Баскаков. Türk dillerinin ön vokallerin düzleşmesi ve Karaimcenin Halicz-Luck Lehçesinde ö>e ve ü>i değişmeleri. — «Türk dili araştırmaları yılığı — Belleten». Ankara, 1963.

Баскакова-ученого нельзя отделить от Баскакова-педагога, воспитателя научной смены. В течение многих лет Н. А. Баскаков преподавал в Институте востоковедения им. Н. Н. Нариманова, где он вел курсы уйгурского языка и другие учебные дисциплины. Не одно десятилетие Н. А. Баскаков руководит подготовкой аспирантов-тюркологов, и сегодня трудно назвать тюркоязычную республику или область, где бы не работали его питомцы. В аспирантуре под руководством Н. А. Баскакова занимались десятки молодых специалистов, и многие из них, став теперь видными учеными, связи со своим учителем не порывают, часто обращаясь к нему за советом и помощью.

Труды Н. А. Баскакова широко известны не только в Советском Союзе, но и за рубежом. Он — частый участник международных встреч востоковедов, тюркологов, этнографов, историков и т. д. Н. А. Баскаков пользуется международным признанием, что нашло свое выражение в присвоении

ему званий зарубежными научными организациями. Н. А. Баскаков — почетный член Королевского Азиатского общества Великобритании и Ирландии, Международного урало-алтайского общества, Польского общества ориенталистов, Венгерского общества ориенталистов Кёроши Чома, Турецкого лингвистического общества, член-корреспондент Финно-угорского общества.

Заслуги Н. А. Баскакова как ученого получили у нас высокую оценку — ему присвоено почетное звание заслуженного деятеля науки РСФСР, Казахской ССР, Туркменской ССР, Каракалпакской АССР.

Отмечая большую, многостороннюю и плодотворную деятельность Н. А. Баскакова в советском языкознании, тюркологическая общественность ждет от старейшего деятеля советской тюркологии новых трудов, новых начинаний в любимой им области — тюркском языкознании.

*Э. В. Севортян*

## НЕКРОЛОГИ

### КОНСТАНТИН КУЗЬМИЧ ЮДАХИН



22 марта 1975 года на 85 году жизни скончался Константин Кузьмич Юдахин, видный ученый и замечательный человек, один из представителей плеяды выдающихся советских тюркологов.

С именем К. К. Юдахина связаны успехи уйгуроведения, становление и развитие узбекской и киргизской диалектологии, составление киргизско-русских, русско-киргизских и других словарей.

В совершенстве зная тюркские и иранские языки, глубоко осмысляя языковые факты и будучи исключительно целеустремленным человеком, Константин Кузьмич для всех, знавших его лично или по трудам, стал своеобразным эталоном подлинного ученого, до конца и бескорыстно преданного науке. Он занимал среди тюркологов особое место, степень его влияния на атмосферу творческих исканий была велика, и поэтому тяжесть утраты, понесенной тюркологами на-

шей страны, будет ощущаться долго и остро.

К. К. Юдахин родился 31 мая 1890 г. в г. Орске в семье служащего<sup>1</sup>. Детство и юность его прошли в г. Аулие-Ата (ныне г. Джамбул), многоязычие которого стало хорошей подготовительной школой для К. К. Юдахина, а постоянное общение с местным населением в какой-то мере предопределило выбор его будущей профессии.

После окончания приходской школы и городского училища К. К. Юдахин в 1906 г. поступает в Ташкентскую учительскую семинарию. Закончив ее в 1910 г., он работает учителем в кишлаках Манкент и Кара-Булак бывшего Чимкентского уезда.

В течение пяти лет, с 1915 по 1920 г., К. К. Юдахин находился в Синьцзяне, ознакомился с культурой и бытом уйгуров, изучал уйгурский язык. Возвратившись в 1920 г. в Ташкент, он поступает в Туркестанский восточный институт (позднее — восточный факультет Среднеазиатского государственного университета), где слушает лекции В. В. Бартольда, П. А. Фалева, А. А. Семёнова, А. Э. Шмидта, С. Е. Малова и других востоковедов, работавших в то время в Ташкенте. В университете К. К. Юдахин под руководством Е. Д. Поливанова была написана дипломная работа по карабулакскому говору узбекского языка.

В 1925 г., по окончании Среднеазиатского государственного университета, начинается ленинградский период жизни К. К. Юдахина — преподавание в Восточном институте им. Енукидзе и в Ленинградском университете, подготовка под руководством С. Е. Малова к научной деятельности. С 1932 г.

<sup>1</sup> Подробно биографические сведения изложены в статьях: В. В. Решево. Константин Кузьмич Юдахин и узбекское языкознание. — В сб.: «Материалы по узбекской диалектологии», II. Ташкент, 1961, стр. 5—13; К. К. Сагдбаев. Константин Кузьмич Юдахин. — В сб.: «Тюркологические исследования». Фрунзе, 1970, стр. 3—15.

К. К. Юдахин возглавляет кафедру уйгурского языка Московского института востоковедения и работает в системе Академии наук СССР, сначала ученым секретарем Тюркологического кабинета, а затем старшим научным сотрудником Института востоковедения Академии наук СССР.

В 1944 г. К. К. Юдахин, находившийся в эвакуации в г. Фергане, по приглашению правительства Киргизской ССР переезжает в г. Фрунзе, где заведует сектором киргизского языка Института языка, литературы и истории Киргизского филиала Академии наук СССР (1944—1952 гг.) и преподает в ряде высших учебных заведений. Как отмечает В. В. Решетов, единственной причиной, побудившей К. К. Юдахина оставить кафедру в институте всесоюзного значения и переехать в г. Фрунзе, было «искреннее желание целиком посвятить остаток своей жизни дальнейшему изучению языков Средней Азии и посылно участвовать в работе по подъему культуры ее народов»<sup>2</sup>.

Научные интересы К. К. Юдахина отличались исключительным разнообразием. Он выступал и как тюрколог широкого профиля и как специалист по узбекскому, уйгурскому и киргизскому языкам. Занимался вопросами языковых связей<sup>3</sup>, культуры<sup>4</sup>, письменности<sup>5</sup>, терминологии<sup>6</sup>, готовил учебники и пособия для студентов<sup>7</sup>, описывал и классифицировал диалекты<sup>8</sup>, много внимания уделял исследованию фонетики, морфологии и лексики современных и древних

тюркских языков<sup>9</sup>. К. К. Юдахин принимал участие в подготовке к изданию краткого варианта киргизского героического эпоса «Манас».

Особенно значительна роль Константина Кузьмича Юдахина в развитии тюркской лексикографии, в создании двуязычных словарей. Составленный им узбекско-русский словарь<sup>10</sup> лег в основу всех существующих узбекско-русских словарей. Его киргизско-русский словарь, вышедший в 1940 г.<sup>11</sup>, был переиздан в 1945—1948 гг. в Турции. К. К. Юдахин являлся также редактором двух русско-киргизских словарей.

Большим событием для тюркологов был выход в свет в 1965 г. переработанного варианта «Киргизско-русского словаря», объемом в 160 авторских листов. В этом словаре богато представлен иллюстративный материал, точно и полно раскрыты значения каждого слова и каждого устойчивого словосочетания. В словарь включены диалектные материалы. Можно смело сказать, что по объему, содержанию и уровню разработки словарных статей этот словарь является одним из лучших в истории тюркской лексикографии.

Необычайно широкий кругозор Константина Кузьмича Юдахина в области лингвистики, искусное владение им конкретным материалом и блестящие результаты, достигнутые в его систематизации и исследовании, получили всеобщее признание и высокую оценку в Советском Союзе и за рубежом. К. К. Юдахин был избран действительным членом Академии наук Киргизской ССР, членом-корреспондентом Академии наук Узбекской ССР, почетным членом международного Урало-Алтайского общества. В 1967 г. за «Киргизско-русский словарь» ему была присуждена Государственная премия СССР. Выдающиеся научные заслуги, плодотворная научно-организационная и преподавательская деятельность К. К. Юдахина отмечены рядом правительственных наград: орденом Ленина, орденом «Знак Почета», орденом Трудового Красного Знамени, медалями и почетными грамотами.

<sup>9</sup> К. К. Юдахин. Материалы к вопросу о звуковом составе чагатайского языка. — «Культура и письменность Востока», IV. Баку, 1929, стр. 62—68; *его же*. Киргизское *йё* — «*пять*». — «Труды Института востоковедения», № 2. М., 1940, стр. 191—193; *его же*. Краткие сведения по сравнительной фонетике. Приложение к кн.: К. К. Юдахин. Киргизско-русский словарь. М., 1940, стр. 571—576; *его же*. Лингвистика в Киргизии. — В сб.: «Наука в Киргизии за 20 лет. 1926—1946». Фрунзе, 1946, стр. 187—194; *его же*. О киргизском термине *акын*. — В сб.: «Академику В. А. Гордлевскому к его семидесятипятилетию». М., 1953, стр. 324—328.

<sup>10</sup> К. К. Юдахин. Узбекско-русский словарь. Ташкент, 1927.

<sup>11</sup> К. К. Юдахин. Киргизско-русский словарь. М., 1940.

<sup>2</sup> В. В. Решетов. Указ. раб., стр. 6.

<sup>3</sup> К. К. Юдахин. Уйгурско-узбекские языковые связи. — «Известия АН Казахской ССР, № 85. Серия уйгуро-дунганской культуры», 1. Алма-Ата, 1950, стр. 28—30.

<sup>4</sup> К. К. Юдахин. Из узбекского народного драматического творчества. — «Сборник в честь проф. А. Э. Шмидта». Ташкент, 1923.

<sup>5</sup> К. К. Юдахин, А. М. Сухотин. О сокращении некоторых букв в тюрко-татарских алфавитах. — В кн.: «Революция и письменность», 1. М., 1933, стр. 137—141.

<sup>6</sup> К. К. Юдахин. Терминология уйгурской газеты. — В сб.: «Языки зарубежного Востока», 1. М., 1935, стр. 29—41.

<sup>7</sup> К. К. Юдахин. Уйгурская хрестоматия. М., 1948.

<sup>8</sup> К. К. Юдахин. Некоторые особенности карабулакского говора. — В сб.: «В. В. Бартольд». Ташкент, 1927, стр. 401—425; *его же*. Водил кишлоғининг лаҳжаси ҳақида бир неча сўз. — «Маориф ва ўқутғучи». Самарканд, 1927, № 7; *его же*. Из лаялякских материалов. О языке и быте киргизов. — «Труды ИЯЛИ Киргизского филиала АН СССР», II. Фрунзе, 1948, стр. 29—38; *его же*. Итоги и задачи изучения киргизских диалектов. — «Труды ИЯЛ АН Киргизской ССР», VI. Фрунзе, 1956, стр. 47—54; *его же*. Классификация киргизских диалектов. — В сб.: «Первая научная сессия Академии наук Киргизской ССР». Фрунзе, 1955, стр. 451—455.

Много энергии и сил вложил К. К. Юдахин в дело подготовки научных и педагогических кадров уйгуроведов, специалистов по киргизскому и узбекскому языкам. Многие известные советские тюркологи являются его учениками.

К. К. Юдахин был не только выдающимся ученым, но и видным общественным деятелем: депутатом Верховного Совета Киргизской ССР, членом коллегии Министерства просвещения Киргизской ССР, активным участником многих научных и куль-

турных мероприятий, проводившихся в стране.

Константина Кузьмича Юдахина больше нет среди нас. Однако, несмотря на невозможность и горечь этой утраты, тот вдохновенный порыв творческих исканий, которым была проникнута вся деятельность Константина Кузьмича Юдахина, живет и будет продолжать жить в трудах его многочисленных учеников и последователей.

*А. М. Щербак*

### АНДРЕЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ МАРТЫНЦЕВ



31 марта с. г. за месяц до своего тридцатилетия внезапно скончался научный сотрудник тюрко-монгольского кабинета Ленинградского отделения Института востоковедения Академии наук СССР Андрей Евгеньевич Мартынцев (родился 27 апреля 1945 г.) Окончив в 1968 г. Восточный факультет Ленинградского государственного университета по кафедре тюркской филологии, после нескольких лет работы в Посольстве СССР в Турции, он с 1972 г. стал сотрудником Ленинградского отделения Института востоковедения Академии наук СССР.

Со студенческих лет А. Е. Мартынцев проявлял интерес к проблемам тюркского стихосложения и за три года самостоятельной научной работы успел опубликовать пять статей, выступить на различных конференциях с рядом докладов по вопросам тюркской метрики. Оригинальный подход к изучению тюркского стихосложения, глубокий анализ фактов и вдумчивая интерпретация сложных явлений тюркской метрики — отличительные черты научных работ А. Е. Мартынцева, позволившие ему сразу же занять видное место среди специалистов в области тюркоязычной поэзии. А. Е. Мартынцев подготовил монографию «Ритм и рифма в поэзии Юнуса Эмре», в которой исследовал многие вопросы ритмического строя турецкого стиха — особенности звукового повтора, лексико-грамматические типы рифмы, проблемы ритма турецкой письменной поэзии в его соотношении с ритмической характеристикой турецкого народного стиха и т. д. А. Е. Мартынцев исполнял обязанности ученого секретаря тюрко-монгольского кабинета Ленинградского отделения Института востоковедения Академии наук СССР и проявил на этой работе свои лучшие качества — организаторские способности, деловую четкость и аккуратность.

Светлая память об А. Е. Мартынцеве — обаятельном человеке, талантливом исследователе, добром товарище — навсегда останется в сердцах всех, кто его знал.

*А. Н. Кононов, Ю. А. Петросян,  
С. Н. Иванов, С. Г. Кляшторный,  
Л. Ю. Тугушева*

## ОСНОВНЫЕ РАБОТЫ А. Е. МАРТЫНЦЕВА

1. Звуковой повтор в современном турецком языке. — «Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. IX годовичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР», 1973.
  2. Приблизительная рифма в газелях Юнуса Эмре. — «Советская тюркология», 1973, № 5.
  3. Звуковой повтор в турецком языке. — «Советская тюркология», 1974, № 6.
  4. Об одной особенности стиха Юнуса Эмре. — «Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. X годовичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР», 1974.
  5. Лексико-грамматические типы рифмы Юнуса Эмре. — «Тюркологический сборник 1973», М., 1975.
  6. Об одной особенности ритма турецких мани. — «Тюркологический сборник 1973», М., 1975.
  7. Из наблюдений над формами параллелизма в тюркском стихе. — «Тюркологический сборник, 1974» (в печати).
  8. Об особенности строфического оформления стихов Юнуса Эмре. — В сб.: «Türkologiya» (в печати).
  9. Ритм и рифма в поэзии Юнуса Эмре (в печати).
-

СОДЕРЖАНИЕ

*М. Ш. Ширалиев* (Баку). Об актуальных задачах азербайджанского языкознания . . . . . 3

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

*Г. К. Кулиев* (Баку). Семантические группы глаголов . . . . . 7

*Б. А. Серебренников* (Москва). Исторические загадки глагольного аффикса -*ştyg-* в тюркских языках . . . . . 17

ЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ

*И. Г. Добродомов* (Москва). Отражение тюркского начального *j-* в болгаризмах славянских языков . . . . . 23

ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

*Е. Д. Турсунов* (Алма-Ата). Тюрко-монгольские версии сказания об ослеплении циклопа . . . . . 36

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

*К. М. Любимов* (Москва). Первое лицо турецкого грамматического времени на *-tuş* . . . . . 44

ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ТЮРКОЛОГИИ

*И. Абдуллин, М. Закиев* (Казань). Каюм Насыри — основоположник татарского национального литературного языка . . . . . 52

СООБЩЕНИЯ, ОБЗОРЫ

*П. И. Кузнецов* (Москва). Аспект и акционал в турецком языке . . . . . 68

ПУБЛИКАЦИИ

*Э. И. Фазылов* (Ташкент), *И. Г. Галяутдинов* (Москва). Об одном юридическом документе башкир XIX века . . . . . 82

РЕЦЕНЗИИ

*А. Н. Кононов* (Ленинград). *Nuri Yüce. Gerundien im Turkischen* . . . . . 95

*А. А. Абдуазизов* (Ташкент). *Rose Nash. Turkish intonation* . . . . . 96

*В. И. Асланов* (Баку). *Kathleen R. F. Burrill. The Quatrains of Nesimi Fourteenth-Century Turkic Hurufi* . . . . . 99

*И. Баширова* (Казань). Каюм Насыри. Энмүзәж . . . . . 105

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

*Я. С. Ахметгалеева* (Казань). Научная конференция, посвященная 150-летию со дня рождения татарского ученого-просветителя Каюма Насыри . . . . . 108

*Л. Ж. Жабелова, А. Г. Шайхулов* (Москва). Конференция по тюркской лексикографии . . . . . 110

PERSONALIA

*Э. В. Севортыан* (Москва). Николай Александрович Баскаков . . . . . 118

НЕКРОЛОГИ

Константин Кузьмич Юдахин . . . . . 123

Андрей Евгеньевич Мартынцев . . . . . 125

## CONTENTS

<i>M. Sh. Shiraliyev</i> (Baku). On actual tasks of azerbaijan linguistics . . . . .	3
<i>STRUCTURE AND HISTORY OF LANGUAGE</i>	
<i>G. K. Kuliyeu</i> (Baku). Semantis classification of verbs of turkic languages . . . . .	7
<i>B. A. Serebrennicov</i> (Moscow). Historical mystery of the verbal affixe -štyr- in the turkic languages . . . . .	17
<i>LANGUAGES IN CONTACT</i>	
<i>I. G. Dobrodomov</i> (Moscow). Reflection of turkic initial j- in bulgarizms of slovenian languages . . . . .	23
<i>PROBLEMS OF LITERARY CRITICS</i>	
<i>E. D. Tursunov</i> (Alma-Ata). Turkic-mongolian versions of legend on cyclope's blindness . . . . .	36
<i>DISCUSSIONS</i>	
<i>K. M. Lyubimov</i> (Moscow). The first person of turkish grammatical tense of -myš . . . . .	44
<i>HISTORY OF NATIVE TURKOLOGY</i>	
<i>I. Abdullin, M. Zakiyev</i> (Kazan). Kayum Nasyri — founder of the tatar national literary language . . . . .	52
<i>REPORTS, SURVEYS</i>	
<i>P. I. Kuznetsov</i> (Moscow). Aspect and actional in turkish language . . . . .	68
<i>PUBLICATIONS</i>	
<i>E. I. Fazylov</i> (Tashkent), <i>I. G. Galautdinov</i> (Moscow). On one juridical documente of bashkir of the 19 century . . . . .	82
<i>REVIEWS</i>	
<i>A. N. Kononov</i> (Leningrad). Nuri Yüce. Gerundien im Turkischen . . . . .	95
<i>A. A. Abduazizov</i> (Tashkent). Rose Nash. Turkish intonation . . . . .	96
<i>V. I. Aslanov</i> (Baku). Kathleen R. F. Burrill. The Quatrains of Nesimi Fourteenth-Century Turkic Hurufi . . . . .	99
<i>I. Bashirova</i> (Kazan). Қаюм Насыри. Әнмүзәж . . . . .	105
<i>SCIENTIFIC LIFE</i>	
<i>Ya. S. Akhmetgaleyeva</i> (Kazan). Scientific conference devoted to the 150-th anniversary of birthday of Kayum Nasyri — tatar scientist-enlightener . . . . .	108
<i>L. J. Jabelova, A. G. Shaykhulov</i> (Moscow). Conference on turkic lexicography . . . . .	110
<i>PERSONALIA</i>	
<i>E. V. Sevortyan</i> (Moscow). Nickolay Alexandrovich Baskakov . . . . .	118
<i>OBITUARY</i>	
<span style="border: 1px solid black; padding: 2px;"><i>Konstantin Kuzmich Yudakhin</i></span> . . . . .	123
<span style="border: 1px solid black; padding: 2px;"><i>Andrey Evgenyevich Martyntsev</i></span> . . . . .	125

1 руб.

Индекс  
70927